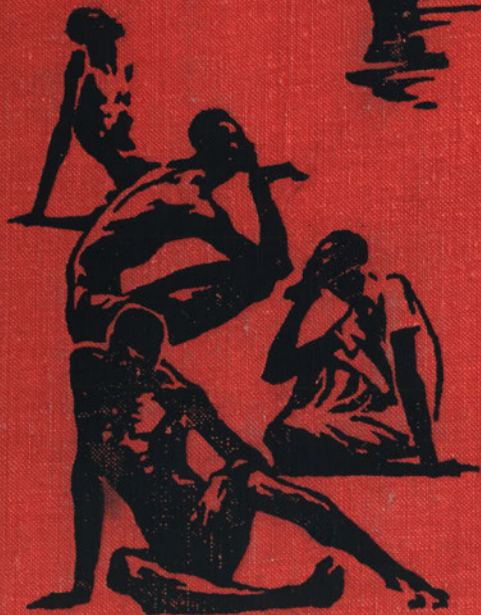

Мануэл Феррейра ЧАС ОТПЛЫТИЯ

Мануэл
Феррейра
**ЧАС
ОТПЛЫТИЯ**

1911-1912

Мануэл Феррейра
ЧАС ОТПЛЫТИЯ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Перевод с португальского

МОСКВА «ПРОГРЕСС» 1979

Феррейра, М. Час отплытия. Повести и рассказы. Пер. с португ.

В сборник крупнейшего писателя Островов Зеленого Мыса вошли повести «Час отплытия» и «Ордер на арест», составляющие своеобразную дилогию. В первой рассказывается о коренных жителях страны, вынужденных в поисках заработка покидать родину, во второй — об их судьбе в эмиграции. Произведения запечатлели рост самосознания креолов, их стремление к свободе, национальной независимости.

В сборник включены также рассказы писателя.

© Составление, предисловие и перевод на русский язык издательство «Прогресс», 1979

Ф $\frac{70304-586}{006(01)-79}$ 118—79

4703000000

Предисловие

Среди португалоязычных писателей современной Африки вряд ли найдется человек, отличающийся таким разнообразием интересов и такой многогранностью художественной натуры, как Мануэл Феррейра.

Романист и автор рассказов; литературовед и ученый, создатель первой в мире истории португалоязычных литератур Африки; просветитель, наставник юношества, социолог и публицист; этнограф и собиратель африканского фольклора, падатель журнала «Африка», посвященного проблемам португалоязычного искусства и культуры, — вот далеко не полный перечень творческих устремлений писателя.

Уроженец Португалии, Мануэл Феррейра окончил на родине факультет общественных наук Лиссабонского университета (одновременно он посещал занятия и на филологическом факультете). Чтобы избежать преследования салазаровских властей, молодой Феррейра отправляется на Острова Зеленого Мыса, где с 1941 по 1947 год проходит военную службу. Именно в то время он впервые обращается к литературному творчеству. Его пребывание на Островах во многом способствовало оживлению местной культурной жизни: Мануэл Феррейра сотрудничает в журнале «Кларидаде», вокруг которого сосредоточилась тогда почти вся творческая интеллигенция колонии, участвует в создании новой литературной группы — «Сертеза» (1944). После этого М. Феррейра два года служил в Анголе и шесть лет — в «португальской» Индии. Свои рассказы и очерки он публикует в прогрессивных периодических изданиях Португалии, Анголы и Островов Зеленого Мыса.

Длительное пребывание Мануэла Феррейры в колониях определило его творческую судьбу. Африка, и прежде всего Острова Зеленого Мыса и Ангола, навсегда приковала его внимание. В настоящее время писатель живет в Лиссабоне, принимает самое непосредственное участие в общественно-просветительской деятельности португальской интеллигенции, постоянно укрепляет свои контакты с представителями африканской, прежде всего португалоязычной, культуры. Член Коммунистической партии Португалии, в прошлом секретарь правления Португальского общества писателей, ликвидированного фашистским правительством, в декабре 1973 года Мануэл Феррейра был избран вице-президентом

Ассоциации португальских писателей. После революции 25 апреля 1974 года он около двух лет работал на телевидении и в том же 1974 году был назначен заведующим кафедрой португалоязычных литератур Африки на филологическом факультете Лиссабонского университета, а четыре года спустя стал руководителем Центра африканских исследований. Писатель активно работает в португальском отделении Международной ассоциации литературных критиков, в совете Общества португало-советской дружбы.

В творчестве Мануэла Феррейры преобладают африканские мотивы. Они отчетливо проявляются и в публицистике — писатель активно сотрудничает в газетах и журналах Португалии, Испании, Нигерии, Анголы, Островов Зеленого Мыса и др., — и в его социологических и литературоведческих исследованиях. Назовем, к примеру, книгу «Креольское путешествие, или культурный и этнический синтез на Островах Зеленого Мыса» (1967), обстоятельную статью об ангольской культуре для «Большого словаря португальской литературы и литературоведения» (1973) и двухтомный труд по истории португалоязычных литератур Африки (1977).

Появление первых двух томов антологии-панорамы африканской португалоязычной поэзии «В царстве Калибана», составлением которой писатель занимался много лет, привлекло пристальное внимание всех, кого интересуют проблемы культуры и общественного развития португалоязычного мира. Название антологии выбрано составителем не случайно: используя шекспировские образы Калибана и Просперо, М. Феррейра сравнивает освободившуюся от гнета колониализма Африку с Калибаном, который сумел овладеть мировой культурой и обрести свой язык. Первый том антологии-панорамы (1975) посвящен поэзии Островов Зеленого Мыса и Гвинеи-Бисау, второй (1976) воссоздает историю формирования и развития ангольской поэзии, островов Сан-Томе и Принсипи.

За исключением ранних произведений — сборника рассказов «Толпа» (1944) и романа «Семья Мота» (1956), — художественная проза Мануэла Феррейры также всецело посвящена Африке.

Излюбленные жанры Феррейры — повесть, рассказ, сказка для детей, где оживают персонажи зеленомысского и ангольского фольклора. В книгах рассказов «Морна» (1948), «Морабеа» (1958) и «Земля принесенная с собой» (1972) зеленомысская действительность нашла свое отражение в самых разнообразных аспектах: здесь и социальные проблемы, и особенности островной жизни, и пробуждение самосознания зеленомысцев.

Островам Зеленого Мыса посвящены и повести Мануэла Феррейры — «Час отплытия» (1962, 2-е изд. — 1963, 3-е изд. — 1972) и «Ордер на арест» (1971, 2-е изд. — 1978).

Круг проблем, попадающий в поле зрения М. Феррейры в повести «Час отплытия», очень широк. Он охватывает повседневную жизнь острова Сен-Висенти, торгового центра страны, где всегда в изобилии контрабандные товары, в то время как на других островах — Санту-Антан, Сан-Николау — люди умирают от голода. Драматические судьбы, политические интриги, любовные коллизии, рост недовольства и возмущения народных масс — все это нашло отражение в книге. Писатель раскрывает наиболее важные общественные процессы на Островах Зеленого Мыса — расслоение крестьянства, становление новой буржуазии.

Мануэл Феррейра последовательно развивает в этой повести основные темы зеленомысской литературы, связанные с засухой и ее губительными для жителей архипелага последствиями — голодом, нищетой, проституцией, неизбежностью эмиграции в дальние страны, что ведет к постоянной мучительной раздвоенности сознания креола: необходимость покинуть родину из-за невозможности найти работу противоречит страстному желанию остаться там, где его удерживают столько корней.

Голод становится одним из главных действующих лиц повести. Его присутствие зримо, почти физически ощущается с первых же страниц; он так же неотделим от Островов, как окружающий их океан. Книга М. Феррейры открывается страшной в своей реалистической лаконичности картиной опустошения: «Отвратительный призрак нищеты распростерся над островом, голод опустошал деревни, неумолимо, точно чума, уничтожал он все на своем пути по пустынной, выжженной солнцем до желтизны земле, некогда покрытой буйной растительностью». Голод в «Часе отплытия» — не метафизическая абстракция, а явление конкретное и многоликое: он не только пессушает человека, делая его похожим на скелет, не только убивает его физически, но и калечит нравственно, оказывая тлетворное влияние на душу, лишая надежды, а следовательно, и возможности выжить.

В отличие от большинства зеленомысских романистов, в творчестве которых преобладает сельская тематика, Феррейра воссоздает сцены из жизни Минделу, столицы острова Сан-Висенти, включая события на архипелаге в контекст мировой истории. Несколькими штрихами он обрисовывает международную обстановку — разгар военных действий против гитлеровского фашизма. Широкий общественный фон — явление оправданное и закономерное в книге М. Феррейры, ведь благосостояние жителей Сан-Висенти целиком зависит от международной торговли и от прибытия в порт иностранных судов. Из-за блокады острова немецкими подводными лодками у грузчиков нет работы, и появление в порту

иностранного судна воспринимается как чудо, «впрочем, чудо довольно редкое», иронически замечает автор.

В повести «Час отплытия» писатель воспроизводит целую гамму настроений зеленомысцев — от всеми признанного национального свойства — «морабезы» (мягкости, приветливости, радушия) — до затаенного недовольства, растущего чувства протеста. Все большее число креолов начинает осознавать, что народ не может так дальше жить и надо бороться. Соппротивление зреет исподволь, незаметно. И этот медленный, подспудный процесс находит свое высшее проявление в мятеже. Восстание голодных под руководством капитана Амброзио, действительно имевшее место на Островах в 1943 году, отражено, кроме «Часа отплытия», и в других произведениях зеленомысской литературы — в повести «Голодные» Луиса Романо, в поэме «Капитан Амброзио» Габриэла Мариано. В соответствии с жизненной правдой Мануэл Феррейра подчеркивает мирный характер «бунта» и в то же время его неорганизованность и обреченность. Но даже такой бунт доказал потенциальную силу народного гнева: полиция и войска, вызванные, чтобы прекратить беспорядки, в страхе отступают перед стихийным натиском толпы.

Действующие лица повести четко разделены на положительных и отрицательных, однако даже явно отрицательные персонажи, например владелец продовольственных складов в Минделу Себастьян Кунья, обрисованы выпукло и многогранно. Впервые в зеленомысской прозе появляются зловещие фигуры агента португальской охраны сеньора Майи и его добровольного помощника, доносчика по убеждению, Жуки Флоренсио. Из положительных персонажей наиболее жизнен образ доны Венансии, словно олицетворяющий лучшие черты креольского народа — ум, душевность, приветливость, гостеприимство. Представляет интерес и другой персонаж — прапорщик Вьегас, приехавший, как некогда сам Мануэл Феррейра, нести на Островах военную службу и искренне полюбивший местных жителей.

Столь характерная для зеленомысской литературы последнего десятилетия тема осознания интеллигенцией своей ответственности перед народом воплощена у Мануэла Феррейры в образах трех прогрессивно настроенных горожан — профессора Сезара Монтейро, социолога Франсы Жила и поэта Жасинто Морено. Просветитель по призванию, Сезар Монтейро дружен с молодежью; тонко и ненавязчиво пытаясь повлиять на нее, он призывает молодых креолов к активному вмешательству в жизнь. Социолог Франса Жил «твердо, обеими ногами стоит на земле, и проблемы народа были всегда его проблемами», но и ему из-за нежелания идти на

компромисс приходится терпеть много неприятностей, в конце концов по доносу полицейского агента Франсу Жила арестовывают, но под давлением общественного мнения губернатору приходится его освободить. Начинает понимать, что нельзя оставаться в стороне от борьбы своего народа, и поэт Жасинто Морено: «Сейчас не время для лирических стихов... надо рассказать миру о тех, кого увез на принудительные работы „невольничий корабль“, — говорит он.

Сюжет «Часа отплытия» мало разветвлен, хотя сюжетных линий в повести несколько и постепенно прорисовывается фабульная схема — история любви прапорщика Вьегаса и Беатрис. Занимательности повествования писатель достигает не быстрым развитием действия, а стремительной сменой ритмов, почти полным отсутствием описательности, частым переключением места или времени действия (экскурсы в прошлое, вводные истории, воспоминания). Книга состоит из пятидесяти трех главок-фрагментов, и все они крепко спаяны, сцементированы в единое целое. Этому служат своеобразные повторы в начале главы последней фразы предыдущего фрагмента. Излюбленные авторские приемы эмоционального воздействия в «Часе отплытия» — ирония, контрастное противопоставление. В книге встречаются разнообразные оттенки и градации комического: от добродушного юмора и грустной улыбки до язвительной насмешки, гневной сатиры.

В 1971 году, через девять лет после опубликования повести «Час отплытия», лиссабонское издательство «Инова лимитада» выпустило в свет новую книгу Мануэла Феррейры — «Ордер на арест». Обе повести как бы составляют дилогию на зеленомыские темы, поясняя и дополняя друг друга. Если в первом произведении действие происходит на Островах в преддверии эмиграции, то вторая книга посвящена креолам-эмигрантам, живущим в Лиссабоне. Внимание автора сосредоточено на общественно-политических проблемах, он ставит своей целью отразить рост самосознания креолов, их солидарность, стремление к свободе и национальной независимости. Становление зеленомыской нации — одна из ведущих тем последней повести Феррейры.

«Ордер на арест», изданный в Португалии еще при фашистском режиме, обладает одной особенностью: впервые в португальских литературах так откровенно и недвусмысленно говорится о национально-освободительном движении в колониях, о подлой роли тайных агентов фашистской охраны и о многих других наболевших, но тщательно скрывавшихся от мирового общественного мнения проблемах. По словам крупнейшего португальского литературоведа коммуниста Оскара Лопеса, это одно из наиболее зна-

читательных произведений, появившихся за последние годы в португалоязычных литературах.

По тематике и изобразительным средствам «Ордер на арест» контрастирует не только с «португальским» романом Мануэла Феррейры «Семья Мота» (1956), в чем нет ничего удивительного, но и с повестью «Час отплытия». И это тоже естественно и закономерно: за прошедшее со времени написания первой книги десятилетие в общественной и культурной жизни бывших португальских колоний в Африке произошло немало перемен, которые не могли не отразиться в творчестве писателя.

О важности контекста и того, что можно прочесть между строк, о частом использовании в повести полисемии говорит само ее название. «Voz de prisão» — фразеологическое сращение, означающее «ордер на арест», но дословно переводится как «голос из тюрьмы»; естественно, писатель не пренебрегает и этим, побочным значением.

Повесть М. Феррейры привлекает новизной и оригинальностью формы. Необычна в первую очередь организация материала. Почти вся повесть — воспроизведение разговора гостей, собравшихся у автора-повествователя. Выделяется голос главной героини, тетущки Жожи, креолки, вот уже десять лет живущей в Лиссабоне. В эту хаотичную с виду, но тщательно продуманную писателем многоголосицу вмонтированы ассоциативно возникающие воспоминания, небольшие вставные новеллы. Повествование намеренно бессюжетно. Сперва писатель представляет действующих лиц и определяет место действия — оно происходит сначала в доме у Жожи, затем переносится в гостиную к рассказчику, который принимает у себя в гостях тетущку Жожу и двоих ее соотечественниц, — и лишь какое-то время спустя монолог Жожи, изредка перебиваемый репликами и вопросами гостей, прерывается приходом Витора, окровавленного, в порванной одежде. И тут авторское внимание переключается на Витора, следует рассказ-интродукция об этом юноше и его стычке с расистом.

Необычность изобразительных средств в повести определяется самой проблематикой. «Я намеревался представить персонажей как бы изнутри, из глубины зеленомысской действительности», — говорит Мануэл Феррейра. Хотя мы кое-что узнаем об идиомных устремлениях и взглядах рассказчика, персонаж этот с точки зрения внешних примет и характера почти безлик. Зато остальные действующие лица, и в первую очередь бойкая на язык и находчивая Жожа и ее приемный сын Витор, весьма выразительны.

Тетущка Жожа напоминает героиню повести «Час отплытия» Венансию. Как и Венансия, она, не задумываясь, защищает в суде

своего земляка, которого обвиняют в том, что он поднял руку на оскорбившего его капитана. Жожа понимает необходимость образования и сама тянется к знаниям. В то же время писатель отнюдь не идеализирует свою героиню: она и суеверна, и немного консервативна — достигнув наконец жизненного благополучия, Жожа без энтузиазма, недоверчиво относится к новым веяниям.

Из таков ее приемный сын Витор, прямой и честный парень, не желающий скрывать своих убеждений и мириться с несправедливостью. Витору всего семнадцать лет, но этот веселый и с виду легкомысленный парень живет напряженной интеллектуальной жизнью: ходит на лекции, беседует с друзьями «о своей земле, о своем народе, о литературе». Спокойному, обеспеченному существованию в Лиссабоне он предпочитает борьбу и тайно уезжает в Африку, чтобы принять участие в национально-освободительном движении своего народа.

Контраст мятежного духом африканского юноши и умиротворенной, довольной жизнью тетушки Жожи, которая до смерти боится политики, считая ее «погибелью» для людей, обретает в конце книги наибольшую остроту. Молодое поколение совсем иное, чем были их деды и отцы, как бы желает подчеркнуть Мануэл Феррейра. Однако конфликт этих двух характеров не нарушает их единства. Тетушка Жожа и Витор словно олицетворяют две стороны национального облика зеленомысцев: традиционную общительность, дружелюбие, гостеприимство, словом, все, что включает емкое креольское слово «морабеза», и новые качества, обретаемые островитянами в борьбе за независимость, — чувство солидарности, готовность постоять за свои права.

Творчество Мануэла Феррейры правдиво отразило настроения в португальских колониях накануне обретения независимости. Книги М. Феррейры, активного борца за независимость Зеленого Мыса и Анголы, ценны для нас прежде всего тем, что обогащают наши познания о далеком архипелаге в Атлантике, который освободился от пятисотлетнего господства колонизаторов и обрел политическую и национальную независимость.

Е. Рязова

ЧАС ОТПЛЫТІЯ

Повість

Hora di bai

Romance de Cabo Verde

Lisboa, 1972

Перевод **Е. Рязовой**

Редакторы **А. Корх и А. Михалев**

Покидая насиженные места в центре острова, жители Сан-Николау устремились на побережье в надежде поймать рыбешку, отыскать маниоковый корень, стебель сахарного тростника или, на худой конец, любое растение, лишь бы обмануть чувство голода. Но и в прибрежных поселках, даже самых крупных и зажиточных, все, бывшее некогда достоянием их обитателей, развеял ветер невзгод и нищеты. Деятельность членов Общества помощи голодающим, раздававших беднякам похлебку, мало что могла изменить: на рассвете, с первыми лучами солнца санитарная карета из муниципальной больницы подбирала тела умерших ночью от истощения. Холодные, застывшие трупы лежали прямо на улице, и никого это уже не удивляло. Разве накормишь всех бесплатной похлебкой — ведь голодающих на Сан-Николау несколько десятков тысяч.

Отвратительный призрак нищеты распростерся над островом, голод опустошал деревни, неумолимо, точно чума, уничтожал он все на своем пути по пустынной, выжженной солнцем до желтизны земле, некогда покрытой буйной растительностью.

Куда девались зеленые рощи, где с изогнутых дугой ветвей свисали гроздья бананов? Где сладкий батат, и фасоль, и маниока, и ямс, и маис, в былые времена плотным ковром устилавшие плоскогорье, чтобы вдоволь насытить людей и животных? Травы, молодые побеги, кусты, корни деревьев — все сгнуло в прожорливой пасти засухи и палящего зноя.

Только в самом центре острова голод обошел стороной дома богачей, да и то лишь некоторые. Поселки без крыш, окон и дверей являли собой страшное зрелище, дополняя картину запустения.

Проклятие довлело над островом. Проклятие засухи и голода. Те, кому удалось выжить в тот суровый год, превратились в жалких калек, измученных жестокой борьбой за существование.

Единственным якорем спасения в то голодное время для отчаявшихся людей был остров Сан-Висенти.

Происходило это на архипелаге Зеленого Мыса в тысяча девятьсот сорок третьем году — никто, насколько мне известно, не забыл тех дней и поныне.

Капитану парусника «Покоритель моря», пришвартовавшегося в порту острова Сан-Николау, худощавому угрюмому человеку лет сорока, были известны страшные последствия засухи. Тем не менее его поразила собравшаяся на пристани толпа голодных.

Едва парусник показался на горизонте, люди оживились, пришли в движение — наконец-то они будут избавлены от голода. Не иначе как само провидение посылает им этот корабль. Он увезет голодающих далеко отсюда, на другой остров, и там, на земле обетованной, все они получат кров и пищу. В тех краях голода нет и в помине, кашуны* там хватает всем, даже преследуемым судьбой беднякам. Ведь на Сан-Висенти — кто этого не слышал? — крупнейший порт Островов Зеленого Мыса — Порту-Гранди, куда заходят суда со всего мира, и поэтому в Порту-Гранди постоянно есть работа и еда. На Саосенте** много солдат, а их-то всегда кормят досыта.

Спотыкаясь на ходу от слабости, голодающие потянулись к причалу, туда, где стояли шлюпки и катера. Эти шлюпки доставят их на парусник, посланный самим провидением. А парусник отвезет их в дальние края, на землю обетованную.

— Эй, друзья, не спешите, судно никуда не денется.

И капитан терпеливо и обстоятельно объяснял: конечно, он искренне им сочувствует, но ведь немислимо увезти на паруснике всех. Заберет он только тех, кто числится в списке. Их, и никого больше. Таков приказ губернатора. Всем ясно? Тех, кто есть в списке, на Сан-Висенти ждут родственники, друзья или знакомые. Остальным пока что придется покориться судьбе. Капитан не имеет права нарушить приказ. Впрочем, даже если он и рискнет принять на борт столько пассажиров, то при первом же шторме парусник пойдет ко дну, они и ахнуть не успеют.

---

* Кашуна — национальное блюдо зеленомысцев.

** Саосенте, или Сонсенте, — креольское название острова Сан-Висенти.

— Запаситесь терпением,— уговаривал он.— Пусть те, кого нет в списке, отойдут в сторону. Послушайте, что я вам сообщу. Правительство пришлет за вами другие суда, и перевезут вас всех.

Верить ли такому туманному и ни к чему не обязывающему обещанию? Никто не двинулся с места. Завороженные внезапно выросшим перед ними трехмачтовым красавцем люгером, жители острова будто застыли на берегу. Покинуть сулившую им только голод родину — их единственный шанс выжить. Сан-Висенти представлялся голодающим землей обетованной. А парусник «Покоритель моря» — другом, вестником жизни. Разве не должны они бороться за этот шанс? Ведь парусник у берега, и им наконец улыбнулась надежда уехать.

— Мария, жена ньо* Антониньо Дуке!

— Это я!

Все головы повернулись к Марии.

— Жон Фернадес!

— Я здесь!

— Шика Миранда!

Откликнулись сразу трое или четверо, пойдя разбери, кто из них действительно Шика Миранда. Женщины затеяли между собой перебранку.

— Это я!

— Нет, я!

— Но ведь это же я!

— Биа, жена ньо Аугусто Фонсеки!

Тотчас отозвалось несколько голосов.

— Это я!

— Нет, я!

— Расступитесь! Дайте пройти. Это же я!

Немыслимая сутолока. Многие совсем пали духом. У них уже не было сил уйти с пристани. С грустью, словно прощаясь с последней надеждой выжить, наблюдали они, как парусник уходил все дальше в открытое море, постепенно пропадая за горизонтом.

Однако кое-кому все же удалось незамеченным пробраться на корабль, упросив капитана или обманув бдительность команды. Приютившись, кто где сумел, они строили радужные планы, втайне убежденные, что, как

---

* Ньо — сокращенное от «сеньор».

только окажутся на Сан-Висенти, их не оставят без помощи.

Счастливицы, получившие с Сан-Висенти приглашения, распложились на верхней палубе. Люди изнемогали от слабости, вызванной постоянным недоеданием, но в них возрождалось уже забытое чувство уверенности в завтрашнем дне, и это придавало им бодрости. Остров Сан-Николау остался далеко позади, и люди вдыхали соленый влажный воздух, подставив лица ласковому бризу, навевавшему им сладостные мечты.

3

— Приглашение на Сан-Висенти мне прислала моя бывшая хозяйка. Я работала у нее много лет, и она всегда ко мне хорошо относилась.

Жулия Висенте Гонсалвес была настолько слаба, что лишь огромным усилием воли заставила себя говорить. То и дело переводя дух, заплетающимся языком рассказывала она свою историю.

— Раньше я и сама жила на Сонсенте, но мне всегда страшно хотелось вернуться на Сан-Николау. Я родилась там. Дочка с зятем постоянно звали меня к себе, чтоб вести хозяйство, ходить за внучатами. Вот я и приехала. Еды у нас было вдоволь, и ни в чем мы, слава богу, не нуждались. А потом началась засуха. Сперва умерли Антоне и Лела, потом умерла дочь. Зять ушел на паруснике матросом, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Как-то заходит ко мне ньо Томас и говорит: «Поезжайте, Жула, на Сонсенте, да поскорей — ваша прежняя хозяйка, Арминда, будет вам рада-радешенька. Правительство хочет прислать за голодающими корабль, вот и воспользуйтесь случаем. Арминда сама назвала вашу фамилию в муниципалитете».

Парусник качало. Непокойное, ошестинившееся гребнями волн море усиливало в людских сердцах тревогу и тоску. И когда под напором грозных валов мачты парусника жалобно скрипели, а матрос Шико Афонсо отпускал неизменные шуточки, изможденные люди совсем падали духом, еще угрюмее становились их лица.

— Эй, друзья, это море к вам обращается. Слышите, какой оно ведет разговор? Море совсем как человек. Оно

то смеется, то рыдает, то словно хочет что-то сказать. А сейчас оно танцует самбу, ей-богу! Самбу, в которой есть такие слова: любовь в нашей жизни ведь только обман, ла-ла-ра, ла-ла! Вы не любите самбу? Вам больше по сердцу морны*? Ну, я так и думал. Сейчас Шико споем для вас одну славную морну.

Взяв свою шестиструнную гитару и глядя далеко в море, он запел. Он пел песни одну за другой, все они были сочинены народными зеленомысскими поэтами и композиторами, которых прозвали на Островах «трубадурами». Но из них один только ньо Эуженио** сумел глубоко прочувствовать и воплотить в своем творчестве трагедию зеленомысцев. Никому другому не дано было проникнуть в самое сердце креольского народа. Ни Белезе, ни Мошиньо до Монте. Приобретая кое-какой жизненный опыт, матрос именно в этот момент, такой тяжелый даже для закаленного в штормах бывалого морского волка, ощутил хватавшую за душу глубину морны Эуженио Тавареса.

Шико Афонсо прикрыл глаза, слова песни сами собой срывались с его губ, точно спелый плод с дерева.

О вечное море без края, без дна,
сердито катящее волны,
внемли хоть на миг той тоске без конца,
которой сердца наши полны.

Сидевшая в углу девушка поднялась и пересела поближе к нему, подпевая вполголоса.

— Что и говорить, парень, морны у ньо Эуженио и впрямь отличные.

— И они делаются еще лучше, когда их поет Шико.

Девушка слушала Шико Афонсо, и ей казалось, будто песне вторит и корабль, и в воображении ее возникали радужные картины предстоящей жизни на никогда не виденном ею острове Сан-Висенти. Как там, должно быть, хорошо, сколько впереди удовольствий! На вечеринках она будет до упаду танцевать морны, еды на острове, разумеется, до отвала, а парни все как на подбор красавцы.

---

* Морна — национальная лирическая песня-танец, исполняемая под аккомпанемент гитары.

** Имеется в виду знаменитый креольский поэт и композитор, сочинитель морн Эуженио Таварес (1887—1930).

И в ней неожиданно ожила радость, как в былые времена. Ей вдруг захотелось расколоть кокосовый орех и выпить прохладный сок.

Внезапно прервав пение и прижимая гитару к груди, Шико сказал:

— Лучше всех на Островах Зеленого Мыса поет морны Мошиньо до Монте.

— Ничего подобного.

— Ну, тогда Белеза.

— Вот еще, вовсе нет.

«Бойкая девчонка», — подумал Шико Афонсо, хитро на нее поглядывая.

— А тебя как зовут?

— Нита Мендонса.

— Я тебя разыщу на Сан-Висенти.

— Послушай, что я тебе скажу. Лучше всех морны на Островах пела Салибания. Ты никогда не слышал?

— Нет. Я уже не застал ее в живых.

— Так вот, когда пела Салибания, люди плакали. Незадолго до смерти она совсем ослепла, бедняжка. Трудно поверить, но с виду Салибания больше походила на мужчину. Она была сложена как мужчина и лицом напоминала мужчину. И руки у нее были совсем мужские, а уж бранилась и дралась она, как заправский хулиган. Словом, мужик в юбке. Но стоило ей запеть морну — (тут Шико заметил, что у девушки на редкость белые зубы и голубые глаза), — ни Белеза, ни Мошиньо до Монте, никто на всем свете не мог с ней сравниться. Потом о самой Салибании сочинили морну, ты, наверное, ее знаешь. — И девушка попросила: — Спой, пожалуйста, морну «Час отплытия».

Бросив на Ниту жадный взгляд, Шико насмешливо проговорил:

— Маис, что растет у соседа на поле, так и манит его попробовать, уродился ли он нежный да вкусный.

— Хватит дурачиться. Спой лучше «Час отплытия».

— Ах, «Час отплытия»? Так, значит, это мы вместе с тобой отплываем?

— Перестань говорить глупости.

— А ты, оказывается, девчонка что надо!

Возможно, так оно и было на самом деле, только она терпеть не могла, когда ей об этом говорили прямо в глаза. Нита вскочила с места, порываясь уйти.

— Послушай, останься. Я пошутил. Сейчас я тебе спою «Час отплытия».

И он принялся с беззаботным видом перебирать струны гитары.

4

Если волны улягутся, к вечеру они уже должны быть в гавани острова Сан-Висенти. Там их накормят кашупой и рыбным супом. Поев, они лягут спать в доме у родственников или друзей. Мечта, да и только.

Подгоняемый сильным попутным ветром, парусник поднимался и опускался на волнах, кренясь то на левый, то на правый борт, хрупкое суденышко казалось беззащитным перед морской стихией. Капитан, стоя на мостике, пристально смотрел вдаль. Он не испытывал страха перед штормом, его волновало другое — из-за непогоды корабль может прибыть в порт с опозданием, а это крайне нежелательно.

Ньо Мошиньо заметил, что мало-помалу пассажирами начинает овладевать беспокойство, и решил блеснуть своими познаниями в навигации.

— Да разве когда-нибудь бывает иначе? Море у берегов нашего архипелага вроде бы и не бурное, а порой кажется, будто сам черт в него вселился. Но вы не бойтесь. Волнение на море скоро уляжется.

— Ясное дело, уляжется, только сейчас нам от этого не легче, — пробормотал кто-то в углу.

На Сан-Висенти едет и Шика Миранда. Осенью ей исполнится тридцать семь лет, а поглядеть на нее — запросто можно дать все пятьдесят. Худая как скелет. Состарившаяся от страданий.

— Говорят, на Саосенте никто не голодает. Еды там всем достаточно.

Она изливает душу своему соседу. И надо же было так случиться, что рядом с ней оказался именно ньо Мошиньо, тот самый ньо Мошиньо, о котором уже шла речь, человек незаурядный, с интересной биографией.

— Да, Сан-Висенти — совсем другое дело. Ах, моя бедная нога! — Он с трудом приподнял правую ногу и засучил штанину, чтобы все увидели язву.

— Вам очень больно, ньо Мошиньо?

Старик закатал штанину еще выше, и язва предстала на всеобщее обозрение — глубокая, страшная.

— Она у вас болит?

— Еще как, дочка!

Это давнишняя история. Когда-то Мошиньо поранил ногу, в ранку попала инфекция, и нога загноилась. Мошиньо так и не смог избавиться от язвы. Его соседка Танья уверяла, будто его кто-то сглазил. Он лечился, но ничто не помогало. Теперь ему остается лишь положиться на волю божью. Но ничего, на Сан-Висенти совсем другая жизнь. Там у причала стоят корабли. Там есть работа. Есть кашупа. В душе Мошиньо сам немного сомневался, правда ли то, что он рассказывает сейчас пассажирам, но так приятно дать волю воображению. Да, Сан-Висенти — совсем другое дело, это уж точно.

Снова зазвучал голос Шико Афонсо. Песня его лилась широко и свободно. Все сейчас: и парусник, и море, и надвигающиеся сумерки, и морны, и звуки его шестиструнной гитары — волновало матроса, вселяло надежду скоро оказаться на берегу и вновь ощутить терпкий привкус вечного праздника в трактирах, что расположены в квартале бедняков.

Ньо Мошиньо, опираясь на жизненный опыт своих шестидесяти лет, дает советы.

— Только смотрите, будьте осторожны, предупреждаю вас, Шика Миранда. В день прибытия ни в коем случае не наедайтесь досыта. Съешьте несколько ложек супа, и хватит. Надо наполнять желудок постепенно, запомните мои слова. Я сам видел, как люди умирали оттого, что сразу набрасывались на еду.

Только теперь старый Мошиньо заметил, как побледнела и поникла Коншинья, его соседка с другого боку, и решил немножко ее подбодрить.

— Тебя разморило, Коншинья?

Она покачала головой и, не скрывая тревоги, спросила, словно этот вопрос завершал целую вереницу преследовавших ее мыслей и опасений:

— Как по-вашему, ньо Мошиньо, повезет мне на Саосенте?

Чтобы вселить в Коншинью уверенность, старик попытался придать своим словам как можно больше убедительности:

— Послушай меня, милая. Я в жизни многое пови-

дал. Доводилось видеть и людей, впавших в нищету, — они страдали от голода, мучились, а потом все менялось, они выплывали на поверхность, скапливали деньжонок, становились важными господами, понимаешь? Надо только надеяться и не терять мужества. Я в жизни многое повидал, Коншинья, можешь мне поверить.

Старик абсолютно прав. Но мужества ей и так не занимать. Нужно только набраться сил. Несколько ложек кашуны, и все придет в норму, она поправится и станет совсем другой. Конечно, все образуется. Только бы корабль поскорее бросил якорь в порту. Правда, у нее на Сан-Висенти нет знакомых, — где-то она найдет приют? — но мир не без добрых людей, кто-нибудь ее пожалеет.

Ньо Мошиньо хорошо знал жизнь. Он был свидетелем многих событий, на его глазах во времена затяжных засух разыгрывались подлинные трагедии. Немало пережив сам, старик нередко давал дельные советы другим. Мошиньо охотно рассуждал о людских страданиях, бедах, нищете, и пассажиры парусника с растущим уважением поглядывали на умудренного жизнью старика. Чего только ему не доводилось видеть! В периоды длительных засух люди делались похожими на живые скелеты — кожа да кости, вздутые, точно бурдюк, животы. Многие умирали от голода. А потом, потом, как вы знаете, наступала пора дождей. Поля снова становились зелеными. Созревали плоды и овощи. Поспевала кукуруза. Благодарить! Праздник на Островах. Люди прыгали от радости, плескались в лужах, подставляя обожженные солнцем тела под струи падавшей с неба прохладной, благословенной воды. Праздник на Островах — танцуют смуглые мулатки, танцуют красавицы, каких и в целом свете больше не сыщешь.

— И вот однажды некто Жонзиньо Бенто, мой родственник, вообще-то человек осмотрительный, забыв про всякую осторожность, наелся кашуны. И что же вы думаете? Через несколько часов вдруг Жонзиньо падает без сознания на землю, а изо рта у него течет слюна, точно у бешеной собаки. Является доктор, спрашивает, что больной ел. Ему отвечают, что Жонзиньо наелся кашуны. А долго ли он до этого голодал? Кто знает, доктор, уж наверное, не один день. Ну, тогда ему теперь ничем не поможешь. И в самом деле, Жонзиньо в ту же ночь умер.

— Это господь бог наказывает нас за чрезмерную жадность.

— Бог тут ни при чем, мои милые. Просто человек настолько ослабевает, что желудок его не справляется с большим количеством пищи.

И, глядя Коншинье прямо в глаза, Мошиньо повторил:

— Я много чего в жизни видел. Будь осторожнее. Не надо сразу наедаться, слышишь?

Разумеется, она слышит, и Коншинья вежливо поблагодарила его за совет. Когда говорят старшие, их устами глаголет сама мудрость.

Несмотря на крайнее истощение и морскую болезнь, пассажиры «Покорителя моря» то и дело затевали друг с другом разговоры. Истории о голоде неизменно заканчивались описанием обильного урожая. Одни и те же рассказы об изобилии, приходящем на смену нищете, повторялись по нескольку раз, пространно пересказывались с многочисленными деталями, доставлявшими и рассказчикам и слушателям почти чувственное удовольствие.

Бушевал шторм. Над взбунтовавшимся морем опустились черные тучи. Парусник бросало с волны на волну, и смятение вновь охватило пассажиров. У матроса на рее закружилась голова, и он поскорее спустился вниз. Судно кренилось и скрипело. Когда волны, обрушиваясь на верхнюю палубу, разбивались о мачты, ужас беженцев достигал предела. Затаив дыхание, люди следили за разбушевавшейся стихией. Многие молились. Хотя до вечера было еще далеко, на море опустилась темнота. Ветер хлестал паруса, ревел, выл. Те, кому почему-либо надо было пройти по палубе, двигались осторожно, крепко держась за поручни.

Капитан сновал по кораблю, отдавая приказания, как всегда, энергично. Но порой в его голосе проскальзывала тревога. Неужели они и вправду погибнут? Шика Миранда громко молилась — настал ее последний час. Она не протестовала, не возмущалась. Воля человека бессильна против воли божьей. Так думала Шика Миранда, так думали и другие пассажиры. Однако как только ветер на мгновение стихал, печаль и покорность, владевшие ими, сменялись обращенными к небу горькими сетованиями. Ньо Мошиньо и еще какой-то старик призывали людей к спокойствию. Но кто их слушал? Ветер

неистовствовал, парусник метался из стороны в сторону, разъяренные волны захлестывали палубу, деревянная обшивка скрипела, и в памяти людей оживали мрачные истории кораблекрушений, о которых так любили рассказывать теплыми вечерами на Сан-Николау. Даже когда шторм утих и качка почти прекратилась, Шика Миранда не могла преодолеть страх и дурные предчувствия.

Пассажиры все еще были охвачены беспокойством, когда на палубе появился капитан. Во рту у него дымилась трубка, рукава рубашки были засучены, глаза лучились доброй улыбкой, держался он уверенно, и это сразу придало всем мужества.

— Не унывайте, земляки! Буря миновала.

— Все уже позади, капитан?

— Конечно. Теперь до Сан-Висенти рукой подать.

— Нам еще долго плыть?

— Сан-Висенти совсем близко. Еще часа три, и мы в гавани. Крепитесь.

И, отдав приказание рулевому, капитан пошел дальше. Его сердечные слова придали людям сил и уверенности. Душевный человек этот капитан Фонсека Морайс, что и говорить, хороший он парень — и парусником управляет мастерски, и с пассажирами ладить умеет, как никто другой.

5

Вы только поглядите на ее исхудалое лицо, жизнь в ней еле теплится! Время от времени женщина обращается с каким-нибудь вопросом к Шике Миранде. Где же он видел это лицо? Наверное, они с ней уже встречались прежде, а может, она просто очень похожа на кого-то из его знакомых? Откуда она? Из Праи* или с острова Брава? С острова Сал или с Санту-Антана? А может, вовсе и не оттуда. Может быть, она тоже с Сан-Висенти. Из квартала Понта-ду-Сол, где он провел детство. Как бы то ни было, ее вид вызывает у Шико Афонсо сострадание. Что такое голод, ему хорошо известно. Впрочем, у Шико нет особой охоты углубляться в подобные воспоминания. С детских лет он мечтал об иной, более насыщенной со-

---

* Прая — столица Островов Зеленого Мыса.

бытиями жизни. И когда отец, мелкий землевладелец с Санту-Антана, послал его после окончания начальной школы на Сан-Висенти учиться в лицее, поручив заботам уже немолодой тетки Жоаны, жены ньо Раймундо, Шико Афонсо уже рисовал в воображении радужные картины. Но мечты — одно, а то, что мы получаем от жизни, — совсем другое. Наступил, вызванный продолжительной засухой, кризис сороковых годов, тетка умерла, и вскоре он бросил учебу. Шико привык на Сан-Висенти к разгульной жизни, к пирушкам с приятелями, к серенадам, которые они каждый вечер пели под окнами у любимых, и ему было страшно возвращаться на родной остров, откуда приходили вести о голоде и нищете, о том, что его родным день ото дня жить становится все труднее.

Ему пришлось заняться контрабандой. Он привык ночевать на пристани, есть, где придется, жидкую кашу — ее называли кашупой бедняков и раздавали как милостыню. Вместе с другими бездомными парнями он ночевал на задворках открытой эстрады, что на Новой площади, там у них размещалась «штаб-квартира». Рано утром Шико уходил куда глаза глядят, то стянет, что плохо лежит, то затеет скандал... Это представлялось ему своего рода геройством. А когда жара особенно дожимала и ночи сулили заманчивые приключения, он метался по пристани, охваченный жаждой любви, а потом, улегшись где-нибудь у перевернутого старого бота и глядя на звезды, предавался под немолчный рокот моря самым пылким и необузданным мечтам.

Шико терпеливо выстаивал длинную очередь, чтобы получить немного кашупы, которая еще оставалась в котлах, после того как покормят солдат португальской армии. У него уже начали расти усы, и ему было стыдно стоять с котелком в руках среди голодных женщин и детей, на которых с любопытством поглядывали солдаты. Нацеленные на толпу фотоаппараты вызывали у него нестерпимое раздражение. Как-то раз — для Шико, в общем-то, это не явилось неожиданностью — дежурный сержант спросил его, неужели не совестно ожидать подачки вместе с детворой. Лучше бы нашел себе работу — вон какие мускулы накачал! С того дня Шико Афонсо никогда больше не осмеливался присоединиться к толпе, что устремлялась к котлу с остатками солдатских харчей.

Шико решил стать чистильщиком сапог. Сначала работа казалась ему невыносимой. Но мало-помалу он притерпелся. Товарищи по лицу — Сегинья, Филипе, Фиальо — тоже работали чистильщиками.

Однажды капитан Фонсека, у которого он на пристани попросил сигарету, сказал ему:

— По-моему, я тебя знаю, парень. Ты ведь сын ньо Фелисберто с Санту-Антана?

— Ну и что с того?

История Шико Афонсо мало чем отличалась от множества подобных историй, но капитана Фонсеку она растрогала.

— А вот что: хочешь пойти матросом на мой «Покоитель моря»?

Что за вопрос! И Шико стал моряком.

Нередко его одолевала тоска. Может быть, он скучал по прежним беззаботным дням на Сан-Висенти, тосковал по друзьям, азартным играм и пивнушкам. Но шли дни, и в конце концов Шико привык к новой жизни. Корабль стал его домом, и одна мечта, по крайней мере хоть одна, уже сбылась — он купил гитару.

Но гитарой дело не ограничилось. Шико Афонсо осуществил и другую мечту, куда более приятную. Вы спросите: разве может быть что-нибудь приятнее гитары? Ведь на гитаре играют морны, а с ними людям не так тяжело переносить страдания. Гитара — лучший друг в час печали. И все-таки для полного счастья гитары мало. Сбылась и другая заветная мечта Шико, и это наполнило его душу ликованием. Он теперь уже не ходит степенно, как все, а носится сломя голову, не в силах сдерживать радости.

Однажды в предзакатный час он сидел на палубе, поглядывая на скалистые утесы острова Санта-Лузия и наслаждаясь покоем, как вдруг почувствовал, что в душе у него зарождается своя морна, готовая вот-вот соскользнуть с тонких струн его неразлучной спутницы гитары. И действительно, через мгновение в чистом вечернем воздухе, словно незаметно прилетев откуда-то издалека, негромко зазвучала морна.

Глаза твои, о Шандинья,
нежней предзвездного неба.
Они чаруют, как солнце,
блестит в них моря волна.

Взбудораженный, неудовлетворенный своими стихами, он запутался в собственных мыслях, впрочем, сейчас он думал лишь о глазах Шандиньи, его маленькой Шандиньи. И на Шико нахлынули воспоминания.

Вот он увидел ее впервые. А может быть, просто впервые обратил на нее внимание? Ему приглянулась ее стройная фигурка, черные глаза. Кто же она такая?— Это дочка ньо Эдуардиньо.— Какого ньо Эдуардиньо?— Да ты что, парень, с луны свалился? Кто не знает ньо Эдуардиньо с Мадейры?! Мать ее звали Биа да Консейсао, она была с острова Боавишта.— А сама Шандинья родилась на Сан-Висенти?— Вроде бы так.— Какая она хорошенькая, пойду приглашу ее танцевать.

Тесно прижавшись друг к другу, они танцевали морну. Лицо девушки было совсем рядом, и он вдыхал запах пудры и касторового масла, которым были смазаны ее волосы. Они танцевали и на следующий вечер, и еще несколько вечеров подряд, потом начали встречаться и вскоре объяснились в любви. Ты даже не представляешь себе, Шандинья, какая ты красивая, ей-богу. Почему я тебя раньше никогда не видел?— Я целый год болела, и теперь отец не разрешает мне надолго отлучаться из дому.— А как же мы тогда сможем видеться?— По вечерам я часто навещаю мою крестную, тетушку Кармен, она живет на холме «Ойл компани». Приходи туда, как стемнеет, и жди меня около каменной ограды — я буду возвращаться этой дорогой домой.— Шандинья, давай выйдем на балкон. Там прохладнее. Постарайся теперь приходить каждую субботу на вечеринки к Бие Маскареньяс, ладно? И Шико впервые поцеловал Шандинью, а она вздохнула, покорная его воле, и глаза ее засияли влажным и счастливым блеском. Потом, каждый раз вечером, когда она возвращалась от крестной, Шико поджидал ее у каменной ограды, и на холме «Ойл компани» они целовались, сжимая друг друга в объятьях, и радостно смеялись, как смеются все влюбленные на свете.

Думать о Шандинье еще приятнее, чем играть на гитаре морны. Гитара и Шандинья с глазами, похожими на спелые виноградины, с длинными, как у принцессы, волосами, наполняют его жизнь сладостным волнением.

Так что же все-таки приковывает сейчас внимание Шико Афонсо к незнакомке? Глаза, похожие на два бле-

стящих камушка? Лицо цвета спелого финика? Распу-
щенные, точно у русалки, волосы?

Море на горизонте заволокло туманом, от бескрайне-
го простора повеяло одиночеством.

И вот я молю у бога,
чтоб он в мой предсмертный час
позволил, с жизнью прощаясь,
Шандинья, увидеть вас.

Пальцы Шико лихорадочно перебирают струны гита-
ры, морна получается легкая, грациозная, музыка и сло-
ва рождаются как бы сами собой. И вновь перед ним
встает лицо цвета спелого финика, распущенные, как у
русалки, волосы, блестящие глаза. О, эти глаза колдуньи.

И свет луны,
и звездный свет,
и моря жемчуга,
и колдовских тонов рассвет,
и страстная тоска —
все это я представить мог,
в глаза твои смотря.

Он несколько раз повторил морну от начала до конца
и застыл, опустив гитару на колени, счастливый и вос-
хищенный.

6

Очнувшись от грез, Шико Афонсо отнес гитару в
каюту, а когда вернулся на верхнюю палубу, снова за-
метил среди пассажиров привлекающую его внимание жен-
щину. Немолодая, поблекшая, высохшая от голода, вся
в черном. Почему она привлекла его внимание? Шико
бродил и бродил по палубе, пока наконец его не осенило.
Господи, как все, оказывается, просто. Ему даже захо-
телось расхохотаться.

Это же дальняя родственница ньо Жуки, с которой
тот прожил столько лет. Шутка сказать, родственница
самого ньо Жуки. Полное его имя Жон Маргозо, и стра-
шен он как смертный грех, да к тому же еще черен как
головешка. А Шико-то, дурак, все голову ломал, что это
за женщина! Нечего сказать — великая загадка! Если
кому расскажешь, засмеют. Вот уж и впрямь мир тесен.

Впрочем, Острова Зеленого Мыса невелики. Значит, это родственница ньо Флоренсио, няя Клементина собственной персоной. Только постаревшая, изможденная. Прожитые годы ее не красили, а уж голод и подавно. Множество картин из прошлого ожили в воображении Шико.

Уж и произдевались они с ребятами в свое время над этим Жукой — он был тогда муниципальным чиновником. Лицеисты, быстро признавшие Шико своим парнем, — народ шкодливый. Шико был младше всех и о многих проделках своих приятелей знал только по рассказам.

«Ньо Жука, а как у вас дела с новой книгой?» С этого вопроса обычно все и начинается. Жука тотчас приглашает всю компанию к себе домой. Приносит им стулья, а сам усаживается в кресло, угощает сигаретами и с неизменно сонным видом читает свои очерки, написанные очень старательно, и радуется, что они находят отклик у ребят, которые хвалят, а он улыбается, польщенный.

— Ньо Жука, ведь правда, что о вашей последней книге в печати появилось много отзывов?

Он тотчас отправляется в кабинет за газетными вырезками.

— Прочтите-ка эту заметку из «Диарио де нотисиас». Книга: «Прекрасные уголки моей родины». Автор: Жука Маркес Флоренсио. Рецензия без подписи.

Книга зеленомысского писателя, описывающая жизнь родного автору архипелага, кажется нам значительным явлением, ее с полным основанием можно назвать ценной, поскольку она знакомит читателя с индивидуальным и общественным опытом островитян. Мы вправе многого ожидать в будущем от автора подобного произведения.

Тут входит няя Клементина с чаем и пирожными.

— Позвольте задать вам один вопрос, ньо Жука, — с самым невинным видом обращается к нему Армандиньо. — Как вы творите? То есть при каких обстоятельствах вы испытываете наибольшее вдохновение? В то время, когда прохаживаетесь по молу? Или в домашней обстановке? Вечером или днем? Мне рассказывали, будто вы обдумываете свои произведения на вершине Королевского форта, любуясь в тишине открывающимся оттуда видом на бухту. Это правда?

— А вот я слышал, — вступает в разговор Дико, — что

ньо Жука испытывает прилив творческих сил после сьесты.

— Ну, это когда как получается. Все зависит от настроения. Я могу работать в любое время дня и ночи. Знаете поговорку: не каждый день праздник бывает, зато каждый час годится для работы.

Ботинки жмут ему ноги. Он снимает их и надевает домашние туфли.

— Но вот что любопытно. Вдохновение чаще всего приходит ко мне по ночам. Можете себе представить? В комнате полумрак, окна распахнуты настежь, кругом абсолютная тишина. И я начинаю бродить по комнате, расхаживаю из угла в угол (для наглядности он тут же это продемонстрировал), разговариваю сам с собой, жестикулирую, и, заметьте, я делаю все это совершенно го-лый!

Они с трудом удерживаются, чтобы не прыснуть со смеху, представив себе этого обрюзгшего толстяка в чем мать родила. Жирное брюхо колышется при ходьбе в такт шагам — Жука Флоренсио разгуливает нагишом ночью по комнате, обдумывая очерки, получившие, если верить тому, что он сам писал на суперобложках своих книг, всемирную известность...

Нья Клементина в ярком шелковом платке, завязанном по последней сан-висентской моде на макушке, снова входит в гостиную — выпейте, пожалуйста, еще чашечку, возьмите еще пирожное.

Но тут неожиданно гаснет свет, да и терпение парней истошилось. Чай уже выпит, пирожные съедены. Кто-то из лицейстов вдруг осведомляется у ньо Жуки, собирается ли он и роман, о котором им говорил, писать в голлом виде. На этот раз ребятам не удается сдержаться и они раздражаются громовым хохотом, но тут же замолкают, испуганные: наверное, он здорово на них рассердился. Вот сейчас ньо Жука выставит их всех за дверь, и поделом. Но ничуть не бывало. Ньо Жука оказывается истинным джентльменом. Он спокойно ждет, пока дадут свет.

— Большую часть этого романа, друзья, я действительно намерен писать в голлом виде, в этом нет сомнения, поскольку именно в таком состоянии мне легче всего разобраться в своих эмоциях и бурлящих в мозгу идеях.

Ньо Жука — душа-человек. Простой и непритязательный. А может быть, он чудак? Или слегка с придурью? Выходя от него, лицеисты уже не раздумывают об этом, они хохочут до упаду.

Неожиданная встреча с Клементиной — как же она похудела, бедная! — напоминает Шико Афонсо годы учения в лицее. Вдали показался едва различимый силуэт острова Санту-Антан — родины Шико, и на мгновение парень забыл и о Шандинье, и о паруснике, и о гитаре, и о морнах, и даже о засухе, опустошившей Острова Зеленого Мыса.

7

Время бежит, оставляя после себя тоску о минувшем. Теперь перед Шико Афонсо открывалась другая судьба. Она связала его с морем. Зеленомысцу рано или поздно приходилось выбирать: либо эмигрировать, либо уходить в море, поскольку его земля отказывала ему в пропитании. Судьбой Шико Афонсо стало море.

На палубе корабля уже запахло гаванью — морским прибоем, углем, машинным маслом. Путешествие близилось к концу. Всякий раз, едва Шико сходил на берег, в нем оживала надежда.

Скоро пассажиров высадят на пристань. А пока у него есть еще время помечтать о черных как смоль волосах и смуглом теле Шандиньи, о глазах, похожих на спелые виноградины, о поцелуях, что слаще меда.

На корабле люди по-прежнему страдают от морской болезни. Изредка кто-нибудь начинает вздохнуть, рассказывать о своих родственниках, которые приютят его на Сан-Висенти, но большинство пассажиров, снедаемые тоской разлуки, хранят молчание. «Покоритель моря» везет на Сан-Висенти и тех, у кого нет в запасе ни истории, которой можно было бы любого растрогать, ни рекомендательного письма. У таких не осталось в живых ни одного родственника — все они погибли от голода. А кто же прислал им приглашение с далекого острова Сан-Висенти? Никто. Всеми правдами и неправдами пробрались они на парусник, чтобы попасть на сулящий спасение Сан-Висенти, ведь на своем родном острове они

давно утратили последние надежды. Там их ждала лишь санитарная карета из муниципальной больницы, которая на рассвете подбирает тех, кто упал, чтобы никогда больше не подняться.

— У тебя есть приглашение, Биа Диниш? — спросил мужчина лет сорока пяти, до тех пор не проронивший ни слова.

Биа Диниш посмотрела на него отсутствующим взглядом, не понимая, о чем ее спрашивают.

— К кому ты едешь, Биа Диниш? — повторил мужчина.

— К родственнице.

На другом конце палубы ньо Мошиньо, исполненный сострадания к Коншинье, тоже спросил, ждет ли ее кто-нибудь на Сан-Висенти.

— Никто, — ответила Коншинья тихим от слабости голосом.

— Но как же ты там устроишься? Ты же не можешь работать, в твоём-то положении... — ужаснулся он, кивая на ее огромный живот.

— Господь не оставит меня в беде. — И внезапно у нее вырвалось: — Говорят, там вдоволь еды. Кто-нибудь да сжалится надо мной.

Их разговор прервал громкий голос капитана, отдававшего приказание боцману. Коншинья застонала. Неужели это случится прямо здесь, на паруснике, в открытом море?

— Сколько осталось до Сан-Висенти, ньо Фонсека? — спросила она капитана, проходившего мимо.

— Остров уже на горизонте.

Судорога боли пробежала по телу Коншиньи, потом женщина вновь погрузилась в апатию.

— Капитан Морайс, не найдется ли у вас стаканчика грога? — поборов смущение, попросил ньо Мошиньо.

Капитан знал этого старика уже не первый год. Краснобай, любитель выпить, за стакан грога готов душу заложить. Он угостил ньо Мошиньо грогом с Санту-Антана. Старик наслаждался им от души.

— Грог даже чувство голода притупляет, не правда ли, капитан?

Примостившись в углу, Шико Афонсо незаметно разглядывал беженцев: изможденные, больные, высохшие от голода. Худенькие девушки дремали, прижавшись друг

к другу. Не на ком остановить взгляд. Ни одной хорошенькой. Разве что та, с краю, Нита Мендонса, с которой он недавно беседовал. Бедняжка, хоть она и казалась привлекательнее остальных, ей, видно, тоже несладко пришлось — отошала, кожа да кости, ноги как палки, груди нет и в помине. А наверное, прежде она была ничего. Но теперь от ее красоты мало что осталось. Что за скверная поездка, проку от нее никакого! В былые времена, во времена изобилия, ему не раз доводилось угощать пассажиров лакомствами. И капитан, хитрая bestия, тоже их потчевал. Если девушка страдала от морской болезни, он зазывал ее к себе в каюту: «Иди сюда, милая, здесь тебе будет лучше» — и дело сделано. Он всегда своего добивался.

Шико Афонсо не мог отвести глаз от измученных голодом людей. Ему было искренне жаль их. Страшное горе обрушилось на Острова Зеленого Мыса. Такой беды его земляки еще никогда не знали. Юноша начал чуть слышно перебирать струны гитары. Слова морны были исполнены горечи.

Ночь в Минделу тиха и прекрасна...

Стихи, сочиненные Белезой во славу его маленького острова, тронули людей до глубины души. Никогда еще эта морна не говорила столько их сердцам. Ночь опускалась на землю, окутывая ее густым, как туман, покровом. До Сан-Висенти было рукой подать. Парусник качало из стороны в сторону, скрипели мачты. Молодой матрос пел, в людях вновь затеплилась надежда на лучшую долю, и они уже не испытывали страха перед морем.

8

Шико окликнул Ниту Мендонсу:

— Эй, красотка, пойдём-ка со мной. Потолковать надо.

Шико Афонсо играет на гитаре, сочиняет морны, он очень приятный парень, с виду настоящий горожанин. Зачем же заставлять себя упрашивать? Правда, плоть ее давно уже не испытывала искушения. Легко можно отказаться. Даже притворно возмутиться: я, мол, девушка честная, что ты такое обо мне подумал? Но зачем?

Шико пошел вперед, чтобы отвлечь внимание капитана и замести следы. Но не тут-то было. Черта с два его проведешь! Они с девушкой уже спускались в трюм, когда Фонсека Морайс окликнул матроса:

— Это ты, Шико? Поднимись к боцману, у него как раз для тебя поручение.

Капитан поманил девушку рукой, она послушно последовала за ним, и оба скрылись в каюте. Какое еще там у боцмана поручение, черт бы его побрал! Шико даже не стал подниматься на палубу, а вместо этого притаился у дверей капитанской каюты, напряженно прислушиваясь. Вскоре Нита Мендонса появилась на пороге, бледная как смерть.

— Тебе нехорошо, Нита?

— Пустяки. Это просто от слабости. Сейчас пройдет.

— Полежишь немножко, все обойдется. — Шико умеет обращаться с женщинами.

Шико Афонсо накормил девушку, и они поболтали немного о том о сем. Поев, Нита словно ожила и в благодарность позволила Шико все, чего он хотел.

Несколько минут спустя Шико, с встревоженным лицом выскочив из каюты, побежал к капитану.

— Нью Фонсека! С Нитой что-то неладное. Может, она умирает?

Капитан опрометью бросился в каюту. Девушка лежала, застыв в напряженной позе, лицо у нее было мертвенно-бледное, глаза закрыты, из уголка рта тянулась тонкая струйка слюны.

— Черт побери, не хватало еще, чтобы она умерла!

— Не убивайся так, парень. Морской волк должен ко всему привыкать.

Шико принес стакан воды. Они с капитаном смочили девушке лоб, похлопали по щекам, потом, словно делая искусственное дыхание, несколько раз согнули и разогнули ей руки, но Нита не подавала признаков жизни.

— Принеси из моей каюты грога.

Поднесли стакан к губам Ниты и влили ей в рот несколько капель. Вот дрогнули мускулы на ее лице, и постепенно девушка стала приходить в себя. Наконец губы ее зашевелились и она открыла глаза. Ей дали еще глоток грога. Медленно приходя в сознание, Нита Мендонса переводила взгляд с одного на другого, словно хотела о чем-то спросить. Когда к ней вернулись силы, она

поднялась и с помощью мужчин, едва передвигая ноги, вышла на палубу.

— Это от голода,— сказал капитан.

— Вполне возможно,— согласился с ним Шико.

9

Ночь в Минделу тиха и прекрасна. Слова морны исполнены горечи. Положение островитян оставляет желать лучшего. Подразделения португальской армии, недавно прибывшие на Сан-Висенти, еще помогают кое-как сводить концы с концами владельцам пивных и пансионатов-столовых, да прачкам и служанкам, которые кормятся, обслуживая офицеров и солдат, расквартированных в городе. Только они обеспечены работой, а значит, и едой. Основная масса людей на острове голодает. Подвоз продуктов на Сан-Висенти по-прежнему затруднен. Немецкие подводные лодки блокируют подступы к острову. Портовые рабочие коротают время в пивных или на пристани, ожидая чуда — появления грузового судна.

Накануне прибытия парусника некий министр произнес в порту Сан-Висенти впечатляющую речь. «У нас богатейшее море,— заявил он.— Рыбы в нем видимо-невидимо. Вы, можно сказать, владеете настоящим сокровищем. А что вы предпринимаете, чтобы воспользоваться им в столь трудное время?»

Завсегдатаи пивных примыкающего к порту квартала Салина не сразу узнали о приезде министра, и обвинение их в бездействии дошло до них с опозданием.

В тот же день на берег Сан-Висенти высадился некто Ален Перро. Это событие привлекло всеобщее внимание. Мандука рассказал в трактире Нуны историю молодого француза. Перро — инженер, ученый, философ, странствующий по свету. Ален Перро очень любил свою невесту, самую красивую женщину Франции. А она сказала ему: «Знаешь, я согласна выйти за тебя замуж, только если ты совершишь кругосветное путешествие». И Ален Перро ответил: «Смотри, сдержи слово. Я отправляюсь в кругосветное путешествие, а когда вернусь, мы с тобой отпразднуем свадьбу». Ален, он ведь инженер и ученый, построил корабль, не боящийся высокой волны и шторма, и пустился странствовать по свету. Так он и очутился на Островах Зеленого Мыса.

Голый до пояса, с надувной резиновой лодкой под мышкой, он брел босиком по улицам Минделу, а за ним стайкой бежали ребятишки, которых он одарял деньгами и сладостями.

Тенорио в пивной у Итальянца тоже говорил о Перро: — Алену ума не занимать. Большой человек, что правда, то правда. Может быть, он одолжит нам свою резиновую лодку? Будем ловить китов, электрических скатов, акул. А кое-кто будет ловить рыбку в мутной воде. Налей-ка мне последнюю кружечку, бамбино, а то меня дома заждались.

Министр в день приезда Алена Перро возвратился в Лиссабон, жители Сан-Висенти были разочарованы.

10

Каждого, кто приходил к ней на следующий день с визитом, Венансия встречала такими словами:

— Ловить рыбу! Да разве это поможет нам по-настоящему?

— Но ведь губернатор, кажется, предпринимает какие-то шаги, донна Венансия, — возразил прапорщик Вьегас, чтобы पुще ее раззадорить.

— Оно и видно. А впрочем, что может сделать губернатор? Такую малость, что и говорить-то об этом нечего. У него руки связаны. Ведь приказы даются из Лиссабона. Иной раз я даже думаю, что, может, ему и хочется что-то сделать, да разве он посмеет? А если бы и посмел, к чему бы все это привело? Понятия не имею. Знаете, губернаторы у нас на Островах бывают двух сортов. Одним все тут приходится не по вкусу, и они правдами и неправдами стремятся поскорее уехать обратно, в метрополию. Другим, напротив, нравится наш народ, наша жизнь — танцы, морны, праздники. Креолы таким губернаторам симпатизируют, и у них все в порядке.

— А как же народ, донна Венансия?

— Что народ? — Она посмотрела на него с удивлением, не понимая, к чему он клонит.

— Он не бунтует?

— Чтобы наш народ и вдруг взбунтовался?! Нет, сеньор. В прежние века такое, может быть, и случалось. Старики любят вспоминать о мятежах во времена рабо-

торговли. Но теперь это исключено. Зеленомысцы люди покладистые. Покладистые и добрые, можете мне поверить.

— Но быть добрым еще ничего не значит, дон Велансия.

— Извините, что вынуждена не согласиться с вами, сеньор Вьегас, но, по-моему, мои земляки всегда отличались миролюбием. Вы сомневаетесь?

Разумеется, он сомневался. Слишком веские у него были для этого основания.

— Во всяком случае, миролюбие еще не означает, что зеленомысец все стерпит, точно покорное вычужное животное, — сказал он.

— Вот узнаете нашу страну получше, тогда все поймете.

— Среди молодежи здесь встречаются и такие, что не желают мириться с несправедливостью.

— Эти парни начитались запрещенной литературы. Большинство из них занимается сочинением стихов, им хочется, чтобы их фамилии появились в газете.

То, что они начитались запрещенной литературы, само по себе не так уж плохо: вспомните, сколько раз именно так все и начиналось, мог бы возразить ей прапорщик. Однако молодой человек не был политиком в полном смысле слова. Просто он любил подчас вмешиваться в подобные дела, хотя делал это с некоторой опаской. Особенно после доставившей ему столько неприятностей истории в Коимбре, на факультете, где он учился. Его вызывали в полицию, грозили исключить из университета — кто ж не знает, как все это происходит?! Впрочем, он зашел в гости к Велансии не поболтать, а совсем с другой целью. Ему не терпелось увидеть Беатрис, и в глубине души он надеялся, что она вот-вот выйдет. Но Беатрис все не появлялась, и он попросил разрешения откланяться. Так скоро? Оставайтесь чай пить. Но прапорщик Вьегас не мог скрыть своего разочарования.

Радость жизни для прапорщика заключалась в беседах с друзьями. Мыслимо ли жить без товарищей, без общения с приятными людьми? Минделу городок тихий, однако чрезмерная тишина тоже утомительна. Только частые встречи и нескончаемые разговоры с приятелями помогают коротать долгие вечера. Нья Велансия всегда была женщиной общительной, у нее часто собирались

гости, а иногда она любила посидеть на скамейке перед домом. Она объездила полсвета, часто бывала в Лиссабоне, но все-таки, на ее взгляд, ничто не могло сравниться с Островами Зеленого Мыса, с ее родным Сан-Висенти. «Добрый день, нья Венансия», «Добрый вечер, нья Венансия, как она, жизнь-то?», «Как самочувствие, нья Венансия?», «Как поживают ваши племянники, нья Венансия? Они вам пишут из Америки? Как-нибудь на днях заскочу к вам в гости. Всего доброго, нья Венансия». И все это говорится с проникновенной теплотой, такое только на родине и возможно. Потому что она знает здесь всех и каждого и все знают и любят ее. Спокойная жизнь, расцветенная маленькими приятными неожиданностями. Широкий круг знакомых, близкие, друзья превратили заштатный провинциальный городок с нелепыми порой обычаями и привычками в лучший на свете. Кто бы znalся с ней в огромном людском муравейнике Лиссабоне, кроме пяти-шести подруг, живущих в разных концах города? Многим из соотечественниц нья Венансии Португалия казалась землей обетованной, но не раз они находили там свою погибель. И замужние, и одинокие. Конечно, где можно лучше, чем в Лиссабоне, отдохнуть и повеселиться месяц-другой? Но что ни говорите, ничто не сравнится с нашим родным Сан-Висенти.

Прапорщик выпил чаю, отведал медовых булочек и уже собрался распрощаться, но в этот момент раздался стук в дверь, и сердце у него в груди бешено забилося. Нья Венансия пошла открывать.

— Ах, дорогой, сколько лет, сколько зим!

Опять неудача! Это не Беатрис. И все-таки Вьегас остался. Хотел ли он дожидаться прихода девушки или завязать знакомство с новым человеком? Прапорщик, пожалуй, и сам не сумел бы ответить на этот вопрос.

— Вы знакомы?— спросила нья Венансия, представляя их друг другу.

11

Это был нью Жука. На кухне Жоана проворчала себе под нос: «Жука Флоренсио явился. Только его здесь не хватало!» Он оставил в прихожей цилиндр, делавший

его похожим на дипломата, и, опираясь на трость, вошел в гостиную с такой непринужденной самоуверенностью, точно находился у себя дома.

Завидя прапорщика, Жука начал рисоваться.

— Жара просто невыносимая!— воскликнул он, вытирая пот со лба.— Хорошо бы сейчас очутиться в Лиссабоне, на пляжах Капарики или Эсторила*.

Прапорщик оглядел Жуку. Высокого роста, нескладный, даже уродливый, глаза навывкате.

— Вы бывали в Португалии?

— Я всего два месяца как возвратился оттуда.— И Жука самодовольно ухмыльнулся.

В те времена поздки в метрополию были привилегией избранных.

— Всякий раз, как у меня выдается свободная неделя, я направляю свои стопы в Лиссабон. Я чувствую себя там как дома. В последний раз я бродил по Капарике и завязал там знакомство с главным редактором «О Секуло». Теперь я пишу для этой газеты очерки о наших Островах — там целая страница посвящена заморским провинциям. А еще, между прочим, я подружился с одним графом из Обидоса. Лиссабон — замечательный город, мой друг. Представляю, как вы по нему скучаете. Ведь здесь не жизнь, а прямо тоска смертная.

— Знаете, Жука,— вступила в разговор Венансия,— мы только что говорили о кризисе, который переживает страна.

— Кстати, каково ваше мнение о вчерашнем выступлении министра?— спросил прапорщик Жуку.

— Верно, дорогой мой, очень верно подмечено.

Жука был абсолютно уверен в том, что новый знакомый разделяет его мнение. Ведь если здесь, на Островах Зеленого Мыса, и встречались недовольные этой речью, то в Лиссабоне,— так он полагал,— их быть не могло, тем более среди военных, к которым принадлежал Вьегас.

— Видите ли, положительных качеств у зеленомысцев хоть отбавляй, однако нам определенно не хватает инициативы. Народ у нас вялый, апатичный. Его превосходительство нащупал наше слабое место. Вот именно,

---

* Капарика, Эсторил — курорты в пригороде португальской столицы.

сеньор. Море, омывающее Острова, удивительно богато рыбой, а рыболовством креолы почти не занимаются. Что мы предприняли, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки? Откровенно говоря, ничего, положительным образом ничего. Невероятно, но факт. А как известно, правда глаза колет. Что скрывать, мы самые настоящие лодыри и бездельники.

— Но почему вы сводите проблему кризиса только к рыболовству?

— Просто к слову пришлось, друг мой. Можно привести множество других примеров. У нас, как вы знаете, изобилие фруктов. Бананы. Апельсины. А прилагаем ли мы усилия, чтобы выращивать их и экспортировать?

Прапорщик Вьегас более или менее разбирался в положении дел на архипелаге. Редкие дожди, аварийное состояние портов и дорог, отсутствие оросительных систем, медленное развитие индустрии — все эти наболевшие проблемы он перечислил Жуке Флоренсио. Но тот упорно стоял на своем.

— Видите ли, и Рим не сразу строился, ведь так? Министр прав, и я не согласен с вашими возражениями. Море кишит рыбой, а мы едва ли не на краю гибели. Я уже выбился из сил, доказывая это с пеной у рта, и порой мне кажется, что у моих соотечественников шоры на глазах.

Доводы Жуки показались прапорщику весьма неубедительными. Венансию они тоже не очень-то вдохновили. Неужели Жука полагает, что стоит начать ловить рыбу — и голод, точно по мановению волшебной палочки, исчезнет? Как бы не так! А засухи? А отсталое сельское хозяйство? Зачем, однако, продолжать бесполезный спор, если Жука уперся на своем и его невозможно разубедить? Единственное, к чему сейчас стремился Жука Флоренсио, — это сохранить душевное равновесие, а взгляды его лишь отражали позицию тех, кто находится у кормила власти. Вьегас мгновенно раскусил Жуку, приспособленца до мозга костей, человека, придерживающегося наиболее выгодного для себя образа мыслей. Такое же впечатление давно сложилось и у Венансии — наивной дурочкой ее нельзя было назвать.

Служанка принесла чай и булочки. Разговоры о кризисе и о речи министра, произнесенной в актовом зале лица для элиты, прекратились сами собой. Гости с удо-

вольствием болтали о пустяках: о невыносимой жаре, о том, что ветер поднимает клубы пыли, о великолепном аргентинском печенье — теперь такая редкость! — о непревзойденном английском шоколаде — Жука прямо-таки обожает его; о гигантской акуле — в прошлое воскресенье ее видели у самого берега в Матиоте, а позавчера приманили с торгового судна тухлым мясом и прикончили гарпуном. Местный фотограф Жеса неплохо заработал на этой акуле — солдаты охотно раскупали фотографии мертвого чудовища, чтобы послать их семьям и подружкам.

— Знаете, Жоана сварила роскошную кашу, и мне ужасно хочется ее попробовать, — призналась Венансия.

Шокированный, Жука Флоренсио даже заерзал на стуле. Чего только не взбредет на ум этой Венансии! Появилась служанка с полной до краев миской каши и тарелками.

— Жука, не хотите ли отведать, хоть немножко? Сеньору прапорщику я не осмеливаюсь предлагать, он еще не привык к нашей кухне и не сможет оценить ее по достоинству. А вот вы, наверное, съедите с удовольствием.

Каша — национальная еда зеленомысцев, но угощать ею людей, только что приехавших из Лиссабона, не стоит. Чтобы не уронить своего достоинства, Жука отказался, хотя при виде миски с кашей у него разгорелся аппетит.

Нья Венансия от души наслаждалась аппетитно пахнущей смесью вареной кукурузы, фасоли и сладкого батата, колбасы и сала, обильно приправленных острым соусом. У Жуки, если уж говорить откровенно, слюнки текли, но он и виду не показывал. Уважающему себя человеку всегда нужно помнить, что он не какой-нибудь мужлан неотесанный. Хотя, скажем прямо, нья Венансия ведь тоже не плебейка. Черт знает, что за нелепые выходки она себе позволяет!

Хозяйка дома ела кашу с завидным аппетитом, и прапорщик последовал ее примеру. Он быстро покончил с едой, и только застенчивость помешала ему попросить еще. Столовался он в семье таможенника Миранды и уже знал толк в каше.

Жука снисходительно улыбнулся — пусть гость поступает, как ему угодно.

— Жука, возьмите хотя бы жареных бананов с сыром, — предложила Венансия.

Ну, немного бананов с сыром еще куда ни шло, тем более что сыр привезен с острова Боавишта.

— Жука, можете есть без всякого опасения. В моем доме не бывает сыра с Санту-Антана, — опять сказала Венансия.

— Разумеется, вам известно, Венансия, что я не ем сыра, который делают прокаженные, — заявил Жука с важным видом.

Венансия краем глаза глянула на часы. Жука тут же отметил про себя, что она одета наряднее, чем обычно. Куда, интересно, она спешит?

— Я собралась на пристань, ведь сегодня прибывает «Покоритель моря», но раньше девяти часов его нечего ждать.

— Вы кого-нибудь встречаете, ня Венансия?

— Да, бывшую служанку, Бию Диниш. Она моя дальняя родственница.

Жука уже догадался, что речь идет о беженцах с Сан-Николау, однако постарался изобразить на лице недоумение.

— А почему она вдруг решила к вам приехать, ня Венансия? — спросил Жука.

— Разве вы не знаете, что корабль доставит с Сан-Николау большую партию голодающих?

— В самом деле, ня Венансия? — удивился прапорщик.

Разговор оборвался. В предвечерней тишине было слышно, как по улице прогрохотал грузовик с солдатами.

— Дела у нас на родине идут из рук вон плохо, — заметила Венансия, словно очнувшись от раздумий. Исчезло радостное настроение, в котором она была так недавно. Глаза ее были устремлены на висящую на стене старинную репродукцию с портрета принца Луиса. — Горемычная наша земля, сеньор Вьегас!

— Как вы сказали, ня Венансия? Горемычная?

— Да, друг мой. Счастье обошло ее стороной. Никому нет до нее дела.

— Говорят, обычно голодающих отправляют на плантации Сан-Томе... — начал было прапорщик.

— Что за глупости? — прервал его Жука. — Люди болтают бог знает какую чушь.

— Нет, этих не отправят на Сан-Томе,— успокоила прапорщика Венансия.

— Голодающие с Сан-Николау едут к своим родственникам и друзьям,— поспешил Жука позолотить пиллюлю.— Вот, например, нья Венансия,— кто не знает, какое у нее отзывчивое сердце?— приютит у себя бывшую служанку, и этот случай весьма показателен. Правительством предпринимает необходимые меры, оно делает все, что в его силах, чтобы преодолеть кризис.

— А в это время люди каждый день умирают от голода,— резко заметил Вьегас.

— Так было испокон веков, друг мой. Острова Зеленого Мыса нередко страдают от страшной засухи. Однако наши соотечественники люди мужественные. Им не впервой преодолевать невзгоды,— сказал Жука.

— Все зависит от обстоятельств, Жука. Как раз перед вашим приходом я говорила сеньору Вьегасу то же самое. А он спросил меня, не взбунтуется ли наш народ. Что за нелепое предположение!

— Чтобы наш народ взбунтовался? Да ни за что на свете! Зеленомысцы всегда отличались миролюбием,— веско заключил Жука.

Прапорщик задумался, его не оставляли сомнения. Но он не рискнул затеять спор с Жукой Флоренсио. Пора уходить. Беатрис, наверное, уже не придет. Куда ему теперь направиться? Домой или побродить по городу? А может, спросить у ньи Венансии о Беатрис? Это глупо, она ведь, как все женщины, еще заподозрит его в чем-нибудь. Уже в передней он поинтересовался, как подвигается у Жуки новая книга. Жука заулыбался, вытер вспотевший лоб. Это был самый приятный вопрос, какой он мог услышать. Вообще-то Вьегас, на его взгляд, юноша положительный, внушает доверие. Скоро выйдет очередная книга Жуки — «Очерки прямо из-под пера». Краткий, но убедительный анализ основных событий жизни в Миндело. Возможно, эти очерки послужат основой большого романа. Он мечтает создать зарисовки местного быта, подобно Эсе*, изображавшему некогда высшее общество португальской столицы.

---

* Эса де Кейрош (1845—1900) — классик португальской литературы.

Прапорщик с видимым сочувствием кивал головой, но втайне разговор этот его лишь забавлял. Отлично представлял он себе, что за книги пишет Жука Флоренсио. И ему ничего не стоило польстить простодушному автору. Чудак, всему-то он верит, всем восхищается, а от самого себя просто в восторге. И Жука был наверху блаженства. Видит бог, думал он, с таким человеком можно и пооткровенничать, излить ему душу. Книжки Жуки получили всемирную известность — автор, как мы знаем, сам писал об этом на суперобложках, а теперь он надеялся, что и новая будет иметь немалый успех. Он страшно много работает. Работает без отдыха, не зная усталости. Он, как истый интеллигент, чувствует себя лично ответственным за все происходящее, особенно за события на Островах Зеленого Мыса. Прапорщик Вьегас слушал молча, но в его душе нарастало раздражение.

Прощальное рукопожатие скрепило их дружбу. Разумеется, так считал лишь Жука Флоренсио. Нья Венансия поспешно вернулась из кухни, извиняясь за свое отсутствие. Она поблагодарила их за нанесенный ей визит.

По пустынным улицам ветер гнал клубы красноватой пыли. В подворотне укрылась парочка влюбленных. Из казарм доносились звуки трубы. Где-то разучивали на пианино морну. Прохожих не было. Выгляни из окна хотя бы вон та незнакомая девушка, что стоит спиной к подоконнику, она еще острее почувствовала бы скуку и одиночество провинциального городка. Так тоскливо было у всех на душе. Ничто не могло взбудоражить оцепеневший Минделу.

12

Попутный ветер надувал паруса «Покорителя моря». Справа по борту в густом тумане скрылся Санту-Антан. Все уже знали, что самое большее через час на горизонте покажется Сан-Висенти.

Неожиданно пронзительный крик вывел из оцепенения измученных голодом и долгим путешествием людей. Шико Афонсо вскочил, изумленно озираясь. Кое-кто из пассажиров тоже поднялся с места. Снова раздался крик, потом еще и еще.

Кричала Коншинья. Позеленев от боли и кусая губы, лежала она на спине, раскинув в стороны худые, как плети, руки и ноги. Схватки учащались, стоны и крики становились все громче. Мужчины отворачивались, словно происходящее их совсем не касалось. Перейдя к правому борту и закулив сигарету, Шико смотрел, как густая пелена сумерек опускалась над морем.

Женщины плотным кольцом обступили роженицу. Коншинья металась, не находя себе места. Схватки то отпускали ее, то вновь усиливались. Неужели она вот так и будет лежать на палубе, обессилевшая, беспомощная? Разве нельзя ничего для нее сделать?

— Люди, да что же это такое? Неужто никто не поможет женщине? — воскликнула какая-то старушка.

Шика Миранда медленно встала. Она, еле держась на ногах, с помощью дочери подошла к Коншинье и опустилась рядом с роженицей. Огрубелые, опухшие руки заскользили по ее животу, нащупывая ребенка.

С беспокойством наблюдали люди за Шикой Мирандой, которая приняла на своем веку немало родов. Шли минуты. Наконец схватки прекратились. Коншинья больше не стонала. Что с ней, может, она умерла? — в тревоге думала Шика Миранда. Нет, вроде бы, нет. А похожа на мертвую! Тело все расслаблено. Неужели она умрет? Ведь случилось же так с ньей Филоменой. Пришло ей время рожать, а поблизости ни доктора, ни медсестры. Дом Филомены стоял на отшибе, в поле, в трех лигах* от Рибейра-Брава. Она без сознания, в лице ни кровинки. Тетушка Розинья, много лет занимавшаяся в тех краях акушерством, трясла Филомену за плечи, растирала ей живот. Пот ручьями бежал по лицу Розиньи. Она из сил выбивалась, чтобы выволить ребенка из чрева матери. А Филомена не подавала признаков жизни. Прошло около часа, он показался целой вечностью. Схватившись за голову руками, тетушка Розинья тихо произнесла: «Умерла...»

И вот теперь Шика Миранда, массируя живот Коншиньи, со страхом вспоминала смерть Филомены, терзалась сомнениями — а все ли так, как надо? У Шики совсем не было сил. Пот градом катился по ее лицу. Оглядев

---

* Лига — мера длины, равная пяти километрам.

стоявших вокруг женщин и увидев их глаза, нацеленные на нее, точно дула винтовок, Шика вздрогнула.

— Ну, как она?

— Пусть передохнет немного. Ребенок уже идет сам. Я повернула его, как надо. Теперь все будет хорошо, если мать чуточку ему поможет.

— Ой-ой-ой, няя Шика! — вскрикнула Коншинья. Она наконец-то пришла в себя.

— Ну-ну, крепись, милая, теперь недолго. Ребенок уже показался. Вот-вот выйдет. Еще самую малость. Ну же, Коншинья, будь умницей, помоги. Не подкачай, милая! Ну, давай, давай.

Наконец показалась головка.

— Милая, мужайся, ну помоги еще чуть-чуть.

И вот ребенок появился на свет. Крошечный семимесячный заморыш.

Разумеется, мертвый. Уже столько детей умерло на Островах от голода! Оно, может, и к лучшему, что этот тоже так и не узнает, как страшна жизнь.

Коншинья чувствовала огромное облегчение, она плакала. Подошел Шико Афонсо и, взяв нож, посыпанный солью для дезинфекции, осторожно обрезал пуповину.

— Мальчик был... — сказала Шика Миранда.

— И правда, мальчик, — с сожалением подтвердила одна из женщин, глянув на ребенка.

Только теперь, когда до нее вдруг дошло, что случилось, Коншинья зарыдала.

— Не убивайся, Коншинья. Все к лучшему. Ну зачем тебе в такую пору ребенок? Ведь кругом голод, — сказала одна.

— Ему еще повезло, милая, — подхватила другая. — И ему, и тебе. Ведь одной-то прокормиться легче, чем с младенцем на руках.

— Да уж, родить ребенка в такое трудное время и впрямь несчастье.

— Опомнитесь, женщины. Что это вы городите! Бог покарает вас за такие речи, — сказала какая-то женщина.

Но тут подошел Мошиньо.

— Никого не покарает, — сказал он. — Если человек живет праведно, бог должен и поступать с ним по справедливости. Я знаю, что говорю. Как-никак я лицом окончил.

Женщины завернули трупик в тряпье, принесенное из трюма Шико Афонсо. На палубе наступила тишина.

— За борт! — слышался приказ капитана.

Шико Афонсо опустил за борт тельце мертвого ребенка. В тишине слышалась молитва о спасении души младенца. Ей вторил неумолчный гул океана. Необъятная водная пустыня наполняла души ощущением одиночества, неприкаянности и беспомощности.

— Земляки! — первым прервал тягостное молчание любитель поговорить Мошиньо. — Вспомнил я сейчас один случай. Ехал я с острова Сан-Томе в Анголу. Конечно, не по контракту — человек я образованный, лицей окончил. Работал я тогда в канцелярии при плантации какао и решил переселиться в Анголу к родственникам. На корабле были только ангольцы. После долгих лет работы на плантации они возвращались на родину. В пути умерла старая негритянка. Капитан отдал приказ бросить ее труп за борт. Как положено по морскому уставу. Когда все было кончено, я взглянул на мужа покойной, высокого пожилого, изможденного негра, проработавшего на плантации тридцать лет. Он не плакал и не молился, ни слова не проронил. Его звали... — Мошиньо забыл имя негра и назвал первое, какое пришло ему на ум. — Его звали Калунга. Так вот, Калунга спустился в трюм, вынес оттуда большой тяжелый чемодан с вещами жены и, подойдя к борту, бросил его в воду. До сих пор не могу я забыть этого убитого горем человека, который после тридцати лет работы на плантации, уже возвращаясь на родину, потерял жену. Ничего не поделаешь — так жестока жизнь. Сплошные страдания. Но человек должен научиться преодолевать все беды. Мужество — это дар божий... Жизнь, Коншинья, — продолжал он, — колесо, и бывает, выпадет случай, когда удастся ухватиться за это колесо и повернуть его в нужную тебе сторону. Воля человека способна горы сдвинуть.

Словно убаюканная мягкими всплесками волн, Коншинья наконец уснула.

13

Дремавшие по углам люди почувствовали запах еды, зашевелились, стали принахиваться, предвкушая возможность утолить голод.

Собравшись на палубе, они с жадностью ели похлебку — их кормили впервые за все время путешествия. Изголодавшиеся люди, говорил им капитан, не должны переедать, надо есть медленно и хорошо прожевывать.

— Земляки, ньо Фонсека прав,— поддержал Мошиньо капитана,— голодный желудок не принимает много пищи.

Кашупа была жидкая, без сала. В горячем дымящемся бульоне плавали зерна кукурузы. Люди были поглощены едой. На палубе наступила тишина. Одни помнили предупреждение капитана и ели не спеша, другие, не обратив внимания на его совет, глотали похлебку с жадностью, торопливо. Слышны были стук ложек о дно эмалированных мисок да шумные прихлебывания наслаждающихся горячей пищей людей. С мостика капитан Фонсека Морайс наблюдал за беженцами. Неужели эти голодные, низведенные до положения животных люди — его соотечественники и братья по крови? Когда он снова появился на палубе, уже никто не обратил на него внимания. Все были заняты только едой.

В былые времена, думал Мошиньо, когда он жил припеваючи, не ведая забот, и не без основания называл себя счастливчиком, такой кашупой кормили только свиней. А теперь и он ел ее с удовольствием. А если б капитан на десерт поднес ему стаканчик грога, то этот день стал бы для Мошиньо настоящим праздником.

Вдруг послышался чей-то негромкий плач.

— Коншинья, почему вы опять плачете?— спросил ее Мошиньо.

— От радости, ньо Мошиньо, я так давно не ела кашупы. Много дней я пила только отвар травы фэдагозы,— всхлипывая, говорила Коншинья.

— И все-таки осталась жива?

— Да, ньо Мошиньо, господь уберет меня. А ведь скольких он прибрал к себе, умерла вся моя семья.

Поев, Мошиньо повеселел и опять пустился в разговоры. Для полного блаженства ему все же не хватало стаканчика грога. Люди с вниманием слушали его.

— На Санту-Антане тоже свирепствовала засуха. Я сам оттуда. Выжили только те, у кого были деньги. Все годилось в пищу: корни, листья, трава. Фэдагозу заваривали вместо чая, на вкус она вполне подходяща. Ведь правда же, Коншинья?

— Да, сеньор.

— Многие умерли от этой ядовитой травы. На Сан-Висенти даже морну сложили о федагозе. А ну, Шико, подойди-ка сюда!

Шико Афонсо тотчас явился на зов Мошиньо.

— Ты, кажется, знаешь морну о федагозе? Спой нам, пожалуйста, эту морну о голоде, пусть все послушают. Мы теперь сыты, да и Сан-Висенти уже совсем близко. Ах, ньо Фонсека, если б мне сейчас стаканчик грога да сигаретку, тогда всякий бы увидел, как Мошиньо счастлив.

Шико Афонсо принес гитару и запел морну о федагозе, о вредной траве, проклятой отраве, от которой умирают люди.

Ты отрав, федагоза,
мою матушку убила,
старика отца сгубила...

14

— Вот и приехали, земляки! — воскликнул капитан, едва парусник приблизился к острову Птиц. Отсюда и в самом деле были уже видны огоньки Минделу. Море казалось спокойным, дул попутный ветер. Если бы не темнота, можно было бы плыть, не боясь ни подводных камней, ни рифов. Опытный капитан сумел избежать столкновения с небольшим ботом, дрейфовавшим в бухте. Бот несло течением к тому месту, куда два-три дня назад тайком было выброшено мясо, привезенное из метрополии для офицеров и солдат и оказавшееся протухшим. Голодные люди вылавливали эту предназначенную акулам тухлятину. Размечтавшиеся о том, чтобы досыта наесться мяса, рыбаки на боте чуть было не пошли ко дну, не заметив приближения парусника.

С нескрываемой радостью ждал капитан окончания рейса. Еще несколько минут — и он покинет корабль. На этот раз надолго останется на берегу. Правду сказать, такая перспектива не всегда его радовала. Он отлично чувствовал себя во время продолжительных плаваний, ему нравилось, вдыхая полной грудью запахи моря, вести парусник, его захватывало ощущение своей

власти над ним. Преодолевая большие расстояния, он не раз бесстрашно боролся с такими штормами, которые внушали ужас самым отважным морякам. Разве легко привыкнуть к монотонной жизни на берегу, когда он вынужден будет распрощаться с морем?—спрашивал себя Фонсека Морайс. Еще подростком он слышал рассказы о старом капитане Марио Лемосе. По возрасту Лемосу пришлось подать в отставку, но не проходило утра, чтобы старика не охватывало властное желание ощутить пьянящий кровь воздух открытого моря. Под разными предлогами он стремился очутиться на корабле или, на худой конец, на шлюпке. Старый Лемос чувствовал себя счастливым, когда под ногами раскачивалась палуба. Капитан Лемос не мог жить без моря, и он был готов на все, только бы рассеять тоску, охватывавшую его на суше. Фонсека Морайс был уверен, что будет испытывать такую же тоску по морю.

А в момент прибытия на Сан-Висенти капитан и в самом деле почувствовал себя счастливым. Не только потому, что в Минделу его ждала жена, и не потому, что история мореплавателя Онорио Баррето, которую он писал в свободное время, значительно продвинулась и он мог показать новые отрывки из нее друзьям. Он радостно предвкушал встречи с ними в барах, в клубе «Гремио», где собиралась местная интеллигенция, прогулки по берегу моря. Он был горд, что ему удалось успешно выполнить поручение. Губернатор, посетивший Сан-Висенти, сказал Фонсеке перед отъездом:

— Капитан Морайс, у меня к вам просьба несколько необычного характера. Дело в том, что двадцать пятого числа будущего месяца в Сан-Висенти прибывает теплоход «Португалия». Нельзя допустить, чтобы голодающие с Сан-Николау сошли на берег Сан-Висенти одновременно с пассажирами «Португалии». Вы меня понимаете? Иностранцы немедленно все разносят и разнесут по свету слухи о наших неурядицах. Удастся ли вам хотя бы часов на двенадцать опередить теплоход?

— Сеньор губернатор, положитесь на меня,—заверил его Фонсека Морайс.

И вот «Покоритель моря» вошел в бухту на целых двадцать часов раньше теплохода «Португалия». Фонсека Морайс сдержал свое слово, с честью выполнил поручение.

— Шико! Эй, Шико! — позвал он матроса. — Спой-ка на прощанье что-нибудь нашим пассажирам. — А сам отправился за стаканчиком грога и сигаретой для Мошиньо.

И Шико запел. Он пел для голодающих с Сан-Николау, пел для капитана, пел для себя самого, пел пылко и нежно, как поют истинные креолы.

Как же горька дорога,
дорога на Сан-Томе!
Родной остров Сан-Николау,
тоскую я по тебе!

— Как же замечательно поет этот Шико, не правда ли, земляки? — восхищался Мошиньо, с наслаждением смакуя грог и затягиваясь сигаретой.

15

Ура! На горизонте Сан-Висенти!

Беженцы прибодрились. В их глазах вновь появилась надежда. Обессиленная родами Коншинья едва могла подняться на ноги, а Сан-Висенти уже совсем рядом. Он гостеприимно открывает ей объятия, зовет: «Ну иди же, я жду тебя». Да, надо подняться и пойти, пойти вместе со всеми в ночь. Как знать, может, отыщется добрая душа, пожалеет Коншинью и позаботится о ней... Ну, собери же последние силы, женщина. Поднимись!

Сан-Висенти сиял огнями, словно в праздник, и Коншинье почудилось, будто она слышит, как барабаны выбивают праздничную дробь коладейры*, будоража весь остров: там-там, там-там-там, кола-кола, кола-кола-коладейра! Коншинья на какой-то миг воспрянула духом. Но тут же ее вновь одолели тревожные мысли: а вдруг ее арестуют или с ней случится несчастье? Пошатываясь от слабости, Коншинья сделала несколько шагов. Сейчас она упадет, ей-богу упадет. Прислонилась к борту. Ах, сколько же света в Минделу! Или, может, привыкнув к погруженным в вечный мрак равнинам Сан-Николау,

---

* Коладейра — песня-танец, исполняемая, в отличие от морны, в быстром темпе.

она забыла, что такое огни города? До чего же у нее кружится голова!

Ей помогли спуститься по трапу. Сбившиеся в кучку на набережной, беженцы с Сан-Николау при тусклом свете фонарей казались особенно жалкими. С болью смотрели жители Сан-Висенти на своих измученных голодом соотечественников. Высохшие, немощные тела, еле прикрытые лохмотьями, ноги как палки, истощенные лица.

Отойдя от своих знакомых, Венансия бросилась к бледной, изможденной женщине.

— Ты ли это, Биа Диниш?! — воскликнула она. Обняв ее худые плечи, Венансия вглядывалась в бескровное лицо, не веря своим глазам. — Как ты еще на ногах-то держишься, бедняжка!

Спотыкаясь, хромая, беженцы с трудом несли свою немудреную поклажу. Тощие, с раздутыми от голода животами курчавые дети с удивлением глядели на огни празднично освещенного города.

— Ну, пошли, Биа Диниш. Давай я понесу твои вещи, — сказала Венансия.

Только ступив на землю, Коншинья поняла, что это не сон. Вытерев глаза и выпрямившись, она вдруг словно увидела себя со стороны в этой толпе измученных голодом и морской качкой людей. Рядом слышались чьи-то восклицания, всхлипывания. Родственники обнимали друг друга, плакали от радости. Господи, какая же прорва народу! Неужели счастье не улыбнется и Коншинье?! Хорошие времена вернутся, думала она, Сан-Николау зазеленеет, станет землей изобилия!.. Она ощутила прилив бодрости. Надо идти. Оставаться тут нельзя. И она брела, сама не зная куда, точно подгоняемая ветром. Бог ее не забудет, только бы не останавливаться, идти и идти... А утром, может, о ней кто позаботится. Власти ей помогут. Ведь она совсем одна, вот и в порту поэтому никто ее не встретил... Но когда возгласы встречающих растаяли в воздухе, Коншинья опять услышала шум прибоя, ударявшегося о дамбу у ее ног, и поняла, что вокруг нее никого. Она была одна, одна-одинешенька в озаренной огнями ночи, созданной для грез и любви. Там-там-там! Кола-кола! Кола-кола-коладейра! Волны с плеском разбиваются о песок. Вдалеке, волоча больную ногу, прошел старый Мошиньо. «Почему вы опять плаче-

те, Коншинья? От радости, ньо Мошиньо. Я так давно не ела кашуны... Жизнь, Коншинья,— это колесо, и бывает, выпадет случай, когда удастся ухватиться за это колесо и повернуть его в нужную тебе сторону...»

Растерянно она огляделась по сторонам. И когда глаза ее привыкли к мертвенно-бледному свету фонарей, Коншинья увидела людей, которые расположились на ночлег у самой воды. Они лежали неподвижно, словно забытые судьбой.

— Пожалуйста, скажите, кто они такие?

— Это безработные,— ответил ей таможенник.

— Безработные?!

— Да, те, у кого нет ни работы, ни крыши над головой.

Безработные. Голодающие. Значит, на Сан-Висенти тоже голодают? И тут силы оставили ее. Ее всю обдало холодным потом...

Она ничего не видит. Где это она? Что с ней? Господи, да что же с ней такое? Помогите, ну хоть кто-нибудь, помогите!

Коншинья упала на набережную. И больше не поднялась.

На следующее утро, едва забрезжил рассвет, ее тело увезла санитарная карета из муниципальной больницы.

16

— Но все же мы добрались до Сан-Висенти, и вот благодаря нье Венансии я здесь. Мне так жаль тех, у кого в Минделу нет ни родственников, ни знакомых. Вот уж поистине несчастные люди. Взять хотя бы Коншинью. Я ведь так и не успела ее повидать. Нья Венансия, а вы не знаете, что стало с Коншиньей? Я о ней так беспокоюсь. Ведь она, бедняжка, здесь одна-одинешенька.

Биа Диниш говорила без умолку, она была так рада, что страшные, голодные дни на Сан-Николау отошли в прошлое и она осталась жива.

— Как это Коншинья рискнула поехать на Сан-Висенти, не имея здесь ни знакомых, ни родственников?— удивился прапорщик Вьегас.

— Сеньор, на Сан-Николау такой страшный голод! Люди умирают там буквально каждую минуту. Упадут на землю — и конец. У нее, как и у многих других, не

было вызова, и пришлось ей пробраться на корабль тайком. Не умирать же с голоду. А капитан Морайс — человек добрый, он их пожалел, доставил на Сан-Висенти.

Биа Диниш много чего порассказала прапорщику. Он узнал от нее, что даже дюжины таких парусников, как «Покоритель моря», не хватит, чтобы вывезти с Сан-Николау голодающих людей; узнал, что на Сан-Николау люди едят корни, листья, кору... Прапорщик задавал Бие Диниш все новые вопросы, и она подробно рассказывала об опасном путешествии по штормовому морю, вспомнила историю ньо Мошиньо о траве федагозе, поведала о внезапном припадке Ниты Мендонсы, о родах Коншиньи и о многом другом.

Однако вскоре старую служанку сморила усталость, и она, извинившись, пошла спать.

Прапорщик не сводил глаз с Беатрис, она тоже украдкой на него поглядывала.

Нья Венансия задумалась. Она глубоко переживала рассказ Бии. Постепенно у нее созрел план. Как только губернатор придет в Минделу — а его ждут уже давно, — она добьется приема и откровенно выскажет ему все, что она думает, что накипело у нее в душе. Чем она еще может помочь своему народу, она всего-навсего слабая женщина. Однако Острова Зеленого Мыса — ее родина, и судьба жителей острова Сан-Николау — это и ее судьба. Это трагедия всего ее народа.

О господи, какая же горемычная наша земля!

17

Однако такая ли уж она горемычная, эта земля?

В эту смутную пору, когда весь мир будто вверх дном перевернулся, Острова Зеленого Мыса переживают трудные времена.

Дожди стали выпадать реже, но с засухой надо бороться, проявляя терпение и мужество, которых нашему народу не занимать.

Зеленомысец должен наконец понять, что он обладает завидным богатством, источником которого служат окружающие нас моря, и научиться использовать его.

Сознавая свою ответственность перед народом, правительство принимает различные меры, направленные на преодоление кризиса. И надо признать, что многое уже достигнуто. Созданное на Островах Общество помощи голодающим распределяет среди бедных похлебку, а недавно разработана еще одна эффективная мера — перевозка наиболее остро нуждающихся на другие острова. Пра-

вительство намерено ассигновать крупные суммы для приведения в порядок шоссежных дорог, мостов и т. д. В настоящее время обсуждаются и другие меры, призванные способствовать тому, чтоб наш народ вновь вышел победителем из грандиозного сражения с засухой, обрушившейся на архипелаг.

Жука Флоренсио

18

— Вы только поглядите, что за мерзость он тут накатал,— возмущался доктор Сезар, показывая знакомым газету со статьей Жуки Флоренсио.— Народ голодает, а этот кретин сотрясает воздух благоглупостями! Министр сдуру брякнул что-то о рыбной ловле, Жука пришел в дикий восторг, подхватил эту чепуху и пытается ввести в заблуждение простаков. Я его, голубчика, знаю как облупленного. Экономистом, видите ли, вдруг заделался.

Доктор Сезар открыто говорил об этом не только со своими друзьями. Он издевался над статьей Жуки всюду — в лицее, на главной площади Минделу. Сезар честил Жуку на чем свет стоит, Жуку и всех тех, кто намеренно закрывал глаза на катастрофическое положение в стране.

Доктора Сезара поддержали лицеисты. Во втором номере издаваемой ими газеты «Рассвет» они подвергли сокрушительной критике произведения новоиспеченного экономиста. Со свойственной молодости горячностью лицеисты заявили, что молодежь давно уже по горло сыта разного рода очерками и статейками, которые пытаются навязать читателю чужое мнение. Всем было ясно, о каких очерках идет речь. И конечно, парни дорого поплатились за смелость. Когда они явились в типографию за отпечатанными экземплярами газеты, их не пустили даже на порог. Таково было указание властей. В лицей явился Жука Флоренсио, чтобы призвать молодежь к порядку.

— Вы молоды, ребята. Вы думаете, что у ваших ног весь мир. Но как вы ошибаетесь! Позволю себе напомнить, что в жизни вам предстоит преодолеть столько трудностей. И конечно, вам еще может понадобиться помощь взрослых. В другой раз будьте осмотрительнее,— предупредил их Жука.

Однако лицеисты и слышать не хотели об осмотрительности. В их возрасте обычно все говорят в лоб, без

уверток. Их мечта — брать пример с честных людей своей родины, не думая о том, как отразится это на их карьере.

— Вы испортите себе будущее, — увещевал их Жука. — Скоро вы окончите лицей. Чтобы добиться успеха, получить хорошую должность, вам будут необходимы покровители, влиятельные знакомые. Учтите это.

Во втором номере «Рассвета» недвусмысленно говорилось именно о такой беспринципной политике, что вызвало на острове большой резонанс. Жука угрожал молодым «смутьянам» полицией. Окруженный горсткой своих приспешников, он выступал с речами на главной площади, не скрывая, что возмущен.

Полиция не арестовала лицейстов, Жука Флоренсио не избил их палками, как угрожал, но выпустить третий номер газеты им уже не удалось.

Доктор Сезар похвалил лицейстов за стойкость, призывал продолжать борьбу. «Необходимо избавить народ от унижений, вернуть ему национальное достоинство. Молодежь не должна, не имеет права пассивно наблюдать трагедию народа!» — говорил он на главной площади, в лицее, в фойе кинотеатра — по всему Минделу. И речи его, несмотря на предупреждения друзей, становились все более неосторожными.

А что же происходило в Салине, квартале бедняков с их лачугами из жести и обрезков древесины? На первый взгляд как будто ничего особенного. Да, это только на первый взгляд.

19

Наступил сезон дождей. В добрые старые времена осенью начинались нескончаемые ливни. Драгоценная влага радовала сердца. На Островах два благодатных сезона, первые дожди выпадают в июне и июле. Жаждающая воды земля с готовностью впитывает в себя ее животворную силу. По всему архипелагу разрастается густая, темно-зеленая кукуруза, папайя, гуайява, манговые и мандариновые деревья гнутся под тяжестью спелых и ароматных плодов. словно благословение божье нисходит на землю, одевая ее в зеленый наряд и осыпая дарами. Но если в октябре, когда зеленомыслы ожидают урожай, дожди запаздывают, они впадают в отчаяние.

Этой осенью, уповая на чудо — возврат дождей, — даже самые бедные жители острова Сан-Висенти посеяли семена прямо в сухую почву. На Островах так поступали из века в век. Прапорщика Вьегаса изумляло их упорство. Ему было трудно понять, что подвигает людей на такой тяжкий труд. Ему была неведома жестокая борьба за существование, что заставляла их вскапывать мотыгой небольшие клочки земли на крутом склоне горы, родившейся из застывшей лавы.

Итак, пришла пора, когда в добрые старые времена обычно начинался второй сезон дождей, долгожданных благодатных ливней, обещающих богатый урожай. Но остров по-прежнему походил на раскаленную жаровню, по которой, обливаясь потом, брела нищета. И уж конечно, Общество помощи голодающим не могло спасти никого от голода своей похлебкой.

В это время Жука Флоренсио опубликовал свою новую статью. Большая часть местной интеллигенции не придавала никакого значения тому, что он говорит или пишет. Но однако, постоянное искажение фактов в его заметках возмущало многих. Тенорио с Телеграфа при встрече с Жукой не пощадил его самолюбия. «Что ж, поздравляю, Жука. Стало быть, тебе удалось одним росчерком пера покончить с голодом на Островах Зеленого Мыса».

Изворотливый Жука Флоренсио, разумеется, сделал вид, будто не понял намека, и пригласил Тенорио распить бутылочку. Но Тенорио послал его ко всем чертям.

Доктор Сезар объявил Жуке Флоренсио беспощадную борьбу. Но уж если Сезар поднял такой шум, то почему бы ему самому не написать в ответ собственную статью и не вывести обманщика на чистую воду или, на худой конец, почему бы ему не пойти к Жуке и объясниться с ним начистоту? Многие задавали доктору Сезару такой вопрос. Да и в самом деле, отчего бы Сезару этого не сделать? Может быть, его недруги полагают, что он боится? В таком случае они глубоко ошибаются. Просто никто не опубликует его статью. Цензура! Разве можно обойти ее? Но в конце концов, пренебрегая всякой осторожностью, Сезар явился в департамент, которым заведовал Жука.

— Прежде чем катать этот вздор, тебе следовало прекреститься! — воскликнул доктор Сезар и швырнул га-

зету со статьей Жуки прямо ему на стол.— Лучше вытереть руки о грязную стену, чем об этот листок, исписанный твоими глупостями.

Не ожидавший такой яростной атаки, Жука остолбенел от изумления.

— Ты ведь не дурак. Как же ты не можешь понять, что твое поведение недостойно честного человека?— Гневный тон Сезара подействовал на Жуку угнетающе.— Послушай, что я тебе скажу. Ты оскорбляешь наших земляков.

Наверное, доктор Сезар не в своем уме. Каким это образом он, Жука, оскорбляет своих соотечественников?

— Да что же я такого сделал?!

— Твои льстивые, подхалимские статьи позорят нас.

Надеясь смягчить суровость Сезара, Жука попытался оправдаться.

— Молчи! Что может быть хуже предательства!— прервал его Сезар.

— Да какой же я предатель, доктор Сезар?

— Иного имени ты и не заслуживаешь.

Сезар нахлобучил на голову шляпу, скомкал злополучную газету и бросил ее в корзину для бумаг.

— Но вы должны объяснить мне, что это значит, сеньор!

— Хватит с тебя и этого, возмись наконец за ум, пока не поздно.

Доктор Сезар уже спускался по лестнице, и шаги его, тяжелые, четкие, гулко звучавшие в тишине, отдавались у Жуки в груди ударами молота. Жука застыл в замешательстве. Целый вихрь разрозненных и тревожных мыслей бушевал у него в голове. Он никак не мог сосредоточиться, чтобы написать хотя бы строчку на бумагах, которые надо было отправить немедленно.

Предатель! Подумать только, это его, Жуку Флоренсио, который так много сделал для своей родины, для соотечественников, посвятив им массу книг и статей, называли предателем! Никому не дано права, даже самому доктору Сезару, утверждать этакое. Только за пределами архипелага, в метрополии, его самоотверженные усилия находили должную поддержку и понимание. А на родине его обвинили в предательстве! Он нервно расхаживал по кабинету. Что у доктора Сезара дурной нрав и что он всегда отличался язвительностью, известно всем,

однако Жуке никогда и в голову не приходило, что Сезар посмеет говорить с ним в таком оскорбительном тоне.

Жука схватил шляпу, трость и вышел. По дороге из департамента домой он решил заглянуть к своему покровителю Майе, влиятельному человеку. Стоит Жуке только захотеть — вот именно, стоит ему только захотеть, — и карьере доктора Сезара придет конец. Жуке не составит труда упрятать Сезара за решетку. Иного такой негодяй и не заслуживает. Может быть, Сезар и догадывается, какой властью и влиянием обладает Жука Флоренсио. Один росчерк пера — и доктор Сезар конченный человек, он бесследно исчезнет с лица земли, как в воду канет. Ладно, бог с ним, Жука не станет ему вредить. Он докажет, что не такой уж он мстительный, каким его, вероятно, считают. Однако Жуке Флоренсио необходимо было излить кому-нибудь душу. Кому же? Он принялся перебирать в уме своих знакомых. Только один человек способен его понять и поддержать в такую недобрую для него минуту. Только один. Кто же? Разумеется, нья Венансия.

20

Она сидела совсем близко от него, на расстоянии вытянутой руки. Если бы собраться с духом, если только осмелиться, он бы теперь узнал, любит ли его Беатрис.

— Который час? — спросила она, чтобы прервать молчание.

В открытые окна врывается прохладный ветерок, несущий с собой запах морского прибоя. Тишину в доме нарушал только голос Венансии, отдававшей какие-то распоряжения кухарке Жоане и Бии Диниш. От Беатрис исходил нежный, волнующий аромат. Грудь ее мягко вздымалась и опускалась. Карминно-красное платье с большим вырезом подчеркивало золотистый оттенок смуглой кожи, словно впитавшей тепло солнца и свежесть бриза. Платье было очень коротким, и закинутые одна на другую ноги казались особенно соблазнительными. При одном взгляде на них у прапорщика невольные возникали греховные мысли.

Они с Беатрис никогда до этого не оставались наедине. Можно ли упустить такой случай? Если он не проя-

вит инициативы, Беатрис встанет и уйдет, и тогда прости-прощай мечты. Прапорщик чувствовал, как у него дрожат руки. Голова горела огнем. Он и думать забыл, что Беатрис замужем, что он сам женат. Он был томим одним желанием — обнять эту женщину.

Нья Венансия, заглянув в гостиную, попросила извинения за то, что ей придется отлучиться еще на минутку. Прапорщик машинально кивнул. Он не отрываясь смотрел на Беатрис, и невольно у него сорвалось с языка:

— Вы потрясающая женщина!

Она даже не шелохнулась, будто не слышала, хотя на самом деле ее охватило замешательство.

— Который час? — слегка улыбнувшись, спросила она тихо.

Вьегас протянул к ней руку, показывая циферблат своих часов, и при этом его пальцы легко коснулись ее бедра. Взволнованный этим неожиданным прикосновением, прапорщик ощутил прилив смелости.

— Вы потрясающая женщина! — повторил он снова. И, готовый на любое безрассудство, наклонился к ней.

— Будьте осторожны, — прошептала она с видом заговорщицы.

Он взял ее ладони в свои и почувствовал, как она вздрогнула. Вьегас встал и, больше не в силах сдерживать себя, притянул Беатрис к себе, впился в ее губы.

Немного погодя появилась улыбающаяся донна Венансия, а за ней Биа Диниш с чайным подносом. В гостиной было по-прежнему спокойно и уютно.

Никто и не подозревал, что именно Жука Флоренсио стал невольным свидетелем сцены, происшедшей там за пять минут до чаепития. Не встретив никого в передней, он направился прямо в гостиную и, приоткрыв дверь, увидел Беатрис в объятиях Вьегаса.

21

Жуке никогда не нравилось, что прапорщик Вьегас бывает у Венансии. Разумеется, ничего предосудительного в этих визитах не было. Зеленомысцы — народ общительный, они любят принимать гостей, всегда встречают их радушно. Жуку раздражало не то, что Вьегас ходит в гости к Венансии, а то, что уж очень зачастил с

визитами. Чем объяснить эти почти ежедневные визиты: потребностью в общении, естественно возникающей у человека, находящегося вдали от семьи и друзей? Или в них крылся другой, тайный смысл? Приятная собеседница, женщина веселая и остроумная, Венансия, несмотря на свои сорок шесть лет, выглядела еще молодой и довольно привлекательной. Не увлекся ли прапорщик Венансией? Офицер экспедиционного корпуса, Вьегас приехал на Сан-Висенти без жены и на острове не был связан никакими обязательствами. Разве не случалось подобное с другими военными, с легкостью заводившими связи с местными женщинами? Жука бы нисколько не удивил, узнав, что прапорщик Вьегас ухаживает за Венансией. Более того, эта мысль уже не раз приходила Жуке в голову и даже вызывала у него ревность. Часто бывало: прапорщик выходит вечером из казармы и направляется в сторону пляжа Матиоте, а Жука следует за ним на расстоянии, чтобы выяснить, куда тот держит путь.

И вот оказывается, его тревоги напрасны. Офицер охотится за Беатрис, а не за ее теткой. Каков мерзавец! Жука полной грудью вдыхал свежий вечерний воздух, и на душе у него становилось легче. Приятно было думать, что Венансия здесь ни при чем. Ему осточертел неустроенный холостяцкий быт. Человеку необходимы семейный уют, сочувствие, понимание. Пятьдесят шесть лет — это не шуточки. Силы убывают, предательски незаметно подкрадывается усталость. Старость ведь не за горами. И ему сделалось грустно, когда он представил себе картину одинокой, неприкаянной старости. И вот недавно Жука пришел к мысли, что пустоту в его жизни могла бы заполнить Венансия, и никто другой.

А что до Беатрис, то чего не случается с молодыми красивыми женщинами... Знает ли Венансия о ее романе с прапорщиком? Потворствует ли она им? Вряд ли. А как пылко прапорщик ее целовал! Бедный Фонсека Морайс! Теперь он далеко в море, не знает ни сна, ни отдыха, а его жена в это время наслаждается сладостью недозволенной любви.

Угрюмый и одинокий, шагает Жука по пустынным переулкам, сам толком не зная, куда идет. Воспоминание о недавно увиденной сцене щекочет ему нервы, ведь, если признаться честно, Беатрис и в самом деле обольстительная женщина. Такая и святого заставит потерять голову.

Он и не заметил, как очутился на Рибейра-Бота. Местные ребятишки, тотчас признав его, насмешливо заорали:

— Жука Флоренсио! Дядя Жука Флоренсио!

Не обращая на них внимания, Жука неторопливо ступал по желтой бугристой земле, словно крики мальчишек относились не к нему. Убогие лачуги из жести и досок были раскалены адским солнцем. Две голодные вороны бесстрашно взмыли в дышащее зноем небо и полетели в сторону утесов Саламансы. Жука то и дело останавливался передохнуть, вытирая пот со лба. Мальчишки, притворившись, что это вовсе не они его только что изводили, подошли совсем близко и стали канючить: «Дай-те монетку, ньо Жука!»

Вопреки их ожиданиям, он бросил им пару мелких монет.

Жука неспешно шагал, отвечая на приветствия прохожих, и ему было приятно, что его все знают. А не заглянуть ли к Энкарнасао? Черт побери, у него даже мурашки по коже побежали. Давненько он с ней не баловался. Раз уж оказался рядом, грех не воспользоваться случаем!

Оглядевшись по сторонам и втянув голову в плечи, он свернул в подворотню и незаметно проскользнул в дверь лачуги ньи Энкарнасао.

22

Беатрис уже не томится от скуки. Пусть в Минделу дуют бешеные ветры и пыль клубами стоит на улицах, проникая сквозь жалюзи, пусть палит нещадно солнце и людей одолевает сонная одурь — ничто ее больше не угнетает и не раздражает, потому что отныне дни Беатрис заполнены мечтами и любовью.

Пришел конец одиночеству и унынию, которые прежде нарушало лишь возвращение мужа из рейса. Но дни отдыха капитана Морайса на берегу пролетали быстро, он уходил в новое плаванье, а Беатрис опять оставалась наедине со своей тоской. Платья, драгоценности, духи, домашний уют — все, что хочет иметь женщина, чтобы чувствовать себя счастливой, — казалось, было у нее. Но разве могут наряды, кольца, серьги и даже встречи с друзьями скрасить жизнь молодой женщины в захолуст-

ном городке? Если б у нее были дети, возможно, время не тянулось бы ужасающе медленно и монотонно. Как вынести эти однообразные, томительные дни?

Едва Беатрис поняла, что в ее жизнь вошла любовь, тоска исчезла, будто по мановению волшебной палочки, и ненавистная домашняя тюрьма стала самым приятным местом на свете. Теперь муж мог задерживаться в плавание сколько ему угодно, ее уже не обижало, когда он говорил: «После ужина мне надо уйти по делам, долго я не задержусь», — а сам возвращался поздно ночью. Ее жизнь чудесным образом превратилась в праздник.

Где-то в уголке ее сознания гнездилась мысль о том, что она предает мужа, и все же в первую ночь, проведенную с Вьегасом на супружеском ложе капитана Морайса, Беатрис всей душой откликнулась на пылкое восклицание своего любовника: «О, если бы это длилось вечно!»

Маниньо, двоюродный брат Беатрис, жил у деда, родители его давно умерли. Маниньо часто заходил к кузине покланяться денег или пообедать. Он бросил лицей и уже привык к праздности и пирушкам с друзьями. Оправдывая свое безделье, он постоянно твердил о какой-то вновь открывающейся вакансии, будто бы обещанной ему то ли в Лоренсу-Маркише, то ли в Луанде. В последний раз появление Маниньо у Беатрис было совсем некстати. Он пришел, по его собственным словам, прямо с вечеринки: его друзьям — Мандуке, Леле и Валдесу — потребовались деньги, не найдется ли у Беатрис хоть немного? Разумеется, кошелек кузины всегда был к его услугам. И в тот вечер — время было уже позднее — она оделила парня щедрее, чем обычно. Маниньо чудом не заметил спрятанного в спальне любовника. И все же он вроде бы что-то учуял. Несколько дней Беатрис на всякий случай лебезила перед ним, осыпала подарками и деньгами. Маниньо — уж что-что, а дураком его не назовешь — начал являться к ней чуть ли не каждый день: обедал, отдыхал, выпрашивал деньги, а уходя, всякий раз обещал вскоре прийти опять.

Оставаясь одна, Беатрис мучалась угрызениями совести, но она пыталась отогнать неприятные мысли, убеждала себя, что другие жены тоже изменяют мужьям. Наставляет же рога своему благоверному эта кривляка, жена доктора Майи. А Лусия Матос, супруга инженера

Акасио, чем лучше? Сколько раз видели, как из ее окна выпрыгивали офицеры и скрывались в темных переулках. Не только коренные жительницы Сан-Висенти позволяли себе любовные похождения — изнывавшие от скуки португалки из метрополии не отставали от них. Может, в этом виноват местный климат? Неизвестно. Весь остров знал о скандальной связи жены доктора Алмейды с его закадычным другом Бритесом Феррейрой, равно как и о романе золовки мэра с лейтенантом Андре Алвесом. И нельзя сказать, чтобы мужья пребывали в счастливом неведении. Отнюдь нет. Они были подробнейшим образом осведомлены об изменах жен и все же предоставляли событиям идти своим чередом. Супружеские измены словно бы считались в порядке вещей. А как вели себя англичанки из «Ойл компани»?! Оставалось только благодарить бога за такую идиллическую простоту нравов. Ведь жизнь в Минделу так угнетает своей монотонностью! Чем же заполнить долгие, серые дни без любви? А главное, Беатрис всерьез увлеклась прапорщиком. Его бледное лицо, зеленые глаза, каштановые волосы, его молодость — все было ей по душе.

23

Прапорщику завязавшийся роман тоже помогал заполнить пустоту серых будней. Однообразие офицерской жизни изредка нарушали лишь учебные тревоги, а во всем остальном один день был похож на другой: бесконечная муштра, рытье траншей. Солдаты вели одни и те же разговоры, все высчитывали, сколько им еще осталось служить, и мечтали скорее вернуться на родину. Затхлая атмосфера провинциального городка нагоняла на прапорщика беспросветную тоску.

А в Европе шла война, изматывающая и опустошительная. Она действительно была тотальной, как еще в 1935 году предрекал Гитлер. Но вопреки кичливым прогнозам Гитлера молниеносной эта война не стала.

До каких пор суждено Вьегасу прозябать на затерянном в океане острове? Да, жизнь сложилась неудачно. Закончить университет не удалось, не хватило упорства. А теперь не хватает мужества начать все с начала. Давно уже Вьегас ощущал необъяснимое, пугающее его

самого безразличие к культуре и политике, так увлекавшим его в первые годы учебы в Коимбре*, где он пользовался на факультете всеобщим уважением и любовью. Планы, мечты, надежды — сколько их было тогда! Жизнь сулила такие заманчивые перспективы.

Облаченный в шелковую пижаму, Вьегас лениво покачивался в кресле-качалке у себя в комнате, на площадке Фонте-Конего. Окна были распахнуты настежь, но это не спасало от духоты. Жара вконец измучила его. В руке у него было письмо от жены — она сетовала на разлуку и спрашивала, скоро ли он вернется домой. Любовь к Беатрисе притушила тоску и страстную любовь, которую он еще недавно испытывал к жене. Разумеется, он и сейчас часто думает о ней, но все же время теперь бежит быстрее, и Вьегас уже не считает дни, прожитые на Сан-Висенти, не отмечает их черточками на стене комнаты. Мало-помалу прапорщик перестал чувствовать себя чужим в Минделу. Общение с местными жителями, приятельские беседы, вечеринки, музыка, суровая красота природы, дружелюбие и гостеприимство креолов — все это постепенно привязывало его к острову.

На город спустился прохладный вечер. Вьегас зажег керосиновую лампу и лег на кровать. Он лежал и читал, как вдруг раздался стук в окно. Это, конечно, не Пирес, тот всегда врывается без предупреждения. Наверное, нищий. Вьегас распахнул окно.

— Сеньор, дайте монетку.

— Зачем тебе монетка?

— Для мамы.

— Как зовут твою маму?

— Шика Миранда.

— А где же она сама?

— Она дома, сеньор.

— Что же она там делает?

— Мабочка уже несколько дней болеет.

— А где твой отец?

— У меня нет отца.

— А братья или сестры у тебя есть?

— Три брата, — соврала она и подумала: зря она сказала, что у нее нет отца. И лучше было бы сказать, что у нее пять или шесть братьев.

---

* Коимбра — старинный университетский город в Португалии.

- Сколько же им лет?
- Лулу десять, Жо двенадцать, а Тониньо три года. У нее вообще не было ни братьев, ни сестер.
- Ну и что же твои братья делают?
- Ходят по чужим домам, просят, чтобы их накормили.
- А ты сегодня что-нибудь ела?
- Лепешку. И еще няя Раймунда дала мне немпожко кашуны.
- Что же ты будешь есть завтра?
- Что бог пошлет, сеньор.
- А раньше твоя мама что делала?
- Работала.
- Где?
- Да где придется.
- Как тебя зовут?
- Манинья.
- Он дал ей мелкую монетку, но девочка не уходила.
- Отойди, я закрою окно.
- Она не двинулась с места.
- Послушай, тебе пора домой.
- Сеньор...
- Ну что тебе еще, говори...
- Я тоже умею.
- Что умеешь?
- Что и все женщины.
- Он с изумлением уставился на нее — в сумерках хрупкая фигурка девочки была едва различима.
- Да сколько же тебе лет?
- Четырнадцать.
- И ты когда-нибудь уже занималась этим?
- Да.
- Кто тебя научил предлагать себя мужчинам?
- Мама.
- Твоя мать?!
- Да, мама.
- Как же она могла?!
- Девочка не отвечала.
- Как же она могла... — повторил прапорщик.
- Жить-то надо, — подумав, серьезно ответила девочка.
- Сколько же ты берешь?
- Сколько дадите, сеньор.

— А обычно сколько ты просишь?

Он задавал вопросы просто из любопытства.

— Военные сами назначают цену.

— Ты ходишь только к военным?

— Да.

— И все же, сколько они тебе дают?

— Когда как, сеньор. Бывает, что и пять эскудо дают.

— Ты откуда родом?

— С Сан-Николау.

— Как же ты очутилась на Сан-Висенти?

— Нас с мамой привезли сюда на паруснике, сеньор.

Окно было низко от земли. Так низко, что девочка, положив руки на подоконник, с любопытством разглядывала комнату.

Ночь была душная. Город, словно прикорнув у подножия горного хребта, спал. Вьегас почти машинально взял руки девочки, горячие и трогательно хрупкие, в свои.

В соседней комнате, отделенной от его спальни деревянной перегородкой, жила дочь хозяйки, Лулуша, — молодая девушка с пышной грудью. Прапорщик часто слышал, как поскрипывала ее кровать, и не раз пытался представить себе Лулушу на постели в тонкой ночной рубашке, а может быть, и вовсе голую...

Девчушка жестом опытной женщины положила руки на плечи прапорщику.

— Сеньор, вы согласны?

Вьегас не ответил. Он хотел сказать ей, чтобы она шла прочь, но язык ему не повиновался. И, сам не понимая почему, он спросил:

— Когда же ты приехала сюда?

— Мы уже давно здесь, сеньор.

Лулуша сейчас ложится спать, думает Вьегас. Раздевается. Или посмотрится в зеркало. Боже мой, какая у нее красивая грудь! А перед ним четырнадцатилетняя девочка, почти ребенок, и с пугающей прямоотой предлагает себя...

— Послушай-ка!

Душная ночь. Над городом нависла тревожная тишина. Только ветер осторожно шуршит по крыше. Вьегас слышит, как в комнате Лулуши щелкнул выключатель. Вот скрипнула кровать...

Внезапный порыв ветра всколыхнул чахлый кустарник на холме. Прапорщик неожиданно схватил девочку за руки и с силой потянул к себе.

— Прыгай в комнату.

Потом, оставшись один, он думал о жене, о Беатрис, снова и снова переживал случившееся и испытывал отвращение к самому себе.

По улице прошла компания парней. Они пели под гитару. Вьегас, выглянув в окно, увидел вдалеке неясные силуэты, растворившиеся в ночи.

24

Среди них был и Шико Афонсо. Он и его гитара с недавних пор приобрели популярность в квартале Салина, и жители квартала каждый раз с нетерпением ждали возвращения Шико из рейса.

Шико Афонсо собирался хорошенько повеселиться, пока парусник на причале. На этот раз не было известно, куда и когда они отправятся. Обстановка на Сан-Висенти день ото дня становилась все тревожнее, и капитан Морайс уже не распоряжался своим судном. Едва он сходил на берег, мэр или другие крупные чиновники немедленно являлись к нему с уговорами: капитан, выручите нас из затруднительного положения, вы ведь понимаете, ситуация сейчас критическая, и так далее и тому подобное. И Фонсеке Морайсу приходилось принимать предложения, которые в другое время он бы тут же отклонил.

Порой капитан терял терпение. Все словно с ума посходили, признавался он Шико. Те, кто сознают свою ответственность перед народом, не в силах ему помочь, а у кормила власти стоят проходимцы и тупицы. Вот дождутся, Фонсека Морайс непременно покинет Острова Зеленого Мыса и отправится к берегам Америки!

Однажды Фонсека Морайс и в самом деле потерял терпение. Он прибыл на остров Сал, чтобы загрузить парусник солью. Прибыл точно по расписанию, ветер все время дул попутный, и рейс показался ему на редкость удачным. Капитан Морайс давно не был на острове Сал, он испытывал особое удовольствие, причаливая к берегу.

Когда-то, роясь в старинных книгах, он вычитал, что за тысячелетие до того, как португальцы открыли архипелаг Зеленого Мыса, на островах побывали другие мореплаватели. Возможно, это только гипотеза, а может, просто выдумка. Один португальский ученый, отстраненный властями от преподавания в Лиссабонском университете, посетив Острова по пути в Бразилию, рассказывал Морайсу в клубе «Гремио», что с незапамятных времен острова Сал и Боавишта были населены африканцами. Португальский профессор утверждал, что эти сведения основаны на фактах, о которых упоминается в исторических хрониках арабов. С той поры Фонсека Морайс с нетерпением ждал случая вновь побывать на острове Сал и собственными глазами увидеть места, где несколько веков назад жили в примитивных хижинах дикие, первобытные люди.

И вот теперь случай представился. Фонсека Морайс бродил по острову, который некогда, вероятно, стоял на торговом пути, и пироги везли соль с западного побережья Черного континента в торговый порт Тимбукту. Бесконечная равнина, первозданная тишина и бесхитростная, застывшая, как в замедленной съемке, жизнь маленького острова помогли ему мысленно воссоздать быт далеких предков. Капитаном Морайсом овладела смутная тревога. Его неудержимо влекло к дальним странствиям. Нет ничего прекраснее, чем свобода и безрассудная смелость. Ему уже давно осточертело снова на своем паруснике между островами. Призвание зеленого мыса — открывать неведомые земли, плыть по бурным морям... До него уже дошли слухи о неверности Беатрис. Насколько они достоверны, он не знал. И вот на пустынном острове Сал он наконец почувствовал себя птицей, вырвавшейся из клетки. У него есть парусник, и он может плыть куда захочет...

Телеграмма губернатора, настаивавшего на срочной погрузке, снова вывела Фонсеку Морайса из терпения. И когда он поднимался на борт парусника, решение его уже созрело. Он отправится в Соединенные Штаты, или в Бразилию, или, еще лучше, в Аргентину. Корабль поставил паруса ветру и взял курс на северо-восток. Но, выйдя в открытое море, капитан Морайс, словно протрезвев, повернул на юго-восток, к родному архипелагу. (И теперь еще Фонсека Морайс иногда вспоминает о своем

намерении эмигрировать. Порой он рассказывает об этом друзьям, немного присочиняя. «Вы представить себе не можете, ребята, у меня было такое ощущение, будто меня увозит невольничий корабль». И первый весело над собой смеется, хотя сам не до конца убежден, что был прав, отказавшись от такой блистательно-безумной затеи.)

25

Вот и опять вернулся из рейса Шико Афонсо со своей гитарой. А когда возвращается Шико Афонсо, вечерний город принадлежит ему и его товарищам. Шико теперь водит дружбу не с теми, что когда-то учились вместе с ним в лицее. Новые приятели — ребята, пропахшие густо смоленными лодками и пивнушками, просоленные морским прибоем.

Раскачивающейся походкой моряков идут они по городу в поисках развлечений и любви, знакомства с девушками, танцующими для приезжих «канкан».

Договорились собраться в пивнушке у Нуны. Вот сначала пришел один, за ним другой. Потом еще один, и еще. Со скрипками, гитарами, кабакиньо. Все они друзья Шико Афонсо — Лела, Фрэнк, Валдес, Мандука. Самым последним появляется Тониньо, он всегда приходит позже всех, ему нравятся только самбы. Морны годятся, лишь когда хочешь поухаживать за девушкой. А вот самба — танец компанейский. Кружась в самбе, сразу вспоминаешь разгульное веселье, кутежи и пирушки с друзьями. Вот почему Тониньо ценит самбы превыше всего. Спев самбу, друзья выпили по стакану грога, которым угостил их Нуна. Захмелев, подняли страшный шум. Позвали Нуно, требуя еще грога, но тот отказал наотрез; тогда, пошатываясь и хохоча во все горло, они покинули его заведение и принялись стучаться в двери других пивнушек, отчаянные, словно им сам черт не брат. В одиннадцать часов вечера город будто вымер, и только компания Шико Афонсо бродит по улицам, останавливаясь под окнами знакомых девушек, чтобы спеть серенаду.

На острове голод. Отгрузка угля прекратилась. Умолк колокол «Ойл компани», обычно звонивший беспрестанно — динь-дон, динь-дон. Да, настали другие времена. Корабли в гавани появляются поодиночке, да и то изредка. Нет кукурузы, нет угля, поэтому нет и кораблей. А вот

гrog с Санту-Антана доставляют исправно, и выгружают его на побережье в Матиоте, с лодок, легко ускользящих от снисходительного надзора таможенников.

Нет кукурузы, нет угля. Нет дождя. Работы тоже нет. Но и дня не проходит, чтобы не привезли гrog с Санту-Антана, и делают это отчаянные ребята, преследуемые голодом и полицией контрабандисты.

Компания Шико Афонсо бродит по улицам Минделу, встречая на пути знакомых парней, и вдруг, завернув за угол, сталкивается с доктором Сезаром Монтейро. Тот очень рад встрече. Этот сорокавосемилетний мужчина чувствует себя среди молодежи почти счастливым. Рассказывает о недавно сочиненной им морне, даже вполголоса напевает ее, как в былые времена своей юности, когда он учился в Коимбре. Ему радостно, что вокруг него молодежь, он берет у Шико Афонсо гитару и вместе со всеми поет морну, точно их ровесник. И вот разговор заходит о политике, тут уж Сезар садится на своего конька: обвиняет, разоблачает, делится свежими анекдотами, услышанными от лиссабонских друзей, и с воодушевлением говорит о Ромене Роллане, «совести века», о том, в какое интересное время они живут, — все это не очень понятно ребятам, но слушают они с вниманием, согласно кивая головами.

Порой по слабо освещенной улочке уже заснувшего города проходит какой-нибудь полуночник. Вот из темноты вдруг выплывает смутно различимая фигура. Показывается старик, опираясь на палку, он еле волочит ноги. Они поравнялись с ним. Да это же Мошиньо! «Глядите-ка, ньо Мошиньо собственной персоной! Но ваш дом далеко отсюда, ньо Мошиньо! Квартал Монте-де-Сосегу совсем в другой стороне».

Как обычно, старик пьян, и его давно не принимают всерьез. Он ходит из дома в дом, выпрашивая поесть, и бывает счастлив, если удастся разжиться стаканчиком грога. Речи его утратили былое остроумие и отдают хвастовством, да и что взять с пропойцы?

«Послушайте меня. Нынешние парни не чета прежним, никуда они не годятся. Вы ведь понятия не имеете о жизни. Все бы вам только проказничать да лодырничать. А вот во времена моей молодости и впрямь были стоящие люди, даже сравнивать нечего. Вы как думаете? Послушайте же меня, человек я образованный, в лицее учился.

Все доктором меня величают, так или нет? Все вы тут, наверное, понимаете, что это такое. Поэтому и должны слушать меня. Ах, если б не нога, я бы вам показал, кто такой Мошиньо».

Он с трудом выдавливал слова, тягучие, пропитанные вином. В который уж раз выказав свое презрение к окружающим и обвинив их во всех смертных грехах, он удаляется, все так же опираясь на палку. Теперь он бредет обратно, сам не зная куда.

Бедный Мошиньо, совсем из ума выжил. Доктор Сезар помнит ньо Мошиньо еще юношей — тогда тот отличался красноречием, уж кто-кто, а Мошиньо мог блеснуть. И позднее, будучи зрелым мужчиной, он пользовался большим авторитетом. Где бы он ни появился, ему всюду оказывали почет и уважение. Мошиньо давал дельные советы, лечил от разных болезней, особенно любил он детей.

Теперь же Мошиньо совсем опустился, и повсюду за собой влачит он свою неизлечимую страсть к алкоголю и большую погу. Нередко дети бегут за ним вслед и улюлюкают. Он пытается отогнать их, а если они не отстают, принимается хныкать, вызывая этим насмешки. «Откуда им знать, кто я. Эй, послушайте, я ведь лицом окончил!»

Доктор Сезар приветливо прощается с ними и уходит. Они же направляются в переулочек, где живет ньо Жоазиньо, и стучатся в дверь жалкой лачуги, залатанной жостью.

И вот перед ними тесная комнатуха. Низкий потолок, грязные стены, изъеденный жучком пол, небольшой стол в углу и скамейки вдоль стен. На них сидят солдаты. Тусклый свет керосиновой лампы, полумрак, воздух спертый, тяжелый запах потных тел. Четыре обнаженные девушки стоят парами друг против друга. Упершись руками в бока, они раскачиваются из стороны в сторону, повторяя полные грации движения под пыльные слова колдаейры. Девушки восклицают: «Кола! Эй, кола!» Постепенно они входят в азарт, и танец, поначалу походивший на ритуальный, оживает, становится современным, энергичным. Ах, как выразительны движения девушек! Ах, как сладок грог с Санту-Антана — за него платят солдаты. Ритм все учащается, и девушки в исступлении, словно объятые безумием, извиваются, то сгибаясь, то выпрямляясь, их темные тела блестят от пота...

И тут Шико заметил сидящую в другом углу комнаты Ниту Мендонсу, свою знакомую из толпы беженцев с Сан-Николау. Он сразу узнал ее и почему-то почувствовал себя несчастным. Сказал об этом Мандуке, и тот, не отдавая себе отчета, решил вдруг прекратить шумное веселье. «Разве это прилично, чтоб девушки с его острова вытворяли такое? Неужели у них не осталось ни капельки стыда?» Шико его возмущение показалось нелепым. Девушкам приходится зарабатывать себе на жизнь, и чего Мандука взбеленился, точно с цепи сорвался? Шико кивнул Ните. Та уже узнала матроса с парусника.

— Привет! Как поживает «Покоритель моря»? — засмеялась девушка, лукаво поглядывая на Шико.

— Так, значит, и ты занимаешься тем же?

— А что мне остается? Такова уж, видно, моя судьба. Заметив, что девушка одета, Шико Афонсо спросил:

— А ты разве не танцуешь?

— Нет. Тело женщины свято.

Один из солдат не спускает с них настороженных глаз.

— Этот вояка имеет на меня виды, — говорит Нита.

Разглядывая ее, Шико Афонсо поражается, как она пополнила и похорошела. Нита слегка подкрасилась, и в ней нет ничего от прежней, изможденной беженки с Сан-Николау.

— Не зевай, пользуйся случаем, милая. Ты имеешь успех.

— Ну, успех тут имеют только военные.

— Так не теряйся же, у нас их полным-полно.

— Постараюсь. Только мне советуют ехать на Сан-Томе.

— Опять вместе с голодающими?

— Да. Говорят, их переправляют туда чуть ли не каждый день.

К ним подходит Мандука. Остальные ребята уже ушли.

— Оставь девушку в покое, Шико. Идем отсюда.

Но Шико Афонсо не двигается с места.

— Значит, ты собралась на Сан-Томе?

— А что мне остается, подумай сам. Солдаты на Сан-Висенти платят гроши. Только на англичанах и можно хорошо заработать, но здесь их мало, и что в них проку. А на Сан-Томе ангольцы просто с ума сходят по креолкам. И мне не придется еще работать, раз там много денеж-

ных людей. Скоплю немного деньжат и тогда открою пивную на Сан-Висенти, тут ведь моя родина.

— Да у тебя, как я погляжу, губа не дура.

— Я по горло сыта всем этим. Надоела такая жизнь. Хочу, чтоб у меня был муж. А эти солдаты так осточертели, что и передать не могу.

— Шико, да оторвись ты наконец от своей красотки! Ведь уже ночь на дворе.

— Возвращайся один. Я хочу побыть с тобой, — шепчет ему на ухо Нита и, засмеявшись, показывает в улыбке красивые зубы.

Шико и Мандука уходят. В лачуге остаются только солдаты.

И опять идут ребята по улицам города, пьянея от грез о далеких странствиях. Бунтует их мятежная, удалая юность, растрачиваемая впустую.

Как знать, не будет ли и она такой же бесплодной, как эта выжженная земля на склонах гор?

26

А теперь заглянем-ка в центральную часть города в тот же вечер и час. К примеру, в клуб «Гремие». В «Гремие» постоянно полно народу. Тут собралась местная элита, завсегдатаи-офицеры, их жены и случайные посетители. Они развлекаются игрой в бридж, пьют виски или джин с тоником, курят, острят или флиртуют.

Вот группа, среди которой и Фонсека Морайс, встревожена болезнью старого Себастьяна Кунья. Себастьян Кунья — это глава одного из самых процветающих торговых домов на Сан-Висенти. Его накопленное в течение долгих лет богатство составляют земли, прочая недвижимость и деньги в банке. А также торговый дом.

Человек этот вышел из низов. И не скрывает этого. Начал он свою карьеру с мальчика на посылках, ловил в порту клиентов — моряков и солдат — для публичных домов. Грузил уголь, был приказчиком в лавке, перепродавал контрабандные товары. Жил впроголодь. А во время войны 1914 года ловко провернул рискованнейшую аферу с древесиной, которую заполучил себе в собственность в результате бог весть каких хитроумных махинаций. Вот тогда-то он и пошел в гору. Кај абкался все выше и выше

и наконец основал собственную фирму. Теперь он почетный член клуба «Гремио», входит в правление Зеленомысского соляного общества. Даже ничтожное образование — Себастьян Кунья с грехом пополам умел читать и писать — не помешало ему играть главную роль в комиссиях по проведению важных государственных мероприятий. Одних восхищали его деловая хватка, монашески строгий уклад жизни и ставшая его второй натурой страсть к экономии. Другие, напротив, осуждали его за жадность, за то, что он платил служащим мизерное жалованье. И не прощали ему спекуляций на бирже и ростовщичества. Особенное возмущение у всех вызывало то, что в такой страшный голод его амбары стояли полным-полны продуктов, он продавал их по бешеным ценам и наотрез отказывал в кредите тем, кто не мог купить за наличные. Поэтому бедняки дружно ненавидели Кунью. Не могли простить ему жестокости. Разумеется, не у одного Себастьяна Куньи склады ломились от съестных припасов. Но гнев народа был обращен в первую очередь против него. Против него и Армандиньо Невеса. Потому что Кан и Зека д'Алмейда вели дела иначе: больше платили своим служащим, проявляли порой снисхождение.

Когда Фонсека Морайс вошел в клуб «Гремио», его друзья говорили о болезни Себастьяна Куньи. Потом пошли навестить старика. Возвращаясь от больного, они встретили на улице Жуку Флоренсио. Поздоровались. Доктор Сезар приветствовал его тоже, и Жука, расплывшись в подобострастной улыбке, всем своим видом показывал, что не держит зла и вовсе забыл, как тот поносил его когда-то.

Старику и в самом деле было плохо, но не настолько, как говорили. Доктор Сезар, обычно настроенный воинственно — порой его будто кто за язык тянул, чтобы позлословить, — не скрывал восхищения. Старик произвел на него сильное впечатление. Приподнявшись на постели, он вспоминал случаи из своей богатой событиями жизни, жестикулировал, в нем чувствовалась железная воля и стойкость духа. И хотя ему и перевалило уже за семьдесят, энергии этого человека могли бы позавидовать молодые.

Восхищение доктора Сезара прямо-таки обрадовало Жуку Флоренсио. Он почувствовал внезапную симпатию к Сезару и, шагая рядом, порывался взять его под руку. Ведь нельзя же враждовать вечно. Было время, когда он

просто не мог выносить Сезара, боялся его. А вот сегодня Жуке приятно его общество, и теперь их почти ничто не разделяет.

А когда все приятели пошли по домам, каждый своей дорогой, и доктор Сезар на прощание пожал ему руку, как обычно, дружески и непринужденно, Жука был вне себя от счастья. Однако на душе у него было беспокойно. Охваченный противоречивыми чувствами, в полном одиночестве блуждал он по улицам и думал. После долгих колебаний Жука постучал, несмотря на поздний час, в двери дома доктора Майи.

— Я долго думал о разговоре, что был у нас с вами на днях — о докторе Сезаре Монтейро, — и пришел к выводу, что немного погорячился. Возможно, его слова, бросающие тень на политику нашего правительства, были просто необдуманными.

Доктор Майя посмотрел на него с недоумением. Что он имеет в виду? Преданность Жуки можно было сравнить разве что с его наивностью или осторожностью. Майя разглядывал своего осведомителя через очки с толстыми стеклами — они искажали лицо, делая его чудовищно безобразным. Жуке стало ясно, что надо объяснить подробнее: он просто неправильно истолковал слова Сезара. Доктор Майя, немногословный по складу характера, упорно хранил молчание и холодно смотрел на него, словно требуя: «Ну, выкладывай откровенно, что-то я тебя не совсем понимаю».

— Видите ли, доктор Сезар человек нервный, это всем известно, и часто говорит то, чего сам, в сущности, и не думает.

Доктор Майя попытался скрыть охватившую его досаду. Но все же резким тоном спросил:

— Так как же, сказал он или не сказал то, о чем вы, мой друг, в прошлый раз здесь поведали?

У Жуки не хватило мужества опровергнуть свои же собственные слова, ведь это могло бросить тень на него самого.

— Но ведь вы же знаете, сеньор доктор Майя, нет на свете человека, который бы объективно смотрел на вещи, все мы жертвы своего настроения. И, признаюсь, я, быть может, обрисовал вам портрет доктора Сезара одной черной краской. В данный момент я весьма об этом сожалею.

Майе захотелось выругать его как следует. Нет, подумать только, каков паглец, черт бы его побрал. Но он сдержался. Этого делать не стоит. Конечно, Жука осел, кто же в этом сомневается, но такие люди приносят пользу. Ослы всегда приносят пользу, подумал доктор Майя. Он предложил Жуке сигарету и, пока они курили, постарался перевести разговор на другую тему. Вскоре Жука отклонялся, так и не поняв, что же думает его покровитель об этом, вызванном раскаянием, поступке.

27

И снова «Покоритель моря» рассекает штормовые волны между островами архипелага.

Плывет парусник — массивный, медлительный, но зато надежный. Спокойно и уверенно подчиняет он себе морскую стихию. Старый, неуклюжий, но сделанный на совесть, свежевыкрашенный, корабль может выдержать натиск любого шторма. Ведь несет он нелегкую службу — поддерживает постоянную связь между всеми десятью островами; люди видят в нем своего друга, он вселяет в них надежду. И, несмотря на свою неказистую внешность и неповоротливость, это работага, каких мало.

Беатрис по-прежнему была словно околдована. Ничто не могло нарушить идиллию, так любили они друг друга и такие предосторожности предпринимали, чтоб никто не догадался об их встречах. Особенно опасались они Маниньо, с того вечера, когда он будто что-то заподозрил. Только от ньи Венансии они не сумели ничего скрыть. Проницательная, знающая жизнь, опытная в любовных делах, она вскоре обо всем догадалась. И однажды, когда их отношения уже не были для нее тайной, она по-матерински посоветовала племяннице соблюдать крайнюю осторожность, дав понять, какой опасности та себя подвергает. Почему бы Беатрис не прекратить эти свидания? Нет ничего надежнее семейного очага. Если верить предчувствию Венансии, город не простит ей измены мужу. «Все это красивые слова, тетушка. Красивые, полные благоразумия и доброжелательности...» Но они-то и причиняют ей боль. Беатрис и сама все понимала, однако противиться судьбе было выше ее сил и она плыла по течению.

А время летело, вернее, раскрывалось, как цветок, в насыщенных нежностью и страстью мгновениях, о которых она прежде и понятия не имела. Поэзия заполняла теперь почти весь ее досуг. Томик стихов лежал всегда под рукой, хотя было мало общего между любовью, врывающейся в ее жизнь, и отчаянием одиночества Флорбелы*. «О если бы тебя увидеть вновь, в часы томительной и сладостной истомы...»

Примирившись с самим фактом, Венансия старалась предоставить им возможность насладиться мгновениями запретного счастья. Она не скрывала сочувствия. Зло содеяно. Кому это под силу — бороться с судьбой?

28

И в самом деле, кому под силу бороться с судьбой? А новость, да еще с красочными подробностями и добавлениями, молниеносно облетела город. Это была одна из тех новостей, которых так не хватало Минделу. Прошлой ночью прапорщика Вьегаса привезли в госпиталь в очень тяжелом состоянии. На лице у него зияли две глубокие раны. Новость передавалась из уст в уста, версии о мотивах покушения были самыми различными, а одна из них была уж вовсе необычной: утверждали, что здесь, несомненно, пахнет политикой. Вьегас военный, стало быть, виновный всему бунтовщики.

«Бунтовщики!» — язвительно улыбался доктор Сезар. Что бы ни случилось, во всем виноваты местные жители. Сам Тенорио Энрикес с Телеграфа возмущенно отверг такое предположение: вот подлецы! Теперь еще и коренное население впутывают в свои дела.

Жука благодарно помалкивал, не ввязываясь в споры. Тем не менее он воспользовался случаем, чтобы через газету обрушиться с угрозами на тех, кто пытался нарушить спокойствие города. Сугубо из тактических соображений. Он тут же смекнул, откуда ветер дует. Все это из-за Беатрис. Ему бы и псевдомек, если б он не видел всего сам. Не видел своими глазами, как в тот вечер в доме Венансии прапорщик целовал Беатрис.

---

* Флорбела Эспанка (1895—1930) — португальская поэтесса.

Для Беатрис настал один из самых горьких моментов в жизни. Сколько предстоит ей еще пережить? — спрашивала она себя бессонными ночами, и шум прибоя пугал ее.

Узнав о случившемся, Венансия буквально остолебела от ужаса. Она тут же послала за племянницей.

— Это Маниньо, тетушка, — заявила Беатрис. — Маниньо с друзьями! Никто не разубедит меня в этом.

— Маниньо?! —

— Да, тетушка. — И она заплакала. — Маниньо нас подозревал и подкараулил Вьегаса ночью под кокосовыми пальмами в квартале Салина. Маниньо хоть и мой брат, но он человек злобный, как сам дьявол.

Нья Венансия, как умела, утешала ее. Но и она потеряла покой, ведь теперь уж всякое могло случиться. Даже ветер и солнце, клубы пыли и гудок одиноко стоящего в порту грузового судна навевали на нее безысходную тоску.

29

Маниньо перестал появляться в доме Беатрис. Но однажды вечером они встретились на улице, и он как ни в чем не бывало поздоровался с «сестренкой Беатрис». Она тоже заговорила с ним приветливо, будто ничего не произошло. Даже настойчиво стала звать в гости, осведомилась, не нуждается ли он в деньгах. Ясное дело, они ему как нельзя кстати, сестренке Беатрис это известно. Не всякий день — праздник, зато деньги всегда деньги, и тратить их можно в любое время. Против сестры Маниньо ничего не имел. Вся его ненависть сосредоточилась на прапорщике, который, пользуясь отсутствием Фонсеки Морайса, развлекался по ночам с его женой. К Вьегасу Маниньо действительно испытывал злобу и со всей яростью излил ее в ту ночь. Подкравшись к прапорщику, он собирался прикончить своего врага — ему все еще чудился шорох, который он тогда услышал в комнате Беатрис. И не убил Вьегаса лишь потому, что не рассчитал удара.

Может ли Маниньо ее выдать? Беатрис очень этого опасалась. даже когда он ушел от нее довольный, с деньгами в кармане, хотя даны они ему были — заметим, между прочим, — с отвращением. Никогда не простит ему Беатрис жестокости. Двоюродный брат разрушил ее

счастье и готов в любой момент подставить под удар ее семейную жизнь. Венансия помогла племяннице, добившись для нее разрешения навещать Вьегаса в госпитале. Врачи не скрывали тревоги. Раны опасные. Если начнет заражение, то медицина будет бессильна. И вот тогда вспомнили о совсем новом, но уже примененном в США лекарстве. Говорили, что оно буквально творит чудеса. Срочно телеграфировали в Лиссабон и просили прислать оттуда пенициллин самолетом — быть может, все-таки еще удастся спасти прапорщика.

Вьегас по-прежнему был без сознания. Каждый раз Беатрис возвращалась из госпиталя, едва сдерживая слезы. Горькие мысли не оставляли ее. Ведь в тот раз, когда она увидела брата на улице, ей пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы не плюнуть ему в физиономию... Нужно сдерживать свой гнев. Что ее ждет, если Маниньо проговорится? Ведь Фонсека не пощадит ни ее, ни любовника, даже если тому и удастся выжить. Стоит Маниньо проговориться кому-нибудь, и по Минделу тотчас поползут слухи. И тогда до пропасти только один шаг.

А Фонсека Морайс уже вернулся из плавания. Как бы между прочим несколько дней спустя он обмолвился при ней о происшествии с прапорщиком. Подробности его, казалось, не интересовали. И Беатрис успокоилась. Наконец-то она начала верить, что после бури наступит затишье.

30

Когда же появится этот самолет с чудодейственным лекарством? Вот что занимает теперь весь город, и с нетерпением ожидающие самолета жители Минделу волнуются за прапорщика. За человека, который был так варварски изувечен кем-то под покровом ночи. Кто этот убийца, никому не было известно. На месте преступления не осталось ни малейшего следа, хотя полиция не сидела сложа руки и уже арестовала нескольких подозрительных субъектов. А прапорщику уж и вовсе не было нужды помогать полиции. Хотя еще той ночью он догадался, кто на него напал.

И вот однажды вечером, впервые в истории острова Сан-Висенти, в Минделу приземлился самолет. Над бух-

той Порто-Гранди несколько десятилетий назад Гадо Коу-тинью и Сакадура Кабрал пролетали во время своего исторического перелета, который связал две страны, омываемые Атлантическим океаном,—Бразилию и Португалию. На мысе воздвигли потом столб с надписью в честь этого события. Однако еще ни один самолет не касался крылом земли Минделу. Сможет ли он приземлиться? Какое место выбрать для его посадки? Наверное, лучше всего песчаное побережье, у самого моря, где англичане, избегая нежелательных контактов с местным населением, проводят свой уик-энд, флегматично играя в гольф, и вид у них бывает такой надменный, такой истинно британский, что кажется, будто они у себя на родине, а не за тридевять земель. Ранним утром сюда пришли солдаты с топорами и лопатами, срыли небольшие холмики и вырубili опаленные засухой деревца, расчистили и выровняли площадку — и к вечеру уже была готова импровизированная посадочная полоса, на нее должны будут приземлиться отважные воздухоплаватели, которые спасут жизнь человеку, в судьбе которого принимал участие весь Минделу.

Спешно сооруженный километрах в двух от города, около Лазарето, аэродром в четыре часа дня уже принял праздничный вид. Там собралась тьма любопытных. Еще бы! Ведь самолет приземлится в Минделу. Ровно в шестнадцать часов показалась сверкающая металлом в синеве неба птица. Сделав несколько заходов, спускаясь все ниже, она наконец приземлилась под восторженные крики людей. Посадочная полоса получилась вовсе не такой уж удачной, как сказал пилот офицеру, ответственному за ее строительство.

Однако все это уже было неважно. Зеленомысцы поверили теперь, что прапорщик будет спасен. И спасен благодаря действенной помощи муниципалитета. По крайней мере так утверждала пресса. Но порой раздавались кое-где ядовитые насмешки, раздраженные реплики, неясные намеки... Положение было напряженное, да и случай весьма подходящий для злых языков. О чем-то шептались в кварталах Салина, Монте-де-Сосегу, в портовых трактирах и пивных, что-то пробуждалось и набирало силу там, где жили солдаты, эмигранты, грузчики, матросы, босяки, контрабандисты, бандиты, бездомные, безработные и голодающие с других островов. О чем шептались они темными вечерами, что пробуждалось и набирало силу, понять

было пока нелегко, потому что голоса эти приглушал страх.

Случалось, однако, что кое-кому надоедало молчать, и раз уж начинался разговор, то на поверхность тут же всплывали явные несообразности. На первый взгляд, все вроде бы ясно. Прапорщик, конечно, выздоровеет. Если надо, потратят целое состояние, чтобы спасти этого человека, ведь жизнь его дороже любых сокровищ на свете. Да, все это истинная правда. Только позвольте тогда спросить, а что же будет предпринято для того, чтобы предотвратить смерть тысяч креолов, которых голод острой косою косит по всему архипелагу? Что будет предпринято для их спасения? Вопрос этот был на устах у всех.

31

Однажды ночью полиция арестовала доктора Сезара. Все уважали и любили этого человека. Он никогда не скрывал своих взглядов, а его чувства совпадали с чувствами большинства зеленомысцев. Его устами говорил сам народ. Только народ не нашел бы таких подходящих слов, чтобы выразить свои мысли. Или побоялся бы это сделать.

Доктор Сезар арестован. Вот хороший урок тем, кто болтает, не думая о последствиях. Теперь-то они притихнут. И они действительно притихли, по крайней мере некоторые. Но кому под силу обуздать возмущение народа, достигшее предела?

Когда Жука Флоренсио пришел навестить нью Венаппию, она вышла к нему заплаканная.

— Что же такое у нас творится, Жука? Доктор Сезар добрый человек, народ в нем так нуждается.

Жука кивнул в знак согласия.

— Вероятно, произошло какое-то недоразумение, Венаппия, — сказал он.

— Вы только подумайте, Жука. Доктор Сезар был таким хорошим преподавателем. Он радел за успехи студентов, заставлял их учиться, никто не смел прогулять его лекции. А ведь сколько профессоров, равнодушных к студентам?! Пускают все на самотек. И представьте себе, никто их не арестовывает. Что же это такое, Жука? Народ возмущен, и совершенно справедливо. Никто уже не по-

нимает, что происходит на Островах. Над нашей землей будто тяготеет какое-то проклятие.

— Успокойтесь, Венансия. Разумеется, вы правы. Надо обязательно что-то предпринять.

— Жука, вы, кажется, в хороших отношениях с сеньором Майей. Он человек влиятельный, вы можете поговорить с ним насчет Сезара?

— Именно об этом я сейчас и думаю. Только видите ли, Венансия, доктор Майя не уполномочен один решать такие вопросы. Ему необходима санкция из Лиссабона.

Жука кривит душой, ведь распоряжение из Лиссабона тут абсолютно ни при чем. Приказ об аресте заготовили здесь, в Прае, и, можно сказать, по его милости. Но в этот момент ему хочется сделать что-нибудь для доктора Сезара. По разным причинам. Прежде всего потому, что у него самого рыльце в пушку, и потом нья Венансия так ласково его просит. А угодить Венансии — для него теперь, пожалуй, самая большая радость в жизни. Все произошло так неожиданно. Как он мог увлечься Венансией, если знаком с ней не один десяток лет? Жука колеблется. Может быть, признаться ей в своих чувствах? Но, увидев ее затуманенные от горя глаза и слезы на щеках, он понимает, что теперь не время для любовных признаний.

— Куда же повезут доктора Сезара?

Говоря откровенно, Жука Флоренсио понятия об этом не имеет. В Праю? В тюрьму Таррафал? Не знает, честное слово, он не знает.

— Как меня все это тревожит! — восклицает Венансия.

Нья Венансия не может взять в толк, как могло случиться подобное в ее родном Минделу. Беда никогда не приходит одна, говорит пословица. Доктор Сезар не вор, не мошенник, почему же его арестовали? Доктор Сезар любит резать правду-матку в глаза, этого у него не отнимешь. Он не таит своих мыслей. Чистосердечный человек, без пороков, без лицемерия. Он не откладывает на завтра то, что хочет сказать сегодня. Что в этом дурного? — вопрошает в простоте душевной Венансия.

— Жука, я сама хочу поговорить о Сезаре Монтейро с доктором Майей. Нельзя оставлять друзей в беде.

Жука успокаивает ее. Он попытается все уладить. Кое-что предпримет, может быть, даже поговорит с доктором Майей. Не волнуйтесь, нья Венансия. Его арестовали все-

го на несколько дней (как знать, дней или месяцев? — думает про себя Жука). Когда Жука собрался уходить, Венаusia предложила ему чаю с булочками. Жука охотно соглашается, садится поудобнее в кресле, наслаждаясь гостеприимством своей давней знакомой. Но тут ему делается немного не по себе, в нем заговорила совесть. Венаusia тут же замечает перемену в его настроении и думает, что Жука больше не держит зла на Сезара, что она растрогала его и он переживает, подобно ей, этот неожиданный арест.

Выпив чаю, он долго болтает о том о сем, наконец начинает прощаться. Извиняется, что должен уйти так скоро: он решил кое-что предпринять.

Что же именно Жука решил предпринять? Да ровным счетом ничего, это ясно как божий день. Он спешит домой, запирается у себя в кабинете. Сидя в кресле-качалке, Жука Флоренсио размышляет, строит планы. Но все его планы никуда не годятся — доктор Майя даже слушать его не захочет. А вдруг самого Жуку в чем-то заподозрят? Вдруг ему перестанут доверять? Да, положение у него сложное.

32

Когда несколько дней спустя молодежь вновь сыграла с ним злую шутку, он забыл об угрызениях совести. О, от них Жука избавлялся тут же. Эти молокососы, вот кто отравляет ему жизнь.

Литературный кружок лицейстов распался, каждый выбрал свой жизненный путь. Дико и Тута отправлялись в Лиссабон, Амандио — в Лоренсу-Маркиш, Жо — в Гвинее, Томас возвращался на родной остров Брава. На Сан-Висенти их отсутствие сразу стало ощутимо, в среде творческой интеллигенции возникла брешь. Это непоправимо, пока не возникнет новое творческое объединение молодежи. Перед отъездом из Сан-Висенти лицейсты сочинили пьесу и поставили спектакль, в котором едко высмеяли некоторых представителей местной «знати». Особенно досталось Жуке Флоренсио. Его прямо взбесила выходка «наглых парней», этой «дикой банды черномазых кафров».

Нья Венаusia посоветовала ему не обращать на них внимания: Жука, мол, просто попался ребятам под горя-

чую руку. Разве Жука уже забыл, что произошло? Тот все-таки поворчал немного: «В наше время, ня Вена́нсия, молодежь была другая, и воспитывали нас по-другому. А теперешняя — просто бандиты, другим словом их и не назовешь». Вена́нсия улыбалась — происшествие это ее забавляло. И она смягчила гнев Жуки, угостив его кофе и кускусом.

Из госпиталя приходили добрые вести. Прапорщик Вьегас выздоравливал. И если для Вена́нсии это было утешением, нетрудно себе вообразить, как радовалась Беатрис. И все-таки что-то происходило вокруг, исподволь подкрадывалось, как змея. Так это или нет, покажет будущее.

— Знаешь, Шико, ня Беатрис — любовница того самого военного, которого доставили в госпиталь всего окровавленного, с израненным лицом, — сообщила однажды своему возлюбленному Шандинья. И с нескрываемым восхищением добавила: — Это Маниньо ранил его.

Шико Афонсо погрузился в раздумье. Как же так? Ня Беатрис, жена ньо Фонсеки Морайса, — и вдруг любовница португальского офицера?! Шико потрясла сама мысль об измене Беатрис. Ему всегда казалось, что у капитана преданная жена. Трудно было поверить такой новости.

— Кто тебе это сказал?

— Все говорят.

— А ньо Фонсека Морайс знает?

— Думаю, что нет.

Конечно, если бы ему рассказали, то-то бы заварилась каша! Шико знал капитана как свои пять пальцев. Во время длительных рейсов на паруснике он испытал на себе его крутой нрав. Обычно ньо Фонсека был сдержан, приказания отдавал мягким тоном, но если кто-нибудь его рассердит, тогда уж держись, такого свирепого капитана днем с огнем не сыщешь.

— Нет, нельзя допустить, чтобы он узнал, — сказал Шико Афонсо, сам загораясь гневом. — Стоит ему только дознаться, тут такое начнется...

У него не было в этом ни малейшего сомнения. Окутанные тишиной ночи, они были будто отгорожены от всего мира. Шандинья притянула Шико к себе, еще раз ласково провела по его волосам, поцеловала. Невдалеке, в

глубине квартала Салина, высились кокосовые пальмы. Их стройные силуэты напоминали призраки, они четко вырисовывались во мраке. Душная ночь, казалось, дышала страстью.

— А если бы я так поступила с тобой, что бы ты сделал? — с вызовом спросила она Шико.

— Тогда прости-прощай Шандинья, с глазами как спелые виноградины, — ответил он ей, цитируя морню собственного сочинения.

— Ты бы отважился убить меня? Ну, скажи. — И она опять мягко притянула его к себе.

— Я дважды такие дела не обдумываю, слышишь? — Он отстранил ее рукой.

Шандинью восхитило мужество Шико. Умереть от его руки потому, что он не простил измены... Приятно было рисовать эту романтическую сцену ревности и себя в роли главной героини.

— И что ты бы сделал, милый? — спросила она с забавной гримаской.

— Я всадил бы тебе нож в живот.

— Вот это да! — И она засмеялась, охваченная неудержимым весельем. — Знаешь, а ты, оказывается, отчаянный.

Шандинье вспомнились те, что ухаживали за ней, когда он был в плавании. А Маниньо являлся даже к ней домой и буквально осыпал комплиментами, желая добиться ее благосклонности. Этого она Шико говорить не станет. Легкомысленные парни живут на Сан-Висенти, вечно пытаются они совратить с пути честную девушку, у которой есть возлюбленный. Такие наглецы!

Виззанию лицо Шандиньи омрачилось. Маниньо, ньо Мирандинья, Антониньо, ньо Зека Миранда, друзья и недруги ее отца... Все они с ней заигрывали, вгоняли в краску вольными шуточками. Но сцена, происшедшая накануне у ньо Себастьяна Куньи, потрясла ее. Рассказать Шико или не рассказывать? «Ну что, красавица, зачем ты ко мне пожаловала?» — «Отец просит передать, что не сможет сегодня прийти. У него лихорадка». — «Но послушай-ка меня, милая...» — И он пододвинулся к ней с обезьяньими ужимками. Она в испуге стала повторять все сначала. «Полно, милая, какое это имеет значение? Раз отец не может прийти, пускай себе не приходит». И пока она говорила, ньо Себастьян Кунья взял ее за руку, а потом

попытался притянуть к себе. Мерзкий старик, совести у него нет. Рассказать про все Шико или не рассказывать?

Лицо ее вспыхнуло, и в порыве негодования она выложила свою обиду возлюбленному. Шико стиснул зубы. Наглый старик. И потребовал, чтобы она рассказала ему все, как было. Господи, да она ведь уже рассказала все-все! Чего он еще добивается? Нет, она что-то от него скрывает. Почему Шико не верит, ей-богу, она не лжет. Да если б было что утаивать, она бы просто промолчала, ведь правда? Ей не за что перед ним краснеть. А разве женщины бывают честными? Все они, как нья Беатрис, стыд потеряли. Шандинья тихо заплакала и поклялась, что сказала правду. Когда ньо Себастьян потянулся к ней, она выскочила за дверь, ругая его на чем свет стоит. Ничего больше не было. Но оба стояли на своем: Шандинья все твердила, что верна ему, а Шико упорно отказывался ей верить.

Вдруг откуда ни возьмись появился Маниньо со всей оравой — Тоем, Лелой, Валдесом.

— Шико! Где ты? — Шико Афонсо подошел к ним с мрачным видом.

— Слушай, Шико, знаешь новость?

Судя по тону, новость была интересной. Что бы это такое могло быть?

33

— Понимаешь, Шико, кораблекрушение.

— Кораблекрушение? — переспросил он.

— Около Шао-де-Алекрин сел на мель корабль.

— Ого, мчимся туда, скорее.

Торговое судно получило пробоину. То ли это была торпеда с подводной лодки, то ли бомба, брошенная с самолета, это уже неважно, оно затонуло недалеко от Сан-Висенти. А везло оно кофе и множество других припасов — табак, галеты, консервы, — чего-чего там только не было!

Кораблекрушение. Кораблекрушение у берегов архипелага Зеленого Мыса. Эта весть разнеслась по городу, таинственная и тревожная, словно ее отбивали барабаны, как в былые времена работоторговли.

Что и говорить! Скольких людей припасы с затонувшего корабля могли бы избавить от голодной смерти, сколько сумели бы нажиться на них. Затонувшее судно нагружено такими товарами! Конечно, это был соблазн, и, узнав о кораблекрушении, зеленомысцы утратили покой, их словно сотрясала лихорадка, поднимавшаяся из самых потаенных глубин естества. Это была варварская, древняя сила, лишавшая человека здравого смысла и осторожности.

Они отвязали лодку Луиса Кандидо. И темной ночью, бесшумно работая веслами, пересекли бухту вдаль от города, около Лазарето, так что береговая охрана их не заметила.

Лодка пришла назад, полная кофе, табаку, пакетов с приятным запахом. Соблюдая осторожность, они причалили к берегу у Лазарето, откуда отплыли несколько часов назад. Сняв груз, помчались бегом напрямик, через лес, к дому Мануэла Кантанте на холме Рибейра-Жулиао. Но едва они пробежали сто метров, не больше, чей-то окрик заставил их задрожать от страха. Побросав пакеты, ребята пустились наутек, да так, что только пятки сверкали. Маниньо и Лела, споткнувшись о кучу мусора, упали. Гнавшийся за ними следом таможенник схватил обоих. Маниньо хотел было вывернуться, даже подтолкнул Лелу, словно говоря: «Давай удерем», но тот, трезво оценив обстановку, не поддался порыву: у таможенника ружье, а они безоружные, силы неравные, и потому надо покориться. Ну, ничего, когда-нибудь они возьмут реванш. Будет и на их улице праздник!

Разграбление судна продолжалось и на следующий день. Голодные и бездомные мальчишки из гавани, безработные грузчики угля, бродяги, контрабандисты продавали по всему городу оптом и в розницу самые изысканные товары тем, кто меньше всего в них нуждался, но имел увесистый кошелек. Ни о чем другом в Минделу и не говорили. Такого богатого «улова» даже старики не помнили.

Маниньо и Лела угодили в тюрьму. Горожане были возмущены поведением властей. Где это видано, чтобы арестовывали парней за то, что они хотели поживиться товарами с судна, потерпевшего кораблекрушение? Ведь припасы с затонувшего корабля принадлежат зеленомысцам, и больше никому.

На следующий день Шико Афонсо отправился на поиски ньо Фонсеки Морайса. Шико не сомневался, что он придумает что-нибудь, чтобы облегчить участь друзей. Ведь Маниньо и Лела ничего не украли. Они только хотели взять, впрочем, как и многие другие, то, что само плыло в руки. Продукты с затонувшего корабля принадлежат зеленомыслам. Так было испокон веков. Разве посадили в тюрьму тех, кто возвратился с потерпевшего крушение норвежского судна или со шведского корабля, набив сумки сыром, галетами и ручными часами? Таможенники отлично знали об этом, но смотрели сквозь пальцы. Так за что же арестовали его друзей, если они ничего не украли? Капитан Фонсека Морайс должен восстановить справедливость и добиться, чтобы Маниньо и Лелу выпустили из тюрьмы.

Шико повсюду разыскивал капитана. Дома его не оказалось. И жена куда-то ушла. Соседи не знали, где они. Он расспрашивал каждого встречного, но никто не знал, где находится Фонсека Морайс или дона Беатрис. Шико Афонсо опрометью побежал к пристани, уж наверняка ньо Фонсека там, на своем паруснике, где ж ему еще быть! Но тут матроса ожидало разочарование. «Покорителя моря» и след простыл. Шико собственным глазам не поверил, обошел всю бухту, однако капитана Морайса нигде не было. Куда же мог он отправиться? Иногда, правда, его вдруг обуревали мечты. Однажды он ни с того ни с сего вздумал высадиться на острове Санта-Лузия, чтобы посмотреть на этот заброшенный клочок земли, где жили несколько семей рыбаков. В другой раз он сказал Шико Афонсо, что рано или поздно покинет этот тоскливый и сонный архипелаг и займется китобойным промыслом. А может быть, поплывет на юг в поисках приключений. Да, такие странные мысли обуревали порой капитана. И Шико Афонсо поспешил в город, поднять тревогу. «Покоритель моря» исчез, капитан вместе с ним, и доны Беатрис тоже нет нигде.

Новость мгновенно облетела город, забеспокоились даже местные власти. Тревога перекинулась в столицу архипелага. Вскоре она охватила все острова. По телеграфу сообщили в Лиссабон о таинственном исчезновении капитана Морайса. Где же теперь ньо Фонсека Морайс?

И ня Беатрис? И «Покоритель моря»? Прямо как в сказке. Жил-был капитан, были у него жена и парусник...

И сразу история стала обростать подробностями. Нашлись люди, видевшие, как утром Фонсека Морайс с чемоданом в руках сел в шлюпку и стал грести к паруснику. Нашлись люди, видевшие, как корабль поднял паруса и вышел в открытое море. Нашлись очевидцы, которые рассказывали, что на причале ньо Фонсека Морайс никому не дал слова вымолвить, а ня Беатрис плакала. Свидетелей было хоть отбавляй. Однако никто не явился в полицейское управление, чтобы дать показания. События постепенно заволакивала все более густая романтическая дымка тайны.

Куда же отправился ньо Фонсека Морайс? Поди догадайся. Но если говорить откровенно, люди не только строили догадки, они знали. Что же ожидает несчастную Беатрис? Может быть, муж выбросил ее труп в морскую пучину?

Печальной была эта история о капитане, его жене и о паруснике, ведь и его люди любили. Вот уж действительно, все произошло прямо как в сказке: жил-был капитан, были у него жена и парусник. И все трое исчезли, как сквозь землю провалились.

35

Прошло три дня, а новостей все никаких. Безутешная Венансия решила обратиться за помощью к Жуке Флоренсио. Точнее, послала Бию Диниш пригласить его в гости.

Вечером Жука был у ньи Венансии. Но что он мог сказать ей в утешение? Судьба всех троих была окутана непроницаемой тайной. «Вот именно, непроницаемой, ня Венансия».

— Но, Жука, у вас, наверное, имеются какие-нибудь соображения?

Соображения на этот счет у него были довольно туманные.

— Видите ли, ня Венансия, Фонсека Морайс человек с причудами. Добрый, но не лишенный странностей.

— И вы полагаете, что Фонсека Морайс способен убить Беатрис и бросить ее труп в море?

— Но ведь вы сами знаете, Венансия, в этом мире человек полагает, а бог располагает.

— Почему же ньо Фонсека Морайс так поспешно уехал, на него это не похоже. Когда он узнал об аресте доктора Сезара, сразу стал прямо сам не свой, ведь ньо Фонсека был большим другом Сезара, могу вам признаться, Жука. Едва он узнал, что Сезара взяли под арест, ни о чем другом он и не говорил. Вам и представить себе трудно, каким угрюмым сделался Фонсека. Однажды вечером он сидел вот здесь, в этом кресле-качалке, и вдруг говорит мне: «Венансия, ради доктора Сезара я бы мог пожертвовать жизнью. Надо выручать друзей, попавших в беду. Если я ничем не сумею ему помочь, никогда себе этого не прощу».

Нья Венансия плакала. В глубине души что-то ей подсказывало, что Фонсека Морайс не такой уж бессердечный, чтобы убить Беатрис. Он и в самом деле ее любил, и сердце у него было доброе. Но почему ему понадобилось внезапно покинуть родину и увезти с собой жену? Он мог бы преспокойно оставить ее пока в Минделу. Венансия так горько плакала, что Жука решил воспользоваться удобным случаем и ласково погладил ее по голове.

— Венансия, поймите, душа человеческая — потемки... — Он предпочел не развивать эту мысль, расставив между фразами красноречивые многоточия. — Ясное дело, потемки... Знаете, Венансия, я ведь немного разбираюсь в характерах... Писателю без этого нельзя, он обязан хорошо знать человеческую душу. Люди способны на все.

И он болтал, тараторил без умолку и едва не выдал секрет, который ему доверили. «Садитесь сюда, Жука. Я только что получил важное донесение из Праи. От губернатора. Однако это должно остаться строго между нами. — Доктор Майя, я считаю такое предупреждение излишним. — Поймите, Жука, это строжайшая тайна, и о ней знает только губернатор. — Речь идет о Фонсеке Морайсе? — Именно о нем, но не только. О Фонсеке Морайсе и этом негодяе Сезаре Монтейро. — О ком?! — Не перебивайте. Фонсека Морайс на рассвете стал на якорь у побережья Сантьягу, неподалеку от тюрьмы Таррафал, подобрал беглецов — в том числе и Сезара Монтейро — и был таков».

Прояви он хоть малейшую слабость, и тайна государственной важности была бы выдана. Но в последний мо-

мент Жука удержался. Он не мог, не имел права пускаться в откровенности с Венамией. Разумеется, она достойная женщина и способна составить его счастье, но он дал слово чести своему другу доктору Майе, который считал его достойным доверия, и к тому же тайна есть тайна. Впрочем, в свое время все прояснится.

— Успокойтесь, Венамия, незачем так переживать, я уверен, что в один прекрасный день мы получим добрые вести от Беатрис. Успокойтесь.

— Я уже кое о чем догадывалась, когда он явился сюда рано утром, накануне побега. Меня удивило его посещение. Теперь я склонна думать, что у него тогда уже созрел план действий, и он пришел попрощаться со мной.

Слезы душили Венамию. Одинокую, беззащитную, так внезапно покинутую.

Выйдя от нее, Жука долго бродил по улицам города. Он был горд, что сумел сохранить потрясающий секрет. Значит, он свой человек, достойный доверия. Но про себя он сквозь зубы ворчал: что за негодяй этот капитан Фонсека Морайс!

36

Что за негодяй этой капитан Фонсека Морайс! В тот самый момент, когда Жука предавался праведному гневу, старик в лохмотьях, с палкой в руке и в низко надвинутой на лоб потрепанной шляпе поздоровался с ним чуть приметным кивком, в котором, однако, явно сквозило высокомерие.

Это происходило на одной из улочек, что вели в порт, где хозяйничали, диктуя свои законы, банды воров и преступников. Оборванный старик продолжал сидеть на пороге дома. Жука с любопытством оглядел его.

— Вы случайно не Жука Флоренсио? — осведомился старик.

Вот прохвост! Так ни за что ни про что оскорбить человека, даже не прибавить к его имени обращение «сеньор»!

— Знаешь, чертов кафр, тебя стоило бы отколотить за твою дерзость тростью!

Старик в лохмотьях с трудом приподнялся, но силы изменили ему и он прислонился к стене.

— Послушайте, Жука Флоренсио. Я ведь образованный, в лицее учился, понятно?

— Откуда мне знать, кто ты такой. По-моему, ты просто наглец. А если в другой раз осмелишься мне дерзить, я обломаю вот эту трость о твою спину, грязный кафр!

Ньо Мошиньо отделился от стены, опираясь на палку. Он выпрямился, лицо исказилось от боли.

— Ах ты, черная образина, да что ты такое плетешь?! Меня все уважают. Я знаю жизнь, начальником отдела служил. Послушай, ты, я человек образованный! А что ты собой представляешь? Ты дерьмо, а не писатель, только бумагу зря переводишь.

Неожиданно Жука расхохотался. Это же настоящий кафр, старик так и просится на фотографию. Жаль, что он не захватил с собой фотоаппарат. Писателю надо всегда быть во всеоружии.

— Кто ты такой? Я отвечу. Лизоблюд и подхалим, все это знают.

Охваченный яростью, Жука бросился прочь. Грязная свинья, кафр!

37

Поздно вечером Шико Афонсо, запыхавшись, вбежал в дом Венансии.

— Вы только послушайте, нья Венансия!

— О чем ты теперь мне поведаешь, мой мальчик?

— Ньо Фонсека Морайс похитил из тюрьмы Таррафал доктора Сезара.

— Как?! У тебя что, в голове помутилось?

— Доктор Сезар бежал. Он сел в шлюпку и догнал «Покорителя моря» по пути в Дакар.

— Быть того не может! — Она недоверчиво заглянула ему в глаза.

— Сведения точные, нья Венансия.

— А Беатрис?

— Они все трое на судне.

Случается, что добрая весть стоит целой жизни. Именно такую весть услышала Венансия. Она обняла Шико Афонсо и зарыдала. Теперь она плакала от радости, и слезы приносили ей утешение.

Выйдя из дома Венансии, шумно радовавшейся неожиданно доброму известию, Шико Афонсо задумался о своей судьбе.

Что же с ним-то теперь будет? Остаться здесь, в Минделу, нахлебником у Венансии? Разве это достойно молодого человека, начавшего серьезно относиться к жизни? Вернуться на Санту-Антан? При одной мысли об этом ему становилось не по себе. Воспоминания об отчем доме не давали Шико покоя. Отец, старый ньо Фелисберто, с детства прочил ему большое будущее, мечтал видеть своего сына образованным человеком. И тут же Шико Афонсо снова будто увидел отца, каким он стал через несколько лет — проказа постепенно разрушала его организм. Какое-то время он жил в колонии для прокаженных в Барбапо. Потом, взобравшись на скалу в Пауле, бросился с нее вниз — так велико было его отчаяние. Бедный отец, как пытался он скрыть от детей страдания, которые ему причиняла болезнь! И вот теперь Шико остался совсем один на свете. Какой путь ему выбрать? Он не хотел быть больше голодным бродягой на Сан-Висенти. Заняться контрабандой? Или уехать куда-нибудь, спрятавшись в трюме грузового судна? А может, отправиться с беженцами на Сан-Томе, как предлагал ему отец Шандиньи? Сан-Томе — дикий скалистый остров, но там есть еда. Интересно, что бы ему посоветовал Мандука? Он жил на окраине города, около старой церкви. Туда Шико Афонсо и направился, погруженный в глубокое раздумье. Между булыжниками мостовой кое-где пробивались травинки. Солнце беспощадно выжигало растительность, будто слизывало ее языком. Внизу, у подножья холма, виднелся хутор Фелисиано Антао — с колодцем, ветряной мельницей и огородом, где теперь почти ничего не росло: лишь редкий кустарник устоял перед засухой благодаря близкому соседству с колодцем, правда уже давно пересохшим. Служанка Фелисиано Антао, как всегда, воевала с козой ньо Жоан Жоаны. Своенравная коза ходила, где ей вздумается; ей никакого дела не было ни до хозяина, ни до ругани тех, кому она приносила убыток.

Старая служанка негодовала: воспользовавшись ее рассеянностью, проклятая коза прыгнула через забор или каким-то чудом открыла калитку и сожрала в огороде все

подчистую. Возмущенный ньо Фелисиано раздумывал — прикончить ли ему козу или прогнать со двора служанку. Коза жевала бумагу, обгладывала голые сучья, беззаботная, давно уже свыкшаяся с голодом.

Шико Афонсо все шел и шел под палящим солнцем. На небе не было ни облачка. То тут, то там попадалось скрюченное, засохшее дерево с почерневшими от зноя листьями. Дом Мандуки был еще далеко — на вершине холма. У Шико не хватило сил до него добраться, и он повернул обратно.

Солнце затопило улицы города, оно терзало людей, скотину и птиц. Едва Шико завернул за угол губернаторского дворца, перед ним как из-под земли появился Фрэнк и сообщил новость: Маниньо и Лелу выпустили из кутузки. Сегодня ночью ребята собираются отметить это событие — устроить праздник в честь Лелы, Маниньо, ньо Фонсеки Морайса и доктора Сезара.

Новость реяла над Минделу, точно знамя на ветру. Капитан Морайс похитил доктора Сезара, и не только его. Под покровом ночи доктор Сезар с друзьями вышел на шлюпке в море, где их подобрал парусник, и исчез. Люди ликовали. Смелый человек этот капитан Фонсека Морайс.

Вечером ребята пришли на праздник со своими скрипками, кабакиньо, гитарами. Там были Жо, Той, Фрэнк. Позднее к ним присоединились Маниньо, Лела, Валдес. На время они забыли о морнах и самбах и веселой компанией отправились на побережье. Миновали Монте-де-Со-сегу, Фонте-Конегу, оставили позади Шао-де-Алекрия, Монте — кварталы бедняков, кварталы нищеты. Парни были радостно возбуждены. Ни о ком другом, кроме ньо Фонсеки Морайса и доктора Сезара, они не говорили.

Нет кукурузы, нет кашуны. Народ голодает. Но в Минделу был один человек, у которого припасов с избытком хватило бы на всех жителей Сан-Висенти. И кукурузы, и маниоки, и фасоли. Амбары его доверху набиты большими мешками с зерном. Мандука какое-то время работал у Себастьяна Куньи, поэтому знал, что амбары у его бывшего хозяина были крепко-накрепко заперты на замок, и туда никого не допускали. Однако как-то, идя следом за стариком, Мандука обнаружил потайной ход, но тогда он не выдал секрета только потому, что боялся хозяйского гнева. Его уволили, теперь нет необходимости держать в тайне то, что он видел. Склад едва не ломится от съестных

припасов — их хватило бы, чтобы прокормить весь Сан-Висенти в течение года. Он видел это богатство собственными глазами. Новость разнеслась по Минделу, и его голодные жители ругали Себастьяна Кунью на чем свет стоит.

Укрывшись от ветра за гигантскими нефтехранилищами «Ойл компани», семеро парней сидели на берегу моря, и ласковые волны лизали им ноги. Гитары и скрипки умолкли. Они говорили о своем народе, о нищете на родине, о докторе Сезаре и о капитане Фонсеке Морайсе. Маниньо поведал о том, что люди возмущены, они мечтают о мщении. И они сами уже не дети. Вот Лела — он объездил полсвета, Валдес тоже. Самый старший из них, Той, долго странствовал по всем континентам, работал на шахтах в Ливерпуле, принимал участие в забастовках в Бордо.

Народ не может больше так жить! Острова Зеленого Мыса должны начать борьбу — так думали юноши.

Посеребренная лунным светом гладь залива казалась неподвижной. В нескольких метрах от берега виднелись остовы английских кораблей — грозным штормовым утром 1941 года они были подорваны немецкими подводными лодками. Город, казалось, дремал в многовековой покорности. А они, задумавшись, сидели здесь, наедине с морем и небом, луной и молчанием ночи.

Шико Афонсо вспоминал трагическую судьбу отца, детство, годы учения в лицее, трудную, полную лишений юность. Многому научила его жизнь. Он нашел свое счастье в любви Шандиньи, при мысли о ней горячая волна радости затопила его, и, преодолев робость, Шико запел свою новую морну.

Что в жизни бывает прекрасней,
светлей и сильнее, чем любовь?

Друзья, затаив дыхание, слушали его. Шико Афонсо встал, прижав к груди гитару, лицом к морю, и в этот миг сочиненная им морна звучала как гимн во славу родной земли, как воплощение гармонии между жителями Островов и окружающей их природой. Как он был красив, этот Шико Афонсо, высокий парень с вдохновенным лицом, когда, перебирая струны гитары, изливал в песне тоску юноши, страстно жаждущего любви.

Они медленно шли по песчаному берегу, волшебство

южной ночи будто околдовало их. Вон парочка влюбленных укрылась в темноте. Внезапно что-то привлекло внимание Лелы:

— Поглядите-ка сюда!

Распростертый на земле человек не такое уж редкое явление в эти голодные времена. Достав из кармана фонарик, Валдес посветил. Да это же Мошиньо, худой, грязный, в лохмотьях. Казалось, старик был без сознания. Они склонились над ним, Мандука коснулся его рукой — тело было уже холодным.

— Умер? Он умер? — воскликнули в один голос его друзья.

— Да. Он мертв.

— Надо сообщить семье, — сказал Лела.

— Какой семье? У него нет никого. Родню ему давно уже заменила бутылка.

— Тогда нужно сообщить в полицию, — не сдавался Лела.

— В полицию? Стоит ли торопиться? Утром сюда все равно приедет санитарная карета из муниципальной больницы. Кто-нибудь им сообщит.

Но в муниципальную больницу никто ничего не сообщил, и, когда уже совсем рассвело, проходивший мимо Фула Тубарао увидел, как коза ньо Жоан Жоаны грызла старую, засаленную одежду Мошиньо. Он опрометью бросился в больницу, и лишь тогда приехали двое санитаров, завернули труп в простыню и унесли на носилках.

У всех вызывала сострадание судьба этого несчастного. Не стало ньо Мошиньо, образованного человека, окончившего лицей. И никогда больше не будут дразнить его на улицах города ребятишки. Никогда больше никто не оскорбит старика — это был незаурядный человек, пока не стал хроническим алкоголиком. Бедный Мошиньо!

Тоска, безысходная тоска витала над морем и побережьем, над городом Минделу, она камнем давила на души людей.

«Шико, спой!»

Спой, Шико Афонсо, спой. Песни твои как хлеб нужны людям. Они приносят облегчение, слушая их, обо всем забываешь. Спой, Шико Афонсо. Любовь творит наши песни. Они идут из самой глубины наших сердец и отражают трагедию нашего народа. Спой, Шико, спой, душе так необходима свобода.

Слушая его, друзья начинали понимать, что морна не только песня о несбыточных мечтах. От нее исходит чудесная сила, она вселяет желание жить и бороться.

Маниньо и Лела неожиданно заявляют, что поедут на Сан-Томе. Так они решили еще в тюремной камере. Шико поддерживает их:

— Я тоже поеду.

— А я нет,—возражает Той.—На Сан-Томе с зеленомысцами обращаются не лучше, чем с завербованными из Анголы и Мозамбика. Никакой разницы. Вербовка на Сан-Томе тоже торговля, но людьми, и она выгоднее, чем контрабанда. Это прямо золотое дно. Прибыльное дельце и для хозяина плантации какао, и для вербовщиков. Эдуардиньо и ньо Себастьян Кунья здорово нагревают руки. Вы-то не знаете, а я знаю. Здесь контракт обходится в одну сумму, там — в другую. Ньо Себастьян Кунья наживает целое состояние на каждом завербованном — платит ему гроши, а получает порядочный куш.

Те, что возвращались с плантаций какао, рассказывали, какие страдания им довелось там испытать. Из поколения в поколение, год за годом все нарастал у зеленомысцев ужас перед «дальними землями» — землями, где живут «люди-людищи». Но когда наступала засуха, голод опять опустошал архипелаг из конца в конец — и забывались страшные истории о плантациях какао. Вот завербовался один, за ним другой. Молодые и старые, здоровые и покалеченные — все стремились уехать в далекие края, к вящей выгоде вербовщиков рабочей силы.

Шико Афонсо идет по берегу, а за ним его друзья, вполголоса напевают они тоскливые песни, и волны оставляют клочья пены у их ног.

— Я не поеду на Сан-Томе, — говорит Маниньо. — Если меня силой заставят, я все равно сбегу.

— Я тоже не поеду, — поддерживает его Лела. — Дождемся шведского парохода и спрячемся в трюме.

— Да, надо спрятаться в трюме, — подтверждают одни.

— Конечно, спрячемся в трюме, — эхом откликаются другие.

Пой, Шико, пой, ведь тот, кто поет, забывает о своей тоске. Пой, Шико. Прекрасна ночь в Минделу — лунный свет и звезды, кроткие волны и морны, которые напевает Шико Афонсо, захваченный мечтой о несбыточных приключениях.

Прапорщик наслаждался покоем у себя дома: наконец-то все позади, он выздоравливает. Его часто навещала Манинья, она заходила после обеда или под вечер. Они подружились. Всякий раз девчонка начинала разговор с одной и той же просьбы: — Сеньор, дайте мне пять тостанов.

Он протягивал ей монетку. Обменявшись с ней двумя-тремя фразами, Вьегас выпроваживал Манинью, а если пребывал в хорошем расположении духа, то позволял себе немного поболтать с ней.

— Когда же ты думаешь возвратиться на Сан-Николау?

— Что вы, сеньор, на Сан-Николау ведь голод, о возвращении не приходится и мечтать.

— Но и тут ведь не сладко.

— Мы поедем на Сан-Томе.

— Вместе с другими беженцами?

— Да.

— Но твоя мама болеет.

— Ей уже лучше, сеньор. На Сан-Томе есть работа и еды вдоволь.

— Кто тебе это сказал?

— Мама.

— А она откуда знает?

— Ньо Эдуардиньо говорил, он заключил с ней контракт.

— И мама действительно хочет ехать?

— По правде, нет, сеньор. Мама говорит, что Сан-Томе — земля рабов. Но зато там есть работа и никто не голодает.

— И много вас туда едет?

— Пароход «Двадцать восьмое мая» будет набит битком. Ньо Эдуардиньо говорит, что пароход вернется и захватит оставшихся.

Стоял невыносимый зной. От жары изнемогали и люди, и домашний скот, и звери, она выжгла чахлую зелень, тщетно силившуюся противостоять ей. Безжалостное солнце вконец измучило город. Жители Минделу обливались потом, а зной становился все нестерпимее. Порой с континента задувал неистово горячий харматтан; горы на

северо-востоке преграждали ему путь, и тогда он, отступая, устремлялся к югу. Сильные порывы ветра гнали по улицам клубы изжелта-серой пыли, которая проникала сквозь жалюзи, забивалась во все щели, густым слоем оседая на мебели. Тучи мух, жужжа, металась под потолком.

Прячась в неглубоких выемках скал, истощенным карканьем исходили от голода чудом уцелевшие вороны, и там находили свой конец. Скотина исчезала неизвестно куда. Только коза ньо Жоан Жоаны оставалась на острове, добывая себе корм на городских свалках. Нередко она появлялась и на набережной, будто для того, чтобы составить компанию матросам, бродившим там целыми днями в ожидании какой-нибудь работы.

Неожиданно ветер стих. Солнце скрылось за тучами. Но зной все так же парализовывал волю людей, расслаблял их мускулы, затруднял дыхание. И ночь не приносила облегчения, наполняя души тревожным томлением. Оно все росло, и звучащие то тут, то там в кварталах бедняков гитары, казалось, усиливали его своими проникнутыми страстной печалью аккордами.

Изнемогавший от жары, ньо Эдуардиньо мечтал о прохладной ванне, аппетитном кускусе на меду, ему хотелось развалиться в кресле-качалке. Но ничего не поделаешь! Пришлось идти, чтобы заставить пошевеливаться вербовщиков рабочей силы — Мойзеса и Фернандо. Завербованные должны прибыть со своим скарбом на пристань в назначенный день к одиннадцати часам вечера и ожидать там до рассвета. Все так давно ждут отплытия, это их единственная надежда — говорят они.

На самом деле все было иначе. Беженцы колебались. Приближался сезон дождей. Три года подряд иссушавшая землю и людей засуха, казалось, подкосила под корень всякую надежду. Однако людям как воздух нужна была вера в чудо — в животворный дождь, в плодородие потрескавшейся от зноя земли. Как знать, а вдруг само провидение поможет им продержаться, пока не наступят лучшие времена. Чуда ожидали каждый миг. На Сан-Висенти квартировали войска. Незаметно, исподволь, но и это оживляло однообразную жизнь острова и тоже вселяло надежды. Была работа для прачек и чистильщиков сапог, перепали людям и остатки еды из солдатских котлов. Была необходимость в частных столовых-пансионах, в

поварах и служаках. Возникали романы, появились у девушек и перспективы на замужество.

На острове не было недостатка в недовольных. Они открыто или потихоньку осуждали вербовку голодных людей на работу в чужие края. Они категорически отрицали такую разновидность эмиграции, критиковали власти за то, что те не принимают эффективных мер. Необходимо создать такие условия, чтобы людям не приходилось выбирать между голодом у себя на родине и рабством на Сан-Томе или скитанием по свету.

И Шико Афонсо тоже должен был выбрать: ехать ли ему куда глаза глядят в корабельном тюре или, поддавшись уговорам Эдуардиньо, подписать контракт на принудительные работы на плантации. Но в ту ночь на побережье около нефтехранилищ «Ойл компани» Той рассказал друзьям, как живет зеленомысцам на плантации какао на Сан-Томе — хуже, чем неграм во времена работорговли. Тогда Маниньо сказал: «Я не поеду на Сан-Томе». Шико Афонсо откликнулся: «Я тоже не поеду на Сан-Томе». Их поддержал и Лела: «Я тоже не поеду на Сан-Томе. Давайте дождемся шведского парохода и спрячемся в трюме». Так они и сделали. Спрятавшись в корабельном трюме, Лела и Шико Афонсо покинули родину.

Шандинья осталась на острове, она была беременна. Через несколько месяцев у нее будет ребенок. Его отец, гитарист и сочинитель мори, пользовался на острове доброй славой. У Шандиньи родится от Шико Афонсо сын. У женщин Сан-Висенти доля одна — воспитывать детей, когда их отцы в эмиграции. Больше всего ее тревожила мысль, как избежать гнева ньо Эдуардиньо. Облеченный на данный момент полномочиями комиссара, он отправится с партией завербованных на Сан-Томе и пробудет там долго. А если Шико Афонсо вернется к тому времени, все образуется само собой. Может, образуется, а может, и нет.

Так думала Шандинья, стоя у окна и глядя на площадь перед церковью. Вечер казался ей таким печальным. «Я знаю, почему замолк твой юный смех и груди тяжелы, как спелые плоды», — звучала в ее ушах песня Флорбелы.

Внезапно она заметила Маниньо — шел он вразвалочку, не торопясь, попыхивая сигаретой. Захлопнув окно, захлебываясь от рыданий, Шандинья ничком упала на кровать.

Послышался приглушенный расстоянием гудок парусника, прибывшего с Санту-Антана. Едва этот знакомый, еле уловимый звук достиг ушей Шандиньи, вечер показался ей мягким и ласковым, словно старый друг.

40

На другой день пришли добрые вести. На острове Сантьягу был дождь. На Сан-Николау тоже. Около полудня крупные дождевые капли смочили землю Санту-Антана. А к вечеру, часов в пять, освежающий грозовой ливень обрушился и на Сан-Висенти. Едва стемнело, опять грянул гром, и обильным дождем разрешились от бремени свинцовые, с темно-синим отливом тучи, зарядив архипелаг энергией, которая проникала в землю и скалы, наполняла кровь зверей и домашних животных, пронизывала тела людей. Гроза была очень сильная, мощные раскаты грома сотрясали небо, сопровождая и словно озвучивая молнии. Сплошные потоки воды катились по мостовым Минделу. Радуюсь долгожданному дождю, жители высыпали на улицы. Подобрав подола, промокшие, охваченные ликованием, женщины весело кричали что-то, размахивая руками, прыгая через лужи. Эта вода была для них предвестником возрождения.

Со слезами радости на глазах наблюдала нья Венансия эти сцены из окна своего дома. Люди словно пробудились от летаргии, вновь обретя давно утраченное присутствие духа.

Но следующий день принес разочарование. Утро стало душное, мрачное, ни единой тучки. Вся почва расстрескалась, и жара была по-прежнему невыносимой — ни дуновения. Словно неугомонный чудовищный огонь пожирал внутренности земли.

Солнце выглянуло под вечер, и обнаженный остров опять покорно подставил свою спину адскому зною.

Шика Миранда, не теряя надежды, что опять пойдет дождь, взяла с собой дочь и кое-какие пожитки и пошла к нье Венансии.

— Это Шика Миранда. Она вместе со мной уехала с Сан-Николау на паруснике «Покоритель моря». Завербовалась на Сан-Томе, а вот теперь раздумала, — сказала Биа Диниш хозяйке.

— Почему же вы раздумали? — спросила Шикку Миранду Венансия.

— Может, теперь пойдут дожди, сеньора, я решила вернуться на Сан-Николау.

— Но на Сан-Томе у вас будет работа и еда, — возразила Венансия.

— Сеньора, зеленомысцам там приходится туго. Вербовщики ньо Фернандо и ньо Мойзес из кожи вон лезут, чтоб уговорить. Уверяют, будто мы будем там как сыр в масле кататься. А Той из квартала Монте-де-Сосегу работал на Сан-Томе, он рассказывал, что с зеленомысцами на Сан-Томе обращаются хуже, чем с рабами.

— Но ньо Жука Флоренсио божился мне, что условия контракта хорошие, — сказала Венансия.

— Одно дело обещать, сеньора, а другое — дать. Той сказал, что тут заключают один контракт, а когда приезжают на место — другой. Вот оно как все оборачивается, сеньора. Ньо Эдуардиньо утверждает, что там будет хорошо, а вот Той рассказал людям истинную правду. Завербованных везут в трюме, точно скотину, и на Сан-Томе с нашими земляками обращаются, как с рабами. Только ловкие молодые девчонки умеют там хорошо устроиваться.

— Но многие наши земляки зарабатывают на Сан-Томе большие деньги. Подумайте об этом хорошенько, — советовала Венансия.

— Не хочу я покидать родину, сеньора.

— А когда отплывает пароход? — спросила Венансия.

— Через два дня все подписавшие контракт должны явиться на пристань еще до рассвета. Никто не имеет права отказаться.

— А это чей приказ?

— Ньо Эдуардиньо. Обещайте, сеньора, держать в секрете, что я скажу: ньо Франсискинью, Арманда Фигейра и кое-кто еще тоже не поедут. Они убежали в Мато-Инглез. Ньо Эдуардиньо сегодня опять предупредил: все, кто записались, должны обязательно ехать. Иначе их будет разыскивать полиция.

— А на сколько дней вы хотите у меня остаться? — спросила Венансия.

— Совсем недолго, сеньора. Когда пароход «Двадцать восьмое мая» уйдет на Сан-Томе, я вернусь в Монте-де-Сосегу. — Нья Венансия колебалась. — Сеньора, простите

мою назойливость. Позвольте остаться. Я как огня боюсь Сан-Томе.

И Шика Миранда осталась у Венансии.

Нья Венансия велела служанке накормить Шикку Миранду и ее дочь, а сама решила прогуляться по городу. Уходя, она предупредила Биа Диниш, чтоб та дала им что-нибудь легкое и совсем немного, так как они долго голодали и могут умереть, если накормить их досыта, — желудки не примут столько пищи.

41

На уходящей далеко в море эстакаде Венансия встретила доктора Франсу. Обычно в предзакатный час он прогуливался там, чтоб насладиться свежестью вечернего бриза. Заметив ее, доктор Франса из природной застенчивости попытался было уклониться от встречи.

— Добрый вечер, доктор Франса, — приветствовала его Венансия. — Погода и в самом деле чудесная. Приятно погулять у нас на Сан-Висенти, когда начинает спадать жара, не правда ли? Наша бедная родина, грабят ее все кому не лень, постепенно отнимая у нее самое ценное. Но ведь этой прогулки у нас не смогут отнять, не так ли, доктор Франса?

Доктор улыбнулся, размышляя над словами Венансии. Он был совершенно согласен с ней, но ему не хотелось останавливаться и поддерживать разговор, чтоб не прерывать своей обычной вечерней прогулки.

Постойте же, доктор Франса, не торопитесь. Выслушайте эту женщину. Не отворачивайтесь. Она отдает на ваш суд свою чистую душу и полное жалости к человеку сердце. Посмотрите на нее внимательно, доктор Франса. Разве вы не видите, что глаза ее светятся любовью к людям? Взгляните на ее лицо. Какое оно у нее доброе и озабоченное, оно обращено к свету, к жизни, как растение к солнцу. Выслушайте же ее, доктор Франса. Нья Венансия будет говорить с вами о засухе и голоде. Расскажет о завербованных на Сан-Томе, такого допускать больше нельзя. Вы думаете, что Венансия поведаст о том, что известно всем? А известно ли вам, что люди стали прятаться от вербовщиков, что подписавшие контракт на изнурительные работы больше не хотят и думать о Сан-Томе. У них

появилась надежда, едва первые капли дождя упали на землю. Возможно, они прячутся где-то здесь, поблизости. Выслушайте Венансию, доктор Франса, ведь ее голос — это голос самой совести. Голос щедрого на жалость к людям сердца. Выслушайте же ее. Вы убедитесь, как это вам будет полезно.

Необщительный, увлеченный только социологическими исследованиями, доктор Франса живет в мире книг, отгороженный от повседневных забот людей. Могло показаться, будто доктор Франса витает в облаках. Вовсе нет, он твердо, обеими ногами стоит на земле и проблемы народа были всегда его проблемами. Собранные им сведения о жизни архипелага не могли никого оставить равнодушным. Он не был человеком действия, прирожденным борцом, это верно, но идти против своей совести он не хотел. Верный своим принципам, Франса постоянно вел упорную борьбу. Доставалось ему и от правых, и от левых группировок. Он сам не раз сетовал на это.

Доктор Франса слушал речи Венансии, еще раз убеждаясь в том, что надо помочь народу. Судьба соотечественников-бедняков давно беспокоила доктора Франсу и настойчиво призывала к действию. Но ведь он может сделать так немного...

42

— Наша страна переживает тяжелое время. Ежедневно голод косит десятки людей. Например, на Сантьягу от голода умерло около девяти тысяч человек. На Сан-Николау — восемь тысяч. На Санту-Антане — пять тысяч. На Фогу тоже пять тысяч. Сообщать вам статистику о высокой смертности на Сан-Висенти не пужно. Вы все прекрасно знаете о масштабах постигшего нас несчастья, — начал свою речь доктор Франса, обращаясь к друзьям: Тенорио с Телеграфа, поэту Жасинто Морено, коммерсанту Жорже Вилсону — президенту одной из частных компаний в Мип-делу, — которые собрались в его кабинете.

— Похлебка, распределяемая среди голодающих членами Общества помощи голодающим, не может разрешить проблему безработицы и кризиса в целом, не смягчит даже незначительные последствия. Доказательством служат цифры. Приводить их здесь будет, пожалуй, излишне.

Обстановка в стране всем известна, она не может никого ввести в заблуждение. В последние годы вошла в практику эта унижительная для каждого зеленомысца акция — вербовка голодающих на работу по контракту на Сан-Томе. Условия контракта — это новая разновидность эксплуатации. Она не улучшит положения людей. Стало быть, это вовсе не выход из положения, так как на Сан-Томе едег весьма небольшой процент безработных, а на Островах Зеленого Мыса их около ста тысяч. Не спасут положения и дожди, так как их благотворное действие на урожай скажется много позднее. Итак, вернемся к вопросу об эмиграции на Сан-Томе. Мягко выражаясь, это обман, явно не гуманная попытка убедить голодных людей в том, что у них будут хорошие бытовые условия, медицинская помощь, сытная еда, когда на самом деле это вовсе не так. Я не ошибусь, если скажу, что большую часть голодающих вводят в заблуждение именно эти заведомо ложные обещания. — Доктор Франса говорил спокойно, глядя то на одного, то на другого. Он старался понять, какое впечатление производят на них его слова. — Почему же тогда, зная положение в стране, мы сидим сложа руки? Разве мы не в силах помочь своему народу? Не стану отрицать, что власти не делают ничего, чтоб предотвратить голод. А поддержка со стороны метрополии — все равно что похлебка Общества помощи голодающим. Нас ожидает еще одна беда. Южный ветер, раскаленный харматтан, устремившийся из дышащей зноем пустыни, продолжает уничтожать на своем пути то, что каким-то чудом уцелело. Трудно предвидеть, когда он прекратится. Что мы со своей стороны можем предпринять? Разумеется, весьма немногое. Даже выразить протест нам запрещено. И тем не менее я полагаю, что мы обязаны что-то предложить. Пусть это будет полумера, только временный выход из положения. Возможно, именно с ее помощью нам удастся облегчить страдания людей и снизить смертность. Предлагаю следующее: рекомендовать губернатору обратиться с воззванием к нашим соотечественникам в Америке. Они не раз оказывали нам помощь, нередко по собственной инициативе. Это до некоторой степени уже вошло в традицию. Так вот, если послать телеграмму с просьбой о помощи голодающему населению, зеленомысская колония в Америке пришлет нам съестные припасы, одежду, медикаменты — словом, сделает все, что она может, с тем чтобы об-

легчить положение умирающих от голода соотечественников.

Снова оглядев присутствующих, он пытался понять, как они относятся к его предложению.

— Итак, предлагаю, друзья, после моего вступительного слова обсудить создание комиссии, которая немедленно приступит к составлению воззвания к нашим землякам в Северной Америке, содержащего просьбу оказать помощь голодающим.

43

Собрание происходило во второй половине дня. А вечером уже весь Минделу обсуждал умопомрачительную новость: власти якобы хотят обратиться к Америке с просьбой прислать съестные припасы на Острова Зеленого Мыса.

На другой день утром доктора Франсу Жила вызвали на чрезвычайную «коллегию». Доктор Майя потребовал разъяснений. Однако Франса настаивал на том, что возникла необходимость в помощи американцев, и ничего другого доктор Майя от него так и не услышал. Только двое из тех, кто был в тот вечер в кабинете компании, опровергли клевету на Франсу Жила, остальные колебались, не зная, чью сторону принять. Среди них были и те, кто, испугавшись холодного тона доктора Майи, отреклись от своего участия в составлении воззвания. В числе отступников был и Тенорио с Телеграфа. Этого никто не ожидал. Разъяснения оказались противоречивыми, и положение осложнилось. Однако доктор Майя был непреклонен и приказал отправить Франсу Жила под конвоем в Праю. По его мнению, доктор Франса был инициатором этого собрания, именно он предложил послать телеграмму в Америку с тем, чтобы через зеленомысских колонистов обратиться к американскому правительству с воззванием о помощи. Разумеется, Майя расценивал этот шаг как ущемление престижа португальского правительства. Таких примеров предательства, считал он, было уже немало. Вот поэтому Франса Жила был арестован как предатель. Решено было отправить его в столицу Островов, город Праю, где он ответит перед судом за свои враждебные по отношению к властям действия.

Узнав, что Франсу Жила повезут в Прагу, нья Венансия решила помешать этому. Ей пришла мысль обратиться за помощью к ньо Себастьяну Кунье. Тот еще не совсем оправился от болезни и лежал в постели. Рассчитывать на помощь Жуки было бесполезно. Ему вдруг взбрело в голову объясниться Венансии в любви, и теперь чуть ли не каждый день она получала от него написанные в лирическом тоне признания. Нет, видали ли вы что-нибудь подобное? — возмущалась Венансия. — Это с его-то брюхом, как у беременной, толстыми и мокрыми губами и вечно открытым, как у идиота, ртом увиваться за женщинами?!

Старый торговец не внял просьбе Венансии.

— Просите у меня что угодно, дорогая, только не это. Доктора Франсу надо наконец проучить. Это политика, и кто вмешивается в нее, должен отвечать за это.

— Позвольте, ньо Себастьян, какая же это политика? Народ голодает, и необходимо найти выход из создавшегося положения. Хороша политика, морить людей голодом!

— А известно ли вам, нья Венансия, что действия доктора Франсы имели целью подорвать престиж португальского правительства? Он самовольно вздумал просить помощи у Соединенных Штатов.

— С чего это вы взяли, ньо Себастьян?! Доктор Франса имел в виду колонию зеленомысцев в Северной Америке. Это же совсем другое дело.

— Полно, дорогая Венансия! Вы же не присутствовали на том собрании, и я тоже. Ведь нет ничего тайного, чтобы не стало явным на этом свете. А теперь уж извините, я еще нездоров.

Вот бездушный старик! Даже теперь, когда он, можно сказать, одной ногой стоит в могиле, сердце у него как камень. Еще немного, и она высказала бы это ему прямо в лицо.

— Народ бунтует, и правильно делает, — заявила она. — Все стало с ног на голову. С голоду на все пойдешь!

— Хотите, нья Венансия, я дам вам хороший совет? Пусть все идет своим чередом. Не вмешивайтесь вы ради бога не в свое дело. Если доктор Франса окажется прав, никто у него этой правоты не отнимет.

Расстроенная и поникшая, вышла она из дома Себастьяна Куньи. Господи, как страшно, что подобные люди вершат судьбу Островов!

У Себастьяна Куньи страшно разболелась голова. Не добрую весть принес ему этот Эдуардиньо. Неисправность котлов вынудила его отложить отплытие судна «Двадцать восьмое мая». Завербованные один за другим уходили с пристани, унося свои нехитрые пожитки, и перед глазами жителей Минделу развернулось «весьма безрадостное зрелище нищеты», как сказал Тенорио с Телеграфа.

Вербовщики Мойзес и Фернандо нервничали. Им опять пришлось идти по домам, чтоб вернуть на пристань ушедших. Они боялись, что им не удастся разыскать тех, кто присоединился к уже сбежавшим. Это будет нелегко, говорил им ньо Эдуардиньо. Солнце по-прежнему палило безжалостно. Был ли на других островах архипелага дождь, никому не известно. Трудно предвидеть, что их ожидает, думал Себастьян Кунья.

К вечеру ему стало хуже. Пришли родственники и друзья. Позвали врача, доктора Морато.

— Вам нужен строгий постельный режим. Не вздумайте подниматься с кровати, пока я вам не разрешу.

Старик чувствовал себя плохо, отказывало сердце, мучила одышка. Однако, несмотря на запрет врача, он собирался завтра вечером отправиться на пристань, чтоб лично наблюдать за отплытием судна «Двадцать восьмое мая».

Вслед за доктором Морато появился Жука Флоренсио. Старшая служанка, Дина, предупредила его, что ньо Себастьяну очень плохо. Старик принял Жуку, он любил поговорить. Больной, измученный, он не отказывал себе в таком удовольствии.

— Ньо Себастьян, через несколько дней я отплываю в Лиссабон, — радостно сообщил ему Жука.

— Приятное это занятие, путешествовать, Жука. А вот мне теперь уже и мечтать об этом нечего. Знаете, Жука, я ведь ни разу не покидал Островов. Всю жизнь был к ним как цепями прикован, дела не пускали, — сказал ньо Себастьян.

Да, на всю жизнь связали его по рукам и ногам торговый дом и беспощадная борьба с конкурентами.

— Я не просто путешествовать еду, ньо Себастьян. Мне предстоит работа. Португальское правительство пред-

ложило мне совершить поездку по стране, с тем чтоб потом написать книгу очерков.

— Вы заслужили такую честь, — сказал старик, однако не очень-то убежденно.

— Я пришел предложить вам свои услуги, ньо Себастьян. Ваш покорный слуга ожидает приказаний.

Ему тоже было известно, что сын Себастьяна Кунья учится в Лиссабоне, в университете. Живет он там уже бог знает сколько времени и все никак не может получить диплом. Давно окончили университет и сами зарабатывали на жизнь те, кто уехал с Островов после него. А он проматывал в Лиссабоне отцовские денежки, жил как вельможа и вовсе не думал о занятиях. Помимо месячного содержания, Себастьян Кунья посылал сыну крупные суммы денег.

Такое расточительство поражало буквально всех. Скрыга, без крайней нужды не тративший и медного гроша, Кунья не жалел для сына ничего. И если кто-нибудь укорял его этим, Себастьян Кунья отвечал:

— Сам я всю жизнь работал как вол, недоедал, пусть хоть мой сын насладится привольной жизнью. Мне так хочется, чтоб он стал инженером, очень хочется. Представьте, явится он сюда в один прекрасный день с дипломом инженера и уж тогда-то с лихвой возместит мне все мои затраты.

Слова его звучали вполне искренне. Правда, в глубине души старик боялся, что он умрет, не дождавшись такого дня.

— Если увидите его, передайте ему от отца привет и пожелания успехов. Да, знаете, Жука, не оставайтесь навсегда в Португалии. Возвращайтесь. Слышите? Вы нужны здесь, у нас на родине, — сказал ньо Себастьян.

Жука Флоренсио был польщен таким проявлением симпатии. Он поделился с Себастьяном Куньей новостями о Фонсеке Морайсе, его жене, докторе Сезаре и других беглецах из Таррафала.

— Фонсеку Морайса, доктора Сезара и Беатрис приняли в Дакаре с распростертыми объятиями. Вы только подумайте, их встретили там как героев, газеты опубликовали о них статьи, радио посвятило им передачи. Где это видано, ньо Себастьян Кунья? Они могли б остаться там, если бы захотели. Тем не менее через несколько дней Фонсека Морайс поднял на своем судне паруса и взял курс на

Аргентину. Доктор Сезар остался в Сенегале, совсем совесть потерял.

— Наверное, теперь он издевается над нами, — с раздражением заметил Себастьян Кунья. — И этот Фонсека Морайс тоже.

— Это уж точно. Португальское правительство должно принять соответствующие меры. Такой поступок нельзя оставить безнаказанным.

Темнело. Жуке надо было обойти еще нескольких знакомых. Пожелав Себастьяну Кунье скорейшего выздоровления, он вышел. В кармане у него лежало письмо на гербовой бумаге, содержащее такую лестную характеристику, что она осчастливила бы самого неистового честолюбца. Кто сомневается, пусть прочтет сам. И у него есть единомышленники, такие, как Себастьян Кунья, — верный оплот существующего режима. Это не какой-нибудь там кафр. Наконец-то Жука вознагражден за труды, за свою многолетнюю борьбу с «врагами нации». Многие завидуют ему. Ну и пусть себе бесятся, пусть кусают локти от досады.

45

Нью Себастьян Кунья размышлял о завербовавшихся на Сан-Томе: Эдуардиньо миндальничает с ними. Вот если бы только врач разрешил ему встать, он пошел бы на пристань и ни одному беженцу не дал бы спуска. Все подписавшие контракт поехали бы как миленькие. Прямо ослы, да и только! Дохнут с голоду, а туда же — носы воротят, еще раздумывают, ехать им или не ехать на Сан-Томе, где полно работы и еды... Только бы ему встать, уж он покажет им где раки зимуют. С подобными людьми надо держать ухо востро. Эдуардиньо тоже не промах, но ему не хватает твердости. Слишком уж либеральничает с ними. Ишь какие, хотят задарма получить продукты из Штатов! Народ взбунтовался, говорила няня Венансия. Уж эта няня Венансия, что у нее на уме, то и на языке. С чего бы ему взбунтоваться? Бунт на Островах Зеленого Мыса?! Вот еще новости! У нас же нет бунтарей, и откуда только она взяла это?! Себастьян Кунья взмок, голова его, казалось, была налита свинцом. С ним происходило что-то неладное. Он беспокойно ворочался на кровати. Ему становилось все хуже. А этот стул, почему он стоит не там? И зачем пере-

весили зеркало? Кто же это взбунтовался? Он был весь мокрый от пота. Какая невыносимая жара. Как душно! Он совсем ничего не видит. Кто же взбунтовался? Не может этого быть! Глядите-ка, да это доктор Франса! А почему вы сбежали из Праи, доктор Франса?

Услыхав его голос, из кухни прибежала испуганная служанка. Больной бредил.

— Успокойтесь, ньо Себастьян, прошу вас, успокойтесь, — уговаривала она.

Смочив полотенце уксусом, она положила ему на лоб.

Вскоре Себастьян Кунья задремал. Очнулся он ночью и позвал служанку:

— Послушай, Дина, что тебе известно об этой истории с доктором Франсой? Он просил помощи непосредственно у Америки или у наших земляков, там, в Нью-Бедфорде? — спросил он.

— Доктор Франса собирался послать телеграмму колонистам в Америке. В народе говорят, что он правильно поступил, — сказала служанка.

— А что еще говорят в народе, Дина? — опять спросил ньо Себастьян.

— Терпение у людей лопнуло. Пока они только угрожают. Повсюду поют морну о голоде: в кварталах Салина, в Монте-де-Сосегу, Шао-де-Алекрин, Фонте-Конегу, Рибейра-Боты.

— А какая она — эта морна о голоде? — с удивлением сказал ньо Себастьян.

— Ее еще называют морной о фэдагозе, — объяснила служанка.

— А что это за морна о фэдагозе, Дина?

— Знаете, сеньор Себастьян, у жителей Санту-Антана и Сан-Николау не было еды. Одна фэдагоза. Они заваривали чай из этой вредной травы, и многие умирали...

Голова у него была точно свинцом налита, он едва различал предметы. Дина опять смочила уксусом полотенце и положила его на лоб старику. Казалось, он наконец задремал.

Но вдруг Себастьян Кунья расхохотался так громко, что напугал служанку. Он невнятно бормотал что-то. Проклятия на голову Майи, доктора Франсы, бессвязные фразы об отправке завербованных на Сан-Томе — все смешалось в его сознании.

Дина в ужасе отпрянула от него. Может, он умирает?

На следующий день Себастьяну Кунье стало еще хуже, он уже не сможет, думал он, пойти поглядеть, как пароход «Двадцать восьмое мая» выйдет из гавани, взяв курс на Сан-Томе. За час до отплытия Эдуардиньо зашел к нему попрощаться, он сказал, что все идет превосходно. Многие решили ехать, нашлись и такие, что подписывали контракт в последнюю минуту.

Дождя все не было. Голод по-прежнему мучил людей. Выбора не было. Единственный путь — рабство.

— Сеньора, я еду, наша родина оскудела. Мы здесь погибнем. Дождя-то все нет, — плача, сказала Шика Миранда Венансии накануне отплытия.

Нья Венансия знала, каково зеленомысцу покидать свою родину, но советовать ей остаться не рискнула. Как бы плохо ни пришлось Шике Миранде на Сан-Томе, чего ей ожидать для себя и для дочки здесь, на Островах Зеленого Мыса, если положение с каждым днем все ухудшается?

Взяв вещи, Шика Миранда вместе с дочерью — худеньким, нескладным подростком — пошла к пристани.

Венансия смотрела на людей, стоящих на пристани в ожидании посадки. Печальные лица, даже в платьях из дешевого шелка кричащих тонов, выданных им накануне отъезда, беженки выглядели нищими. Слышались молодые голоса. Парни и девушки были как будто в хорошем настроении. Кто-то играл на гитаре.

Все это не было внове для Шики Миранды. Она до сих пор не могла забыть о том, как она вместе с другими голодающими с Сан-Николау прибыла в эту гавань на паруснике «Покоритель моря». Что стало с Коншиньей? А что с Жулой Гонсалвес и Бией да Танья? Как и они, Шика верила, что на Сан-Висенти жизнь ее переменится к лучшему, она дождется большого дождя и возвратится потом снова на родной Сан-Николау. Однако все сложилось иначе, и теперь Шика Миранда держит путь на Сан-Томе. Ее охватило дурное предчувствие — их с дочкой ожидает там несчастье. Она схватит лихорадку, дочь умрет или с ними приключится еще что-нибудь ужасное. «В землях дальних живут люди-людищи, — говорилось в колыбельной песне, что напевала ей в детстве мать. — В землях дальних живут люди-людищи, люди-людищи, людоеды». Почему же

тогда эти дальние земли как магнит притягивают к себе зеленомысцев? Она ехала ради дочери, слабенькой, худой, с тонкими ножками. Если б не дочь, она бы осталась на родине, уповая на милость судьбы.

Раздался приказ о посадке. Отъезжающие и те, кто их провожал, обнялись, заплакали. Какой-то юноша заиграл на гитаре морну Эуженио Тавареса «Час отплытия». Она звучала тоскливо и, скорее, походила по настроению на морну о голоде.

Настал час расставания. Час отплытия, отчаяния и горя. «Час отплытия, час боли, говоришь ты мне в слезах», — пел юноша.

— Все по местам, земляки! — кричал ньо Эдуардиньо. На судне «Двадцать восьмое мая» он был за главного. Доходная должность, ничего не скажешь, многие на нее метили.

— Идем, доченька. И да поможет нам бог, — сказала Манинье Шика Миранда.

А вот в толпе появилась Нита. В новом платье из индийского шелка, с украшенной блестящими камешками гребенкой в волосах, с шикарным чемоданом, она шла, веселая и беззаботная, словно направлялась в сад ньо Мане Кантанте на праздник святого Жоана. Ничто не удерживало ее на Островах Зеленого Мыса. Семьи у нее не было, денег тоже, и потому девушка не жалела об отъезде. Казалось, с радостью покидает она родные места.

— Сыграй-ка нам, мы хотим танцевать! — крикнула Нита, подходя к юноше с гитарой.

Сумасбродная выходка Ниты вызвала у некоторых улыбку, но большинство остались безучастными.

— Уйди! — громко ответил Ните юноша, а на ухо шепнул ей: — На корабле я спою морну для тебя, ладно? Спрячемся в трюме, и я спою красивую морну, только для тебя.

Смеясь, покачивая на ходу бедрами, Нита пошла впереди. Какой же у всех постный вид, будто умирать собрались... Задорно улыбаясь и нарочно громко стуча высокими каблучками, она поднималась по трапу.

Шика Миранда медленно шла по пристани. Грустная, измученная, вспоминала она теперь такую далекую, милую ее сердцу пору детства. «Спи, усни, баюшки-баю... В землях дальних живут люди-людищи, люди-людищи, людоеды».

Судно снялось с якоря на следующее утро. Жасинто Морено видел, как оно миновало песчаную отмель, ловко обходя в белесоватом тумане рифы, и вышло в открытое море. Казалось, будто оно оставляет за собой кровавый след. Из окна своей комнаты на втором этаже Жасинто Морено смутно различал вдалеке на голубой глади моря этот «невольничий корабль». Но вот точка скрылась за горизонтом, и ничего, кроме порожденного его воображением образа, не осталось. В городе стояла такая зловещая тишина, что ему, поэту, выразителю чаяний своего народа, она служила как бы символом сдерживаемого протеста, предвестницей героической поэмы Островов.

«Одни поражения, одни жертвы. Бедные вы мои друзья: доктор Сезар, доктор Франса, Фонсека Морайс! А где же вы, товарищи моей юности? Они уплыли на невольничьем корабле. О, как тоскует сердце о далеком, неповторимом детстве! Вот идет по морю корабль, о нем есть что рассказать. Сегодня я слышал, сеньоры, одну удивительную историю. Она не чета всем этим сказкам о Коричной девушке, притчам о Невидимке, о Волке и Козленке, о дядюшке Педро и его племяннике».

Ах, эти милые сказки детства! И Педро из книги с зеленой обложкой, что давал читать ему дедушка! Как бежит время, как быстро проходит жизнь...

Он начнет свое стихотворение так:

Плывет, исчезает в тумане корабль,
что в рабство увозит людей.
О многом поведать он мог бы...

Нет. Сегодня он не будет писать. Он все больше убеждается в том, что такие стихи не могут отразить трагедии народа. Его стихи по выразительности должны превзойти эпические поэмы. Лиризм должен уступить место памфлету. Поэт — это прежде всего гражданин, он не может оставаться в стороне от борьбы. Поэт, словно капитан на мостике боевого корабля, должен возглавить эту борьбу, быть рупором надежд и чаяний своего народа. Его стихи-команды будут призывать людей отстаивать свои попранные права.

Надо рассказать миру о тех, кого увез на принудительные работы «невольничий корабль». Возможно, у жите-

лей Сантьягу точка зрения на освободительную борьбу куда правильнее, чем у остальных. Они выражают ее прямо там, на открытой площадке, где, подчиняясь ритму барабанов, поют и исполняют древний танец:

На скале живет обезьяна,
в хижине негр,
в лавке мулат,
а белый в особняке.

Но придет пора — обезьяна прогонит негра из хижины,
негр прогонит мулата из лавки,
а мулат прогонит белого из особняка,
тогда белый поднимется на скалу и бросится в море.

Нет, философия коренных жителей Сантьягу — уже пройденный этап. Мулат давно уже поднялся до уровня белого. Он сам живет теперь в особняке. Кожа у ньо Себастьяна Куньи, Эдуардиньо и им подобных такая же смуглая, как и у него, Жасинто Морено. Они мулаты, но стали «белыми людьми». Жасинто Морено верил в то, что в один прекрасный день европеец, приехавший из метрополии, «поднимется на скалу и бросится в море».

Нет. Сегодня он не станет писать стихов. Сегодня воскресенье. Он будет отдыхать. Какая бездонная, могильная тишина. Завтра он примется за работу, напишет эти стихи. Стихи о трагедии, об издевательствах над людьми и об их несломленной гордости.

Тут в комнату вбежала младшая дочь Жасинто Морено, прервав его поэтические раздумья.

— Папа, папочка! Иди посмотри, что творится на улице!

48

— Папа, папочка! Ты посмотри, что творится на улице! — звала его дочь.

И в самом деле, происходило нечто необычное. Мужчины и женщины, молодежь, люди самых разных профессий — все, кто своими руками зарабатывает хлеб насущный, — собрались со всех концов Минделу. С площади Салина они направились к центру города. Многие несли черные флаги, размахивали ими.

— Папа, почему у них черные флаги? — спросила у поэта Жасинто Морено его дочь.

— Это знамена голода, дочка, — отвечал Жасинто.

— А эти люди разве не поедут на Сан-Томе, папа? — не унималась девочка.

— Нет, доченька. Они предпочитают умереть с голоду у себя на родине. Не хотят быть рабами на чужбине.

Со всех концов Минделу шел взбунтовавшийся народ к дворцу губернатора. Все кварталы бедняков прислали сюда своих представителей. Пришли представители от Монте-де-Сосегу, Шао-де-Алекрина, Ломбо, Рибейра-Боты — предместий и пригородов, где голод свирепствовал с особой силой. Стремительно, как ураган, нарастало их отчаяние.

Толпа шла по дороге, иногда останавливалась, о чем-то совещалась. Вот кто-то указал на дом, с него решили пахать изъятие съестных припасов.

— Не трогайте нью Армандиньо. Он дал мне работу, — послышался чей-то голос.

— Да, Армандиньо надо пощадить. И Кана тоже, — поддержали другие.

Вдруг сверху, с холма Саламанса, раздался тревожный перестук барабанов, подобный боевому кличу тамтамов в былые времена. Горожане бросились к окнам, посмотреть, что происходит. И через несколько минут Минделу встре- пенулся от спячки.

Вот у дворца губернатора появились первые полицейские. Они были растерянны, изумлены и ничего не предпринимали, чтобы сдержать толпу. А она все росла, накатывала волнами, заполняя площадь.

— Куда они направляются, Жасинто? — спросила жена поэта Морено.

Едва ли кто-нибудь знал это! Все произошло стихийно в этот скорбный для острова день.

— Думаю, для них это может плохо кончиться. Они совсем обезумели, — сказал ей муж.

Внезапно толпа на площади будто застыла. Руководил ли кто-нибудь ею? Она стояла молча, только угрожающие жесты и черные флаги — больше ничего. Да и мятеж ли это?

Потом, дойдя до улицы Дуарте-Силва, она остановилась против особняка Себастьяна Куньи. Неподалеку от него было здание муниципалитета. И вот на балконе вдруг возникла высокая фигура капитана Амброзио. Вытянув вперед руки, он словно хотел коснуться толпы. Толпа за-

мерла, все смотрели на ньо Амброзио. И тогда он заговорил. Вернее, начал диалог с толпой.

— Земляки, вы голодны?

— Да, сеньор, — ответил ему мощный гул голосов.

— У нас нет еды, и мы не знаем, где ее взять.

— В торговом доме Себастьяна Куньи!

Продуктовые склады Себастьяна Куньи находились совсем рядом, рукой подать. Глаза людей загорелись надеждой.

Между тем прибыл полицейский гарнизон во главе с сержантом Ферразом. Никто не обратил на него внимания. Услышав гул толпы, на балконе дома Себастьяна Куньи появились его слуги.

— Ньо Себастьян! Ньо Себастьян! — кричали в толпе.

— Земляки, ньо Себастьян болен, — сообщила одна из служанок, Танья. — Он не встает с кровати.

Молчание. Толпа колебалась.

— Вечерняя прохлада не причинит ему вреда, — язвительно выкрикнул кто-то.

— Мы хотим есть! Мы голодны! — слышался хор голосов.

Старшая служанка, нья Жоана, жившая у него с тех пор, как он овдовел, пошла к хозяину доложить о том, что происходит.

— Земляки, ньо Себастьян тяжело болен! — возвратившись, крикнула она в толпу.

— Пусть прикажет дать нам кукурузы! — раздались голоса.

— Какой кукурузы? У него у самого ее не хватает. Совсем торговать нечем, — заявила служанка.

Но ее никто не слушал. Люди угрожающе поднимали сжатые кулаки, потрясали черными флагами.

— Ка-шу-пы! Ку-ку-ру-зы! — скандировала хором толпа.

Барабаны с холма Жоана де Эворы выбивали воинственную дробь.

— Мы голодны! Го-лод-ны! — вопила толпа, угрожающе поднимая сжатые кулаки.

Полицейские пытались навести порядок, но им это было явно не под силу.

Младшая сестра Себастьяна Куньи, сорокалетняя старая дева, выплеснула на толпу таз с водой. Это послужило сигналом к атаке. Рассвирепев, мятежники стали бросать

на балкон и в окна особняка камни, палки, знамена — все, что попадалось им под руку. Послышался звон разбитого стекла. И в этот момент Мандука, бывший служащий Себастьяна Кунья, поднявшись на балкон к ньо Амброзио, крикнул в толпу:

— Продукты там! — И указал в сторону склада, битком набитого съестными припасами — рисом, фасолью и кукурузой.

Толпа навалилась на двери склада, но массивная дверь не поддавалась. Кто-то притащил два огромных камня, и люди с яростью стали колотить ими по двери.

— Братец Себастьян, они собираются выломать дверь! — крикнула запыхавшаяся Мана Биа, вбежав в комнату больного старика.

Новость была настолько ошеломляющей, что немощный, измученный болезнью Кунья в мгновение ока выбрался из постели и, схватив винтовку, быстро, как мог, спустился по ступенькам в склад. Пробежав все помещение, он стал у двери, нацелив на нее винтовку. Его сердце колотилось с такими перебоями, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Себастьян Кунья не хотел слышать увещаний своих домашних и слуг, уговаривавших его не подвергать себя опасности. Он не желал идти на компромисс и решил защищать свое добро до последнего вздоха. Оно было приобретено им слишком дорогой ценой, ценой долгой жизни, заполненной трудом, самоотвержением и лишениями. Первый, кто ломает дверь склада, получит пулю в сердце. Себастьян Кунья не колебался ни минуты. Они разграбят склад только через его труп. Да, он стар, но уж трусом его никто не назовет. Толпа перед его домом продолжала бесноваться, выкрикивала оскорбления по его адресу, а он, едва не теряя рассудка от ненависти, стоял у двери, на страже своего имущества. Он ждал момента, когда дверь поддастся яростной атаке толпы. Она была надежно заперта изнутри, и взломать ее было нелегко. Решивший бороться не на жизнь, а на смерть, Себастьян Кунья словно прирос к месту.

Безуспешно полиция пыталась усмирить разбушевавшуюся толпу и навести порядок.

Сержанту Ферразу никак не удавалось схватить Маниньо.

-- Земляки, сюда идут войска! — завопил вдруг кто-то в толпе.

Неожиданная весть словно подстегнула людей. Камнями все били в одно и то же место, удалось наконец проломить в двери дыру. У Себастьяна Кунья опять появилось преимущество. Он мог выстрелить в любого, кто полезет в пролом. Никакая сила не заставит его отступить. Не выпуская из рук винтовки с взведенным курком и не отрывая взгляда от двери, он стоял, готовый до последнего вздоха защищать свое добро.

И вот ему почудилось, будто толпа отхлынула от дверей. Стук внезапно прекратился. Себастьян Кунья с удивлением почувствовал, что весь дрожит, пот катится с него градом, а земля словно убегает из-под ног. Снаружи опять слышались крики и ругань. В дверь стали снова колотить камнем — бум-бум, бум-бум-бум! Его сестра, обезумев от страха, бросала с балкона людям на головы цветочные горшки, ругаясь на чем свет стоит. Никто не обращал на нее ни малейшего внимания. Толпа теснилась у двери в надежде, что она вот-вот рухнет под напором, но дверь по-прежнему не поддавалась.

Мандуке вдруг пришло в голову пробраться через неохраемый черный ход. Вместе с несколькими парнями и капитаном Амброзио они беспрепятственно проникли в дом и поднялись на второй этаж. Зная расположение дома как свои пять пальцев Мандука пошел к лестнице, ведущей прямо на склад. Внезапно они увидели у пробитой двери старого Себастьяна Кунью с ружьем наизготовку. Он по-прежнему стоял у двери, выжидая момента, когда придется вложить в свой выстрел всю накопившуюся в его душе ненависть. Капитан Амброзио бросился на старика, выхватил у него ружье, швырнул на пол и принялся топтать. Потом, подбежав к двери, сбил засов и подпорку, укрепленную на ступеньках лестницы. Охваченные яростью, люди устремились на склад. Выбежав на улицу, старик оказался в самой гуще толпы. Люди осыпали его проклятиями, а он с упорством маньяка силился сделать невозможное — помешать голодным людям грабить его добро.

И вот для усмирения мятежников прибыла воинская часть. Толпа уже ворвалась в лавку, что находилась рядом со складом, и устроила там настоящий погром. Люди хватали все подряд — рис, кукурузу, фасоль, вытаскивали мешки на улицу, подбрасывали их и с яростью обрушивали на землю или распарывали их камнями, ножами, с не-

ненавистью, с ненасытной яростью обезумевших от голода людей. Десятки мешков были вытащены из склада и лавки и их содержимое разбросано по улице.

Женщины собирали растоптанные початки кукурузы прямо в подол. Потом бежали домой, чтоб их припрятать. Обуреваемые голодной жадностью, некоторые тащили к себе домой полные мешки — вдвоем, взяв их за углы. Те, что жили далеко, прятали мешки с драгоценной пшеницей в близлежащих дворах, чтобы потом прийти за ними. В лавке женщины растерялись, они не знали, что им делать. Они стали разбрасывать коробки с ботинками и рыться в ящиках с пуговицами, лесками... Тогда служанка Куньп Арманда сама указала им, где стоят банки с сахаром и кофе, ведь это было им сейчас куда нужнее.

У складов Себастьяна Куньи уже стоял отряд солдат под командой прапорщика Вьегаса. Еще издали услышав многоголосый гул тысяч людей, он был ошеломлен. Он не ожидал, что ему придется подавлять мятеж, настоящий мятеж, ведь полиция оказалась практически изолированной. В нем росло возмущение против мятежников. Но он помнил совет майора Шавеса Феррейры соблюдать спокойствие: по его мнению, это просто бунт без особых последствий, ведь зеленомысцы, по сути дела, народ добрый и во всем виноват голод. Этот совет не мог теперь призвать его к благоразумию. И вот, шагая впереди своих солдат — тра-та-та-та-та, — прапорщик Вьегас приказывает им выстроиться цепочкой с винтовками наперевес. Медленно, с опаской солдаты идут вперед, помня приказ стрелять только в воздух и только в случае крайней необходимости.

Голодные люди продолжают растаскивать зерно, прячут или собирают его в подолы, чтоб унести с собой, разбрасывают мешки с рисом, кукурузой, фасолью. Склад превратился в хаос. В лавке царит такое же неистовство, люди выбрасывают на улицу разные товары.

Солдаты все ускоряют шаг. А прапорщика Вьегаса преследует одна мысль: к худу или к добру то, что именно его послали на подавление мятежа? Поравнявшись с толпой, он вдруг видит сержанта полиции, который полез в драку с кем-то из толпы. Собираясь прийти на помощь сержанту, он отдает солдатам приказ остановиться. Толпа настолько возбуждена, что не замечает появления солдат. Прапорщик, оказавшись в самой ее гуще, не может протиснуться к сержанту полиции, чтоб помочь ему. Вьегаса охватыва-

ет такая бешеная ярость, что он теряет над собой контроль, раздавая удары направо и налево, пытается силой, с помощью пистолета проложить себе дорогу в толпе. Когда после отчаянных усилий ему все же удастся приблизиться к сержанту полиции, он видит: Маниньо сидит на сержанте верхом. Это уже слишком. Вьегас окончательно выходит из себя: прицелившись из пистолета, он закрывает глаза и с наслаждением спускает курок. Пуля насквозь прошивает тело Маниньо.

Почти одновременно на другой стороне улицы капрал, наблюдавший там за порядком, решил помешать какой-то старухе наполнить подол кукурузными початками и отголкнул ее прикладом винтовки. В ужасе обернувшись, она инстинктивно схватилась за штык и отвела его от себя. Капрал, поскользнувшись на мостовой, упал. Стремительно вскочив на ноги, он опять покачнулся и случайно угодил штыком в проходившего мимо с коробкой консервов ребенка. Вскрикнув, малыш, корчась от боли, попятился, упал ничком. Толпа замерла от ужаса, потом отпрянула. Неподвижно, с распоротым животом, точно освежеванное животное, лежал ребенок в огромной луже крови. Отчаяние словно приковало людей к месту. Началась паника. Все бросились кто куда, окольными путями пробираясь к дому. Улицы опустели, занавески были плотно задернуты, только солдаты и полиция оставались на своих местах.

Растоптанные початки кукурузы, зерна фасоли и рис, высыпавшиеся из разорванных мешков, палки и камни, выбитые из мостовой, лужи крови и огромная тоска, опустившаяся на город, оставили свой след на его улицах. Черные знамена, точно траурный креп, покрывали эти трофеи только что разыгравшейся трагедии.

49

На похороны Маниньо и ребенка собрался весь город. В ужасном настроении вернулась оттуда няня Венансия. Сняв мантилью, она бессильно опустилась в кресло. Чего хорошего ждать от жизни, если честных людей ни за что ни про что бросают в тюрьму, устраивают повальные обыски у них в домах? Город словно облачился в траур. Почему человек здесь, на своей родине, обречен на столь убогое существование?

Она теперь одна — нет рядом с ней близких, друзей и знакомых. Повсюду страдание и тревога, отчаянная, суровая борьба за жизнь. Даже голод был уже не самой большой трагедией

Размышляя над обрушившейся на Острова трагедией, Венансия вздыхала: «О господи! Моя горемычная родина!»

Ей оставалось одно — бежать в Лиссабон. Душе человека нужен покой. Едва оказавшись в лабиринте большого города, она его обретет. И горе забудется, точно дурной сон.

На комод лежало письмо Жуки. Хвастливое, как обычно, оно содержало признания в любви пятидесятилетнего, пылающего страстью мужчины. «Венансия, здесь в Лиссабоне, этой жемчужине Тежу*, я сгораю от любви к тебе». Она только диву давалась. Они всегда были с ним друзьями, чуть ли не с детства, еще когда учились в лицее. И семьи их тоже были дружны. Это же просто нелепость! Письмо было настолько неуместным, что она никому не отважилась бы его показать. Оно причиняло ей боль. Выйти замуж за Жуку? С нее вполне хватит первого брака, вызвавшего у нее настолько сильное разочарование, что она поклялась себе впредь навсегда остаться независимой. А уж если и выйти замуж, то уж никак не за Жуку. И потом, к чему все это приведет? Затеряться в Лоренсу-Маркише, где зеленомысцев и за людей-то не считают, где ядовитый расизм жалит, точно злая змея? Ни за что на свете. Она родилась, чтобы быть свободной. Не без горечи Венансия пришла к такому выводу. Однако, чтобы немного успокоиться, прийти в себя, забыть обо всем, неплохо бы съездить в Лиссабон.

— Жоана! Биа Диниш! Идите сюда! — позвала она служанок.

Она выглядела такой подавленной, что им стало жаль ее.

— Вот что я вам скажу. Начинайте собирать вещи. Через несколько дней мы отправимся на пароходе в Лиссабон.

С недоумением переглянувшись, служанки, казалось, так и не поняли, в чем дело.

Встав с кресла, няня Венансия зажгла спичку и спокойно поднесла ее к письму Жуки. Потом пошла в спальню, заперлась на ключ и ничком упала на кровать.

---

* Тежу — река, на которой расположен Лиссабон.

Скончался Себастьян Кунья. Хоронили его пасмурным днем. Стоял густой туман. У гроба собралось немало народу, но ожидали, что придет больше, так как Себастьян Кунья был известный в городе человек.

Для зеленомысцев настали наконец долгожданные дни. Пошли дожди. Люди не могли прийти в себя от щедрости природы. Всех по-прежнему волновала судьба доктора Франсы Жила. Не испытавший сам в такой степени, как они, голода, он навеки связал свою судьбу с мятежниками. Власти знали, что в народе зреет протест.

Защищать доктора Франсу вызвался известный адвокат Армандо Лопес. Ожидали, что на суде предстоит упорная борьба. Прокурором будет тот проходимец, который однажды при чтении приговора солдату-дезертиру заявил: «Острова Зеленого Мыса живут проституцией, грабежом и контрабандой».

День суда приближался, и у поэта Жасинто Морено росла уверенность в том, что жители Минделу, все как один, монолитной скалой встанут у здания суда. Люди жили надеждой, что Франса Жила будет избавлен от ссылки на Сан-Томе, она возбуждала в них радостное ликование.

51

Неизменно первой слушательницей его стихов была няня Венансия. Сама она не писала стихов, но слушать или почитать их любила. Книги Соареса дос Пассоса, Жункейро, Кастро Алвеса, Мануэла Бандейры стояли на полке в ее библиотеке. Вкус к поэзии привили ей еще в детстве, в Калейжао, что на острове Сан-Николау. С бабушкой они ходили к местному поэту Жоану Лопесу. Долгими вечерами читали там стихи — от Камозенса до Сезарио Верде. Гостей угощали в этом доме кускусом и рисовой кашей на молоке, медом и кофе. И теперь Венансия не пропускала ни одного вечера поэзии, устраивавшегося лицейстами. Нередко и Жасинто Морено приносил на ее суд новые стихи.

— Знаешь, что-то не очень складно, — не колеблясь, высказывала она свое мнение, если ей что-нибудь в них не нравилось.

Тогда Жасинто Морено шел домой и принимался обдумывать эти стихи. Нередко он приходил к выводу, что в самом деле в них что-то не так, и наконец переделывал их.

И вот он снова пришел к ней.

— Нья Венансия, хотите послушать новые стихи? — спросил он.

— Но только чтоб в них все было складно, — засмеялась она. Давно Венансия не была в таком хорошем настроении.

Дорога дальняя,
сердцу немилая,
дорога печальная,
голодом проложенная,
дорога постылая,
по морю, по морю,
под плач гитары,
дорога обмана.

— Дорога обмана, это верно. Завербованным обещают работу и еду, а на Сан-Томе они не получают этого. Или же это дорога обмана потому, что с помощью обмана у нас отнимают наших сыновей!

Дорога обмана,
дорога смерти,
агония вечная,
дорога бесконечная,
дорога печальная,
на плантации Сан-Томе
дорога дальняя.

— Друг мой, каждое слово в этом стихотворении бьет в цель. Дальняя дорога — это не выход. Все дело в дожде. Пойдет дождь, появится еда и жизнь наладится. А без него земляки будут умирать от голода. Верно, что наша жизнь постоянно висит на волоске. Наша беда в том, что мы островитяне.

— А ведь к островам часто причаливают иностранные суда, нья Венансия.

— И все равно у нас не всем хватает работы. Побольше бы зеленомысцам земли и дождя, и тогда об Анголе или о Сан-Томе никто бы и не вспомнил, — сказала нья Венансия.

— А стихи вам понравились, нья Венансия? — спросил Жасинто.

— Мой друг, стихи на самом деле превосходные.

Спустя несколько дней поэт Жасинто Морено снова постучал в двери дома Венансии. Он сообщил ей новость. Скоро на Сан-Висенти привезут доктора Франсу и будут судить. Предстоит подготовить свидетелей защиты. Не может ли ня Венансия выступить в качестве одного из них? Венансия ничуть не удивилась такой просьбе. Известно, что доктор Франса честный человек, никто в Минделу не станет этого отрицать. Так она и скажет на суде. Но дело не только в этом. В чем его обвиняют? Причинил ли он кому зло? Совершил ли преступление? Конечно, нет, скажет она. Пусть они на нее рассчитывают. Только когда состоится суд? Ведь она собирается в Лиссабон.

— Вы едете в Лиссабон, ня Венансия? — удивленно спросил ее Жасинто.

Да. Одиночество угнетает ее. Друзья и знакомые один за другим покинули ее. У нее ужасное настроение, депрессия. Она непременно вернется, когда жизнь на Сан-Висенти нормализуется.

Жасинто внимательно слушал Венансию, он понимал ее. Но может быть, она все-таки останется?

— Зеленомысец, на мой взгляд, не имеет права покидать родину. Он должен пережить тяжелые дни вместе с ней — в этом смысл его жизни. Не дезертировать, а остаться на земле своих предков. Голод и эмиграция в поисках работы нанесли большой ущерб Островам, они почти обезлюдели. А если еще и местная интеллигенция станет покидать архипелаг, то для Зеленого Мыса это равносильно катастрофе.

Так убеждал Венансию поэт Жасинто. Сам он подавил в себе желание уехать, он знал, что это путешествие не положит конец его тоске. Правильно ли он делает, что отговаривает Венансию? Может быть, в нем говорит эгоизм, он боится, что лишится ее общества?

Венансия, напротив, считала, что зеленомысец имеет полное право уехать с Островов. Каждому должна быть предоставлена свобода выбора. Правда, только на родной земле она ощущала подлинную красоту жизни, находила подлинную сердечность в отношении с друзьями. Тем не менее была убеждена, что каждый решает этот вопрос, как находит нужным. Впрочем, она уже приняла решение.

Надо уехать, хотя бы на время. А может быть, и само ее решение тоже вопрос времени. Уехать с родины — это все равно что расстаться со своим телом. Однако другого пути обрести душевное равновесие Венаисия не видела.

Говорила она по-португальски. А Жасинто Морено упорно прибегал к криольо. Венаисию это было даже приятно. Она, как и все зеленомысцы, пользовалась и тем, и другим языком. Смотря по обстоятельствам. Но если она беседовала с образованными людьми, с теми, кто пользовался у народа уважением за свою ученость, она предпочитала португальский язык, даже находясь у себя в доме. Когда разговор затягивался, Венаисия уже с трудом подбирала слова. Однако этого никто не замечал. Служанки думали, что ей это нравится и говорит она по-португальски из тщеславия, подобно Жуке и ему подобным. Но однажды они убедились в обратном. Когда кончился торжественный прием у нее в доме, во время которого Венаисия говорила только на португальском, и гости разошлись, она откровенно призналась служанкам: «Ох, и как же утомителен этот португальский!»

Поэт Жасинто в разговоре с ней упрямо пользовался криольо. И он звучал у него так красиво! Он словно смаковал каждое слово, произносил его слегка нараспев, растягивая слоги, мягким голосом, ласково и доверительно, порывисто и пылко.

— Такова жизнь, ня Венаисия. Каждый день приносит с собой что-то новое. Кто-то умирает, вместо него появляется на свет другой человек. Вот совершенно такое страшное преступление, что трудно даже вообразить, и тут же вдруг кто-то оказывается способен на подлинно гуманный поступок, который свидетельствует о человеческой солидарности, не так ли, пня Венаисия?

— Да, это правда, друг мой, — подтвердила она.

— То же происходит и у нас на Островах, ня Венаисия. Теперь на Зеленом Мысе страшно тоскливо, засуха и голод измучили нас всех. Много людей умерло, одни эмигрировали, других увезли на плантации Сан-Томе, третьи сидят в тюрьмах. А вот, скажем, завтра жизнь переменится к лучшему.

Венаисия по-прежнему слушала его с недоверием. Правда, ей нравилось, как он говорит.

— Беды непременно пройдут, ня Венаисия. Не будут они длиться вечно. Один день не похож на другой, не прав-

да ли, нья Венансия? Все так быстро меняется. И мы со временем становимся мудрее. Как знать, может быть, в будущем мы сумеем покончить с несправедливостью.

Венансия признавала, что поэт Жасинто Морено прав во многом. Он по-прежнему говорил на своем медлительном криольо, растягивая слова, явно наслаждаясь самим их звучанием. Да, но ей просто необходимо, думала она, хоть на время сбежать из этого ада на Сан-Висенти, ее не оставляла депрессия.

Жасинто Морено поднялся с задумчивым и серьезным видом.

— Послушайте, нья Венансия. Что бы там ни было, но я все же рассчитываю на вас, ваше имя будет стоять в списке свидетелей защиты. Я зайду к вам еще, и мы подробно все обсудим. Ну а если хотите ехать, то езжайте. Прошу вас, не покидайте родину только под влиянием минутного разочарования, поразмыслите еще раз. Ваша жизнь всегда была примером доброты и высокой сознательности, душевной щедрости и гостеприимства, свойственных креолам. Подумайте хорошенько, прошу вас. Мы добьемся оправдания доктора Франсы Жила, потому что народ с нами. Впереди нас ждет еще немало других радостных событий. Завтрашний день всегда несет с собой надежду. После стольких страданий мы вновь обретем ее, не правда ли?

Сама того не желая, Венансия вдруг заговорила по-креольски. Возможно, чтоб сделать приятное Жасинто Морено, она сказала:

— Конечно, мне надо еще подумать.

И то, что она произнесла эти слова на своем родном языке, вызвало у нее такое ощущение, будто гостеприимство и приветливость, свойственные креолам, стали настолько неотъемлемой чертой ее характера, что она не могла больше оставаться равнодушной ко всему, большому или малому, в жизни Зеленого Мыса, ко всему, что ее окружало, что собиралась она покинуть. И лицо ее вдруг преобразилось, будто кто-то чудом вдохнул в нее новую жизнь.

Жасинто Морено угадал, что с ней происходит, и лукаво улыбнулся на прощанье. Как знать, возможно, нье Венансии и удастся преодолеть угнетавшую ее депрессию.

Проводив до двери поэта Жасинто Морено, Венансия вернулась в гостиную и долго сидела в задумчивости, медленно покачиваясь в кресле-качалке.

В гавани загудел пароход. Свежий ласковый ветерок легко шуршал по черепичной кровле. Сквозь жалюзи окна Венансии были видны далекие огни Королевского форта на вершине холма. Биа вполголоса напевала старинную морну.

Она все покачивалась в кресле, и услужливая память рисовала перед ней картины детства. Вот ей девять лет, не больше. Канун Нового года, вечереет. Детвора стайками бегают по улицам городка, стучится в двери, ребятишки просят угощения и поют здравицу в честь Нового года.

— Доброго вам праздника! Счастливого года! Вот наступит Новый год, пусть он будет лучше старого! Доброго вам праздника!

Вот дети пробежали мимо ее дома, и Венансия не выдержала. Выскочив из дома, она весь вечер пропадала где-то с ними. Мать задала ей потом хорошую трепку за то, что Венансия якшается со всяким сбродом. А она даже не чувствовала боли, таким счастливым показался ей тот день, и запомнился он на всю жизнь. Бегать, громко петь, быть свободной — как же это хорошо!

Покачиваясь в кресле, Венансия вспоминала события минувших дней.

На кухне Биа беззаботно напевала старинную морну. Вероятно, кашупа уже готова. А где же Жоана, ее что-то не слышно.

— Биа! Жоана! — позвала их няня Венансия.

В дверях гостиной появились обе служанки. Встав с кресла и поглядевшись в зеркало, Венансия объявила им, что отъезд в Лиссабон откладывается.

ОРДЕР НА АРЕСТ

Повестъ

Vos de prisao

Lisboa, 1971

Перевод **Е. Рязовой**

Редактор **М. Финогенова**

«Вы бы только поглядели, как я здесь живу. Точно королева какая. Служанки у меня нет, да она мне и не нужна. Попробуй-ка найди в Лиссабоне приличную девушку для услуг, их почему-то с каждым годом все меньше и меньше, и к тому же все они косорукие — чистое наказание! Я думала даже привезти сюда девушку с Зеленого Мыса, там любым заработком не гнушаются, посулишь двести эскудо в месяц, она и рада-радешенька. Только теперь наши красотки слишком много о себе понимают. Ты им оплачиваешь проезд, носишься с ними как с писаной торбой, а они ни с того ни с сего вдруг начинают отлынивать от работы, да еще нос задирают, эдакие негодницы, ни стыда ни совести. Или бегают в казармы к солдатам, там-то, конечно, заработать можно больше, да только кто им оплатил проезд, спрашивается? Так вот и остаешься в дураках — и служанка тебя надула, и денежки твои плакали. А зачем мне в Лиссабоне служанка? Нас ведь с пареньком только двое. Без работы я бы тут с тоски померла, надо же иметь хоть какое-то занятие. Поверьте, одинокой женщине необходимо быть при деле». Дона Лусинда перебивает ее: «Жожа, вот ты сейчас упомянула о пареньке, кто это?» — «Знаешь, милая подружка, я недавно взяла его на воспитание. Кожка у него черная-пречерная, до того, что иной раз даже оторопь берет, но парень он хоть куда, умница и с характером. Он уже почти взрослый». Я спросил: «Нья Жожа, он с Сантьягу или с другого острова?» — «С Сантьягу, с Сантьягу, там он родился там и детство провел. Я его из настоящей клоаки вытащила. Зовут его Витор Мануэл. Отец дал ему имя Нельсон, но, когда я решила взять его на воспитание и захотела официально усыновить в Прае, мне запретили оставлять парнишке такое имя. «Нельсон звучит не по-португальски», — сказал ньо Фонсека Морайс из отдела гражданской регистрации. Теперь-то я понимаю, что это была просто придирка, что уж тут говорить. Сколько раз я слышала, как упоминают Нельсона — Нельсон то, Нельсон другое, он ведь знаменитый человек был. Я про него кино видела: стоит на палубе корабля, и на левом глазу — чер-

ная повязка. На левом или на правом? Кажется, на левом. Так вот, мальчишку и окрестили тогда Витором Мануэлом. Живем мы с ним вдвоем точно у Христа за пазухой. Поглядели бы вы только, какой у меня парень, — приветливый, живой как ртуть. Черный что твой уголь, лицом, правда, неказистый, волосы курчавые, губы вздувшиеся, точно его пчела ужалила». Дона Лусинда снова вмешалась в разговор: «Жожа, а ты вели ему поджимать губы. У меня в доме была молоденькая служанка — губы толстые, зубы торчат. Вот так — (она опустила нижнюю губу, обнажив зубы). — И вечно эта девчонка ходила с отвисшей губой. «Закрой рот, Милу́, закрой рот», — шептала я ей на ухо, если поблизости кто-нибудь был. Наконец я надумала брать с нее штраф, и дело пошло на лад. Милу стала поджимать губы, и рот у нее исправился. Надо только покрепче стиснуть зубы, вот и все. Каждый час я ей твердила, этой Милу: «Закрывай рот, закрывай рот!» Она подросла, выровнялась, и теперь — красotka хоть куда, губа у нее совсем не отвисает, рот нормальный. И ты приучи своего парня». — «Но, Лусинда, знаешь, он ведь совсем взрослый. Правда, и дня не проходит, чтобы я не говорила ему про губы. Он работает в мясной лавке, хозяин им очень доволен. Конечно, это не бог весть какое место, но лучше синица в руках, чем журавль в небе. Хозяин лавки — крестьянин из провинции, без всякого образования, и мой Витор у него правая рука. Он хочет заниматься электроникой или как она там называется. Внешность у него, бедняги, неказистая, зато голова светлая и любая работа в руках спорится. По-португальски он говорит лучше, чем иной учитель». — «Нья Жожа, вам бы надо говорить с Витором и на креольском языке, чтобы он практиковался. Ведь криольо — его родной язык», — прервал ее я. «Что за вопрос, дома мы, конечно, говорим по-креольски. В иные дни я обращаюсь к мальчугану только на креольском. Ему это ужасно нравится. И вот что я стараюсь внушить Витору: если мы говорим на криольо, это должен быть чистый криольо, а если переходим на португальский, нельзя его смешивать с креольским. Я заставляю Витора правильно произносить слова, не пропускать слогов, не проглатывать окончаний. Когда он приехал сюда в первый раз, он был совсем неотесанный. Бывало, скажет мне: «Матушка (он меня матушкой называет), матушка, один парень таких делов наделал!», я его тут же поправляю: «Ви-

тор, надо говорить «дел», а не «делов». Не то, увидишь, тебя за бразильца примут». Правильно говорить по-португальски — очень важно, это придает человеку вес и выделяет его из общей массы, вы со мной согласны? Мой Витор умница, каких свет не видывал. Пишет на португальском такие сочинения, что вы и представить себе не можете. Я прямо диву даюсь. И потом с ним не соскучишься. Я тут од-зжды прямо живот надорвала от смеха. Учительница велела ему взять несколько интервью у местных жителей. Он направился к соседке с пятого этажа, а потом к какому-то господину, который выходил из автомобиля, не то преподавателю лица, не то морскому офицеру, а может быть, летчику. Я уж всего и не упомяну, память слаба стала, но разговор с соседкой, что живет на пятом этаже — она нам еще книги читать дает, — показался мне страсть каким забавным. И откуда только этому постреленку пришли в голову подобные вопросы, ума не приложу. Вот, например, он спрашивает: «Сеньора Эужения, какая у вас профессия?» — «Я, мой милый, домашняя хозяйка». — «А если бы вы не были домашней хозяйкой, кем бы вы хотели стать? Неужели вы никогда об этом не думали?» — «Знаешь, милый, человек предполагает, а бог располагает». — «Но, предположим, дона Эужения, что вы можете сами распоряжаться своей судьбой, кем бы вы тогда хотели стать?» И дальше все в таком роде, ну разве не умница? Пойду-ка поищу это сочинение. Оно где-то тут, в ящике. Этот парень меня уморит своими причудами. Нья Жожа, маленького роста, миловидная и кругленькая, поднялась с места и, покачивая бедрами, прошла мимо нас в другую комнату, но тут же вернулась. «Совсем из памяти выпало, сочинения-то в школе остались. Учительница хочет их напечатать в школьной газете, забыла, как она называется. Ах да, «Спутник юношества», правильно, «Спутник юношества», ее Марио Кастрин выпускает, тот самый обозреватель, что выступает по телевизору. «Знаешь, дорогой, он когда-нибудь доконает своей критикой телезрителей», — говорю я Витору, а он себе только посмеивается в ответ: этим, мол, все нипочем, они и не такое проглотят. Одного лишь я этому обозревателю простить не могу, так бы и сказала ему все прямо в лицо, если б довелось его где-нибудь встретить: «Вы, сеньор, человек честный, этого у вас не отнимешь, одного лишь я вам не могу простить». Так бы и выпалила по-креольски. Он-то нашего

языка, ясное дело, не понимает. Я нарочно обратилась бы к нему за криолью, чтобы привести его в замешательство, пусть принял бы меня за иностранку. Воображаю, как бы он растерялся. А я бы сказала ему: «Успокойтесь, сеньор Кастрин, вы не знаете моего языка, зато я ваш знаю. Вы человек ученый, сеньор, и мне очень нравится, как вы говорите, но одного я вам никогда не прощу». Он, конечно, воззрится на меня с удивлением и подумает, что у старушки, наверное, не все дома. А я ему тут все и выложу: «Вы плохо отозвались о Бана, о нашем знаменитом исполнителе морн Бана». Бедный Бана! Хотя, с другой стороны, Марио Кастрин прав. Ведь бедняге пришлось петь в неволе, точно птице в клетке. А попробуйте посадите в клетку свободную птаху, привыкшую жить на лугах, в лесах или в горном краю, разве сможет она петь за решеткой? Погодите, о чем же это я?.. Ах да, интервью Витора хотели напечатать в «Спутнике юношества», приложении к «Диарио де Лисбоа». Вот будет занятно увидеть имя Витора Мануэла в газете! Я, пожалуй, куплю несколько штук и pošлю на Острова, в редакцию «Архипелага». То-то удивятся наши друзья в Праге! Подумать только, сын несчастного ньо Той до Розарио в газете печатается! Витор сейчас на улице вышел воздухом подышать. В воскресенье самое время прогуляться. Иной раз, бывает, и с ребятами подерется. А как же иначе? Пареньку необходимо размяться, дать волю рукам. Всю неделю работает как проклятый. А нынче принял душ, побрился, ногти подстриг, причесался, привел в порядок свою курчавую шевелюру — (она лукаво подмигнула нам), — вырядился в новый костюмчик, надел ботинки, что я купила ему на прошлой неделе, и был таков. Бродит сейчас где-то по улицам, на мир смотрит. За этого парня можно не беспокоиться. Вы бы почитали, какие сочинения он пишет. Как-нибудь я позову вас в гости отве-дать кускуса на меду. Сейчас у меня кастрюлька для кускуса прохудилась, не в чем приготовить, я попросила прислать мне с Зеленого Мыса новую, здесь ведь таких не делают, угощу вас кускусом на меду и кофейком с острова Фогу, поджаренным и смолотым по всем правилам, словом, Жожя приготовит все как полагается, и тогда вы познакомитесь с Нельсоном. Честное слово, паренек что надо, голова у него отлично работает».

«Скажите, нья Жожя, — спросил я, — у вас в доме, кажется, еще и девочка живет?» — «Да нет, это моя внучка

Мими, иногда забегает меня проведать, ей семь лет. Такая малышка, а уж проказница, никакого сладу с ней нет. И язык у этой девчурки здорово подвешен, так я и сказала однажды ее матери по телефону. Знаете, этой девчужке только бы учиться да учиться. Когда она бывает у меня, я учу ее уму-разуму: если говоришь на креольском, это должен быть чистый креольский, без примеси португальского, а если по-португальски — старайся говорить правильно, да, я хочу научить Мими хорошему произношению. Я всегда любила читать, узнавать новое. Человек должен сам всему учиться, нельзя же всю жизнь оставаться круглым невеждой и ровным счетом ничего не уметь. Наши земляки должны показать себя, я это постоянно твержу. Ведь жители Островов Зеленого Мыса — люди умные, смекалистые и, коли захотят, могут всюду выдвинуться. Беда в том, что многие наши соотечественники не умеют найти применения своим способностям. Вот и слоняются по лиссабонским пивнушкам, убивают время на Кайс-до-Содре, в Кампо-де-Оурике или еще в каких подозрительных местах — совсем как в портовых забегаловках на острове Сан-Висенти. Сюда приезжает много девушек из наших краев, а кем они становятся? Стыдно сказать, потаскушками. И все кругом это знают. Зеленомысцев, сумевших достичь высокого положения, немало, но попадают среди них и совсем никчемные люди. Правильно сказал креольский поэт Сержио Фрузони: у зеленомысца пороку много, а тормозов никаких, не человек, а дьявол. Креол нигде не пропадет. Правда, он любит прихвастнуть и порисоваться, и не признает никаких замечаний. Но разве бывают люди без недостатков? Знаете, держала я одно время служанку, родом с острова Сан-Николау. Ее прежние хозяева — доктор Фонсека и его жена Лия, вы ее, конечно, знаете, она уроженка Санту-Антана, — так вот, они уехали на Канарские острова. Как-то Витор занимается французским языком, а я сижу рядом с ним и смотрю в учебник, я ведь еще помню по-французски несколько слов, недаром два года в лицее проучилась. Так вот, эта девчонка — Лулуша ее звать — подходит к нам, поводя бедрами, ладная такая и хитрая, как бес, и спрашивает: «Нья Жожа, что это за язык?» — «Латынь», — отвечаю. «Ах, моя бабушка на Санту-Антане часто читала по-латыни». Вообще-то, как эта бабушка, неграмотная старуха, которая живет у черта на куличках, в Рибейра-де-Паул, читает

по-латыни! А может, ее, сердечной, давно и в живых-то нет, упокой господи ее душу. Вот такая хвастушка была эта Лулуша. Не так давно наши земляки устроили тут в Доме Алентежо вечеринку, и эта паршивка Лулуша непременно захотела пойти. Я ей говорю: «Милая, ты себя там будешь неловко чувствовать, ты же никого не знаешь, эти люди вовсе тебе не компания». А она так и вскинулась: «Чепуха какая, няя Жожа, жители Островов Зеленого Мыса всюду одинаковые». Я ей опять свое: «Ты пойми, Лулуша, может быть, жители Зеленого Мыса всюду и одинаковые, не спорю, только не все они едят из одного котла». — «Что вы этим хотите сказать, няя Жожа?» Она так упорствовала, что мне ничего другого не оставалось, как повести ее на танцы. Хотя, признаюсь откровенно, я ничуть не раскаялась, что пошла. Никогда в жизни не видела такого столпотворения! Эти чванные гусыни с Островов меня даже рассмешили. Кого там только не было: и откормленные толстухи из столицы, и тощие девицы с острова Фогу, а уж молоденьких девчонок самого разного пошиба с Рибейра-Бота, Шао-де-Алекрин и прочих уголков нашего острова Сан-Висенти — видимо-невидимо. Танцевали морну, коладейру, такое началось, только держись. Праздник в полном разгаре, все веселятся, а тут еще Бана вышел, он ведь здорово поет наши народные песни, помните коладейру про тщедушного ньо Антоньо: *Когда впервые ехал я в деревню, Рибейра-Гранди, Рибейра-Гранди, в купе отдельном было очень славно, Рибейра-Гранди, Рибейра-Гранди, и вот явился мой сосед Антоньо, такой тщедушный, такой тщедушный, такой тщедушный...* — не правда ли, приятный мотив? Лулуша танцевала до упаду, а я хохотала и дурачилась, даже и не заметила, как рассвело. Но человек должен сам всему учиться, нельзя же всю жизнь оставаться круглым невеждой и ничего ровным счетом не уметь. Я не люблю читать, что попадетса под руку, я признаю только хорошие книги. Больше всего мне нравятся трагедии, хватающие за душу. Лусинда, ты помнишь, когда мы с тобой еще учились в лицее, был такой писатель, как же его звали... дай бог памяти, погоди, Холл, Холл, Холл... ай, голова у меня совсем дырявая стала...» — «Холл Кейн*», — подсказала Валентина, и няя

---

* Холл Кейн — английский писатель XIX в. Его произведения пользовались в Португалии большой популярностью.

Жожа обрадовалась: «Правильно, Холл Кейн. Знаешь, подружка, на Саосенте все зачитывались книгами этого Холла Кейна, и мне они казались просто великолепными. Теперь же иное дело, мне теперь больше по душе другие книги. Ведь человек читает, чтобы узнавать новое, не правда ли?»

Тетушка Жожа, сидящая напротив меня, болтает без умолку, и речь ее льется размеренно и плавно — словно ручеек журчит. Но слова ее исполнены житейской мудрости. «Сколько вам лет, ня Жожа? Шестьдесят?» — «Ах, дорогой, лучше не спрашивай». Жожа у нее гладкая и упругая, ни единой морщинки, лицо круглое, полное, фигура пышная, она что-то рассказывает, увлекшись беседой, — такая славная, довольная жизнью женщина. Голова у нее ясная, ум живой, и мысль перескакивает с одного предмета на другой, вот она закусила удила и понеслась галопом неведомо куда, точно лошадь, сбросившая седока. «Так вы сказали, ня Жожа, вам шестьдесят?» — «Нет, милоч, уже шестьдесят три». — «Честное слово, никогда бы не дал вам столько». Ня Жожа продолжает говорить, и вот что мне кажется удивительным: она никогда не вспоминает о былом, печали или тоски о минувшем нет и в помине. Тетушка Жожа думает всегда о настоящем и болтает без умолку, точно молоденькая девушка, видевшая всего двадцать весен, для которой всегда ярко светит луна и все реки текут в море. Я с трудом припоминаю ее прошлое. Она шила на чужих, жила то в одной, то в другой семье, детей вырастила на подачки родственников и друзей. Не все было гладко на твоём жизненном пути, Жожа. Сколько раз ты недоедала, лишней ложки кашупы не позволяла себе проглотить. Случалось, по целым дням маковой росинки во рту не было. Я с ней познакомился... да-да, конечно, это было в доме у ньи Лии Боржес, куда она, как мне кажется, всегда являлась к определенному часу, чтобы попасть как раз к обеду. Помнит ли меня в те времена тетушка Жожа? Признаюсь, я и сам сохранил о ней весьма смутные воспоминания. Но Жожа никогда не говорит о былом. Она избегает разговоров на печальные темы. Нет, она вовсе не пытается скрыть свое прошлое. Если придется к слову, она непременно расскажет, как у нее частенько живот подводило с голодухи. «Мы с ребятишками страдали от голода, случалось, за несколько дней только раз заморим червячка». Она не стыдится бедности, ей-то хорошо известно,

почем фунт лиха, хотя она знает, что жизнь обходится сурово отнюдь не с каждым. Жожя не утаивает своего прошлого, она просто не говорит о нем, избегая огорчений. Она не любит углубляться в неприятные воспоминания и стойко сопротивляется невзгодам, приливам и отливам житейского моря. Вот она сидит перед нами — прямая, точно кокосовая пальма, удары судьбы не сломили ее. Так оставим и мы до лучших времен воспоминания о минувшем. Лучше я посижу молча, затаившись, точно мышонок в норке, и послушаю эту женщину, которую природа наградила даром красноречия. «Когда мы читаем книги, то узнаем много нового, становимся образованными людьми. Бывает, конечно, сболтнешь что-нибудь, насочиняешь с три короба. Но разве это кому-нибудь вредит? А тебе приятно. Как-то на днях стою я на трамвайной остановке, подходит мой трамвай, поднимаюсь на площадку — народу тьма-тьмуцкая, форменное столпотворение. В этой давке я возьми да и споткнись, наступила на ногу какому-то господину, должно быть, отдала бедняге мозоль, не иначе, потому что он взвыл и при всем честном народе обозвал меня глупой старухой. Я прошла в вагон, заплатила за проезд, подождала, пока мы окажемся рядом, и, едва он ко мне приблизился, оборачиваюсь и говорю: «Ах вы такой-сякой разедакий, надо сперва смотреть, с кем говоришь, прежде чем оскорблять человека». Захотелось мне показать ему, что Жожя не лыком шита, что она женщина почтенная. «Послушайте, сеньор. Вы назвали меня глупой старухой, а уж если кто и старый, так это вы, да еще и косою впридачу. Вы-то одним глазом видите, а я двумя». Так я ему все прямо и выложила чин по чину. Ох, мои милые, такой хохот в вагоне поднялся, все животики понадорвали, а я решила выдать ему сполна, перевела дух и опять на него напустилась. «Имейте в виду, — сказала я ему напоследок, — я не какая-нибудь там простушка, у меня университетский диплом есть, понятно? Я преподавательница лица, да будет вам известно». Он спрашивает: «Какой факультет кончили?» — «Факультет экономики и финансов», — отвечаю». И нья Жожя залилась смехом, вспомнив эту перепалку в трамвае номер двадцать восемь, идущем в сторону Эстрелы. «Пассажиры просто катаются. Ну и отмочила старушка! Гам стоит, суматоха: Только ко-соглазому господину не до смеху, он не знает, куда деваться от стыда. А я распалилась пуще прежнего, приподня-

лась на цыпочки и уставилась на него, пусть думает, что, если я захочу, прикажу задержать его первому полицейскому, который сядет в трамвай. Представляете, кажется, он и впрямь поверил, что мой покойный муж был важной птицей, — это просiachок-то Дуду! — генеральным директором или еще какой-нибудь там шишкой в министерстве. Он ужасно расстроился, еще бы, назвать при народе глупой старухой почтенную даму, преподавательницу лицей, окончившую факультет экономики и финансов, и к тому же еще супругу высокопоставленного лица! Это может дорого обойтись! Он стал рассыпаться в извинениях: «Ах, сеньора, ради бога простите, я не хотел вас обидеть». И тут я опять со всего маху наступила ему на ногу и стою с таким видом, будто я особа королевской крови. Вы же знаете, если нас, зеленомысцев, раззадорить, нам сам черт не брат, мы любим привлекать всеобщее внимание. Так вот, я нарочно наступила ему на ногу, чтобы отомстить за оскорбление, надо же было его наказать, я ведь преподавательница лицей и закончила факультет экономики и финансов. Потом я преспокойно усаживаюсь на свое место и умолкаю, хотя весь вагон на меня смотрит. Прихожу домой и сразу же к зеркалу. Поглядела на себя и усмехнулась. «Ну и чертовка ты, Жожа, наглости и бахвальства тебе не занимать!» И такой на меня тут смех напал, прямо удержаться не могу. Нет, слышали вы что-нибудь подобное: Жожа прослушала в университете курс экономики и финансов?! Что касается экономики, тут я еще кое-что соображаю, могла бы, конечно, быть и поэкономнее, что правда, то правда, но по финансовой части уж куда мне, финансов-то у меня только и есть, что те денежки, которые мой сын Роландо выдает мне каждый месяц на расходы. Хороший у меня сынок, пошли ему господь всяческих благ, хотя и трудно мне было его воспитывать. Одна я знаю, чего стоило поместить парня в лицей. Видно, бог услышал мои молитвы, не иначе. А сейчас Роландо уже женат, у него двое детей, сын и дочь, свой дом у них, и все идет как положено, но эту квартиру он купил специально для меня — она оформлена на его имя, однако я имею право пожизненно пользоваться ею. Так я всем и говорю. Как-то раз приходит ко мне сыночек и заявляет: «Вот вам квартира, матушка, живите в свое удовольствие. Я хочу, чтобы моя мать жила как королева». И впрямь я живу по-королевски. Земляки с Островов спрашивают ме-

ня: «Скажи, Жожа, чем ты теперь занимаешься?» А я им гордо в ответ: «Живу теперь в собственном доме».

Кто бы мог подумать, тетушка Жожа! Теперь у тебя свой дом, дети твои, слава богу, пристроены и живешь ты припеваючи, не зная забот, в Лиссабоне — о чем ты мечтала, как и большинство твоих ровесников, с давних пор. А ведь я знаю, что во время последней засухи на Сан-Висенти погибло много людей, очень много. Столько земляков умерло от голода на нашей родине, хотя и меньше, чем на других островах, где враждебные стихии свирепствовали еще сильнее. Когда солдаты экспедиционного корпуса расселились по всему побережью Саосенте, тетушка Жожа открыла столовую-пансион и тем зарабатывала себе на жизнь. Скромная это была столовая, тут можно было только червячка заморить, лишь как-то голод утолить, с едой в те времена было трудно, и солдаты, питаюсь у Жожи, могли сэкономить немного денег, чтобы послать родным в Португалию, каждый старался хоть чем-нибудь помочь своим. Жизнь тетушки Жожи после открытия столовой превратилась в пытку, что и говорить. Вечно не хватало припасов, приходилось из кожи вон лезть, чтобы состряпать для постояльцев какой-нибудь обед. Ложились ня Жожа за полночь, а на рассвете уже вскакивала, несмотря на то что с вечера долго не могла заснуть от усталости, — надо было одной из первых попасть на рынок, чтобы купить бананы, манго, фасоль, горох, виноград. Потом она шла на кухню, иной раз приходилось самой прислуживать за столом, случалось, и посуду мыла, за все бралась, а помогала ей одна лишь сестра Фаустина, да, сестра Фаустина, она, бедняжка, только и годилась, что для таких дел, разве можно было поручить ей серьезную работу! Тетушке Жоже самой приходилось следить за служаками — ведь с ними надо было держать ухо востро, а не то клиенты тут же начнут жаловаться. А в те времена каждый рад был бы устроить у себя пансион с обедами, но вскоре и у Жожи постояльцев стало меньше, одни питались тем, что сажали на своем участке, другие перебрались жить к подружкам, или построили себе дом и — прости-прощай... О, как трудна была твоя жизнь, Жожа! Поверишь ли, я помню, какой ты была тогда, сдается мне, я видел тебя несколько раз у ньи Консейсао, у нее еще в то время жила племянница, прехорошенькая девушка, хотя и немного легкомысленная, кажется, Манинья, да,

точно, ее звали Манинья, она родила ребенка от капрала и убила его, ее судили — вот такая грустная история. Если не ошибаюсь, ты повадилась ходить к тетке Манинья чуть ли не через день и как раз в обеденные часы. Послушай, ты ходила обедать к нье Консейсао или к нье Лии Боржес? Нет, к Лии Боржес ты стала навещаться после окончания войны, когда жизнь твоя снова пошла под уклон. Правда, к тому времени дети тетуски Жожи уже подросли: старший окончил лицей и отправился без гроша в кармане в Лиссабон, поступать в университет, дочери стали учиться шить, несколько лет спустя она и сама с божьей помощью перебралась в столицу.

Тетуска Жожа сидит напротив меня, на диване, обитом тканью цвета морской волны, по левую руку от нее моя жена Валентина, по правую — донна Лусинда, наша общая приятельница и подруга детства ньи Жожи. В гостиной еще два дивана, кирпично-красного цвета. На полу лежит темно-коричневый ковер, подарок ее сына Роландо. Посреди комнаты — круглый стол и стулья, память о матери; около стены стоят рядышком два шкафа с посудой, Жожа приобрела их в самые тяжелые для нее времена. В углу — трюмо, привезенное с Сан-Висенти. На одной стене — репродукция картины на охотничий сюжет, к другой прислонен вставленный в рамку, чтобы можно было его повесить, небольшой итальянский гобелен, который Жожа также вывезла с Островов Зеленого Мыса, — индийские торговцы продают их там за бесценок, так же как и в портах Средиземного моря или в городах Африки, ведь эти люди странствуют по всему свету. Тетуска Жожа сидит напротив меня, и я внимательно разглядываю ее, зачарованный ее голосом, ее жестами, ее улыбкой, и с наслаждением слушаю ее болтовню. Я рассматриваю ее гладкую, упругую кожу (просто поразительно, у нее совсем нет морщин!), ее тонкие, тронутые сединой волосы, небольшие ясные глаза, они перебегают с одного собеседника на другого, точно воробьи, порхающие в ветвях цветущего дерева. Я люблю цвет ее кожи. Кожа у нее не темная, а смуглая, напоминающая спелый финик. Ничего не скажешь, красиво. Этот цвет вызывает у меня определенные ассоциации — мне вспоминаются картины Гогена. И я думаю о креолках с Зеленого Мыса, о смуглянках с черными, голубыми и карими глазами, и мне приходит на ум простая мысль: если бы Гоген отправился

на Острова Зеленого Мыса, вместо того чтобы безрассудно похоронить себя на Таити, какие бы чудесные полотна он мог там создать! Но что поделаешь, тут некого винить. Если бы сердце ему подсказало уехать на архипелаг Зеленого Мыса, когда он бежал из Европы, он бы высоко взлетел и, уж конечно, не умер бы в нищете. Сочинители морн, писатели, поэты, гитаристы и художники — на Островах уважаемые люди, и такого художника, как Гоген, с его тягой ко всему необычному, несомненно, пленили бы и наши морны, и креолки, это уж точно, а женщин на Зеленом Мысе у Гогена было бы без счету, и многие пришлось бы ему по вкусу. И, увлеченный красотой нашей земли, нашей музыкой, женщинами, чертами нашего быта, он запечатлел бы прекрасные лица креолок в пылких тонах своей палитры. И сам убедился бы, насколько счастливее оказался его удел здесь, на креольских островах, чем судьба, уготованная ему в изгнании, в дальних странах. Он бы не умер здесь с голоду, нет, он скончался бы, окруженный всеобщей любовью и поклонением. Впрочем, судьба каждого predetermined от рождения. Я разглядываю легкое платье Жюжи — темные ветви на зеленом фоне, — ее статную фигуру с чуть выступающим животиком, который эта модница стягивает корсетом всякий раз, как собирается принарядиться, чтобы прогуляться по улицам или сходить в гости, и тогда он становится совсем незаметным, ведь тетюшку Жожу не назовешь толстушкой, отнюдь нет. Слушая ее болтовню, я с улыбкой поглядываю на Жожу и думаю о том, что зеленомысцы удивительно похожи — все они наделены редким даром доставлять своим слушателям удовольствие. Я почти не открываю рта, боясь прервать этот поток слов, — пусть себе говорит на здоровье. И вдруг неожиданно с губ моих срывается вопрос: «Нья Жож, сколько лет вы прожили в Лиссабоне?» — «Ах, сынок, вот уже одиннадцатый год пошел, как я приехала. С той поры, как наши Острова оплакивают свою несчастную долю». Значит, уже десять лет она живет в столице и вполне довольна своей жизнью, затерявшись в огромном городе, она обрела покой и счастье. «Я приехала в Лиссабон, чтобы выдать дочерей замуж. И кому угодно это повторю. Да, я приехала в Лиссабон с намерением выдать моих девочек замуж. Сама я хлебнула немало горя, случалось, и к бутылке прикладывалась; мне казалось, выпьешь стаканчик грога — усталость как рукой снимет да и удача дается в

руки только смелым. На днях я как раз рассказывала об этом Жужу. Однажды вечером, я жила тогда на Саосенте, сижу я на кухне и спокойно попиваю свой кофе, как вдруг меня словно кольнуло: надо выдать дочек замуж. Иначе какая это жизнь? И потом, что может быть приятнее для матери, чем выдавать дочерей замуж? Да только разве здесь, на Саосенте, у них есть какие-нибудь возможности? Парни с нашего острова не желают жениться, они просто находят подружку себе по вкусу и начинают жить с ней одним домом. Знаете, на острове Сантьягу, у негров в глухих районах, по две или даже по три жены. Проклятые отголоски трибализма все еще дают о себе знать на нашей земле. А мне хотелось, чтобы дочки вышли замуж и хорошо устроились в жизни. И я сказала себе: «Жожа, надо ехать в Лиссабон». Но как? Об этом я и понятия не имела. Но видно, не зря говорят: кто ищет, тот всегда найдет. А раскисать — это самое последнее дело. И вот я в Лиссабоне. Привезла с собой немного деньжонок, запаслась маисом, фасолью, копченым мясом, свиной колбасой. Еды и кофе нам хватило месяца на два. Потом наступили тяжелые времена. Я изворачивалась, как могла, с меня семь потов сошло, пока я добывала средства к существованию для себя и для девочек. Немало времени и сил на это потратила. Знаете, очень туго нам пришлось. Жизнь в Лиссабоне нелегкая. Случалось, мои девочки едва не рыдали от голода. Но мне упорства не занимать. Ведь правильно говорят: что посеешь, то и пожнешь. Я начала брать заказы на шитье, да и земляки мне помогали. Я стала сдавать комнаты жильцам. Жизнь постепенно налаживалась. Оставалось только снять небольшой домик за умеренную плату. Так я и сделала. Стала приглашать к нам на вечеринки молодежь: студентов университета, докторов*, инженеров, служащих министерства — словом, земляков, достигших какого-то положения. Теперь в доме появлялись только люди, достойные внимания, разве что случайно забредет иной раз какая-нибудь старая знакомая — не могу же я захлопнуть у нее перед носом дверь. Я хотела, чтобы эти парни обратили внимание на моих дочерей, а дочки у меня, надо признаться, были прехорошенькие — я говорю это вовсе не потому, что они моя плоть и кровь.

---

* Докторами в Португалии называют тех, кто окончил университет, а иногда даже студентов старших курсов.

Молодые люди приходили, ели, пили, танцевали, играли на гитаре, болтали, развлекались. А я, мои милые, все время держала ухо востро: путаная ворона куста боится, разврата у себя в доме я не потерплю! Жюжа в таких делах стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. Я долго раздумывала, как сдвинуть дело с мертвой точки, и наконец нашла выход. «Соблюдайте благоразумие, — твердила я дочкам, — смиряйте до поры до времени свои порывы». Ведь молоденькая девушка что порошок, кровь в ней так и кипит, ни в коем случае нельзя оставлять ее одну, без присмотра — это же все равно что пустить вскачь норовистую лошадь без седла. «Настанет и ваш черед, — повторяла я. — Без терпения не будет и умения». И слава богу, все устроилось наилучшим образом. Ни одному прощелыге не удалось воспользоваться слабостью моих дочерей. Старшая вышла замуж за преподавателя технического училища — вот он на самом деле окончил факультет экономики и финансов. А моя внучка Мими — дочь другой, младшей моей дочки, Жулиньи... Ах, эта Мими! До чего у девчонки язык здорово подвешен! Здесь, в Лиссабоне, я могу, наконец, отдохнуть». — «Нья Жюжа, а вы не скучаете по родным местам?» — «Ах, мои дорогие, вы же знаете, что Острова — моя родина и, хотя острова эти совсем крошечные, забыть их невозможно. Порой мне так не хватает наших Островов. Я надеюсь еще туда вернуться. Я даже собираюсь потихоньку, думаю, что в один прекрасный день отправлюсь в путешествие. Всему свое время — (она скептически улыбнулась, словно посмеиваясь над своими собственными мечтами). — Возьму да и махну на Зеленый Мыс, проведу на родине сезон — будто туристка. Да, все мои мысли теперь там, на родной земле. Сын частенько говорит мне: «Матушка, вы точно королева живете». А тогда я думала: «На Сан-Висенти у меня будет своя служанка и все, что полагается, не как-нибудь, на Сан-Висенти — имейте это в виду — Жюжа ни за какую работу браться не станет, боже упаси! Она будет отдыхать, развлекаться, пускать пыль в глаза. Ох, до чего же это приятно!»

Я вспоминаю. Когда они жили на Сан-Висенти, дочери тетюшки Жюжи начали понемногу зарабатывать, сын в Лиссабоне работал и учился. Деньги за столовую-пансион с обедами, которую пришлось в конце концов про-

дать, пошли на уплату долгов, оставшихся после смерти мужа. Времена изменились, и жизнь на Островах стала чуточку полегче. Тетушка Жожа поступила в семью англичан из «Ойл компани» гувернанткой, они хорошо платили, да и не нужно было тратить на еду. Зато приходилось надрываться на работе с утра до ночи, англичане шутить не любят, они мастера выжимать из людей все до капли, на американский манер. Потом я долгое время ничего больше не слышал о тетушке Жоже, оказывается, она уехала в Лиссабон, чтобы выдать дочерей замуж, и ей это великолепно удалось, сын окончил медицинский факультет университета, получил специальность отоларинголога, Жожа любит шикануть, произнося, к вящему изумлению земляков, полное название его профессии: «оториноларингология». Сын тетушки Жожи стал преуспевающим врачом, хорошо зарабатывает, купил ей собственную квартиру, где она и живет по сей день. Наконец-то она обрела покой. Что греха таить, нелегко пришлось ей в Лиссабоне, пока дети не встали на ноги. А до той поры Жожа держала столовую-ночлежку в квартале Сан-Бенто, где могли бы найти приют земляки. Многие оказали ей тогда помощь, но кое-кто и надул, да так, что она это на всю жизнь запомнила. Но, как видите, об этом рассказываю я, сама тетушка Жожа старается не касаться таких тем, а если ненароком зайдет об этом речь, она не придает былым горестям большого значения; и если когда-нибудь и упоминает о своей столовой-ночлежке, то, скорее, для того, чтобы рассказать о земляках, о том, как они, бедняги, попав в метрополию, теряют голову от всего, что там видят, и в один миг транжируют все свои денежки. Ну разве могла она оставить их без поддержки в трудную минуту? Честно говоря, я не знаю, в каких переделках побывала тетушка Жожа в последние годы своей жизни на Сан-Висенти, пока не уехала в Лиссабон. Но я не спрашиваю ее об этом. Не сегодня, так в другой раз мне все равно это станет известно. Я представляю себе, как тетушка Жожа появится в Минделу. Независимая, самостоятельная женщина! Она проживет несколько недель или месяцев в этом небольшом городке, на своей родине, о которой она не может вспоминать без слез. Я даже в состоянии представить, что Жожу примут в высшем обществе и откроют для нее двери «Гремиео» — клуба для избранных,

куда она никогда даже и не мечтала попасть. Я рисую в своем воображении множество картин... Но довольно, не пора ли остановиться, к чему загадывать наперед? Куда интереснее слушать тетюшку Жожу, плыть вместе с нею по волнам воспоминаний, отдаваясь на волю прихотливого течения ее фантазии. «На Островах Зеленого Мыса Жожка ничего не будет делать, ровным счетом ничего. Дома чистоту станет наводить служанка, она же приготовит и обед. И вправду королевская жизнь. Утром, часов эдак в десять, Жожке подадут в постель чашечку кофе. Затем она примет ванну. Чистые полотенца, теплая вода, ароматные соли. Лусинда, ты слышишь, ведь это твоя подружка Жожка спит, сколько хочет, и встает, когда ей вздумается! Так приятно поваляться утром в постели, пока служанка все приготовит, накроет на стол и подаст завтрак, а ты потом знай себе посиживай в кресле-качалке, покачиваясь взад-вперед, взад-вперед. О, как не хватает мне здесь такого кресла — их делают только у нас на Островах. Когда я туда поеду, непременно закажу качалку мастеру Жону Сабине и привезу с собой, правда, это обойдется мне около шестисот эскудо, но игра стоит свеч, вы только вообразите себе: свежий ветерок с моря, хорошо, как в раю, и я — сама себе госпожа, настоящая королева, спасибо моему сыну, помогай ему бог. А к концу дня у Жожки собираются гости. Приходят старые подруги поболтать, угоститься чаем с пирожными. Мои гости разряжены в пух и прах: платья из тончайшей материи, дорогие туфли — все выписано прямо из Лиссабона, чтобы пофорсить, подать товар лицом. Ох, как стесковалась я по нашему Саосенте! По друзьям (кое-кого из них уже нет в живых), по прогулкам вдоль берега моря, по пристани, по нашим вечеринкам и празднествам, мне ужасно хочется побывать на родине во время карнавала. Говорят, на Саосенте теперь в карнавалы дни царит такое веселье! Молодые люди и девушки в ярких нарядах выходят на улицу, гуляют, поют и танцуют. Прежде так не бывало. Наверное, бразильцам подражают. Вы ведь знаете, у зеленомысцев всегда была мания подражать бразильцам».

Тетюшка Жожка болтает, трещит без умолку, а я разглядываю ее гостиную и замечаю вставленный в рамку портрет, который приковывает мое внимание. Я встаю с места, чтобы рассмотреть его получше, и она поясняет:

«Это дон Луис, сын дона Карлоса*. Я привезла портрет с Саосенте, в память о тех временах, когда он посетил Острова Зеленого Мыса — я была тогда совсем еще маленькой. Глаза у него голубые, волосы — чистое золото, красавец, прямо загляденье! В его честь написали тогда величальную, помнишь, Лусинда?» — «Конечно, помню, подружка. Послушай, Жожа, ты сейчас, наверное, не узнаешь Островов, так все там изменилось. На Саосенте теперь есть такси, построили гостиницу, даже автобус ходит. Понаехало много молодых японцев, они промышляют рыбной ловлей. Выберут себе подружку и строят дом. У некоторых уж и дети подрастают. Смугленькие такие, волосики тонкие, черные-пречерные, глаза как миндалины, огромные и чуть-чуть раскосые. Даже коладейру на японском языке сочинили. А наши ребята с пристани научились объясняться по-японски. На Саосенте сейчас тьма японцев. Японцев и голландок. Их мужья, бедолаги, в поте лица трудятся в Голландии, а эти мерзавки корчат из себя аристократок, щеголяют в красивых нарядах, туфли меняют чуть ли не каждый день, ничего не делают, только друг перед другом выхваляются — не жизнь, а рай земной. Попробуй-ка с ними потягайся! Явится такая краля в лавку и начинает скупать всю подряд шикарную обувь, самые лучшие шелка рулонами, чего-чего только не наберет, и с продавцами даже не торгуется — только бы пустить пыль в глаза. А зачем нам это?» — «Да ну их, твоих голландок, оставь их в покое. Судьбу не переспоришь, что кому на роду написано, то его и ждет». — «Так-то оно так, Жожа, только мир изменился до неузнаваемости, прямо голова кругом идет. Ты можешь себе представить, чтобы голландка исполняла коладейру? Нашу родину прямо-таки наводнили эти голландки, а какой от них прок, что они могут сделать для нас полезного, коли они убеждены, что их назначение в жизни — пускать пыль в глаза. Зачем нам это все надо?»

Когда тетушка Жожа сойдет с парохода, она уже не будет прежней Жожей, которая содержала столовую-пансион на приморской улочке. Когда тетушка Жожа сойдет с парохода, все станут относиться к ней с почтением —

---

* Дон Карлос — последний король Португалии.

ведь она мать доктора Роландо. Она наймет служанку и будет наслаждаться комфортом. «Послушай, Жожя, ты же собиралась ехать в Америку». — «Да, с тех пор как мои девочки пристроены, я только и делаю, что обдумываю всевозможные планы на будущее. Однако, когда Роландо купил мне квартиру, я решила остаться здесь, в Лиссабоне. Не то бы, наверное, последовала примеру сестры Фаустины. Знаешь, поездка в Америку — выгодное дело. Куда более прибыльное, чем заниматься контрабандой в порту. Главное, чтобы у тебя в Штатах были родственники или знакомые. Вот, например, сестра Фаустина, она с Саосенте махнула прямехонько в Нью-Йорк, где ее ждал наш двоюродный брат Онтоне, а оттуда она отправилась на автомобиле в Принстаун, посетила Нью-Джерси, а там и до Нью-Бедфорда рукой подать. Вы же знаете, в Бедфорде полно зеленомысцев. Она всюду побывала, ездила на легковой автомашине, на грузовике, на поезде, на автобусе, на подземке, летала на самолете. Вот такая она путешественница. В Бедфорде Фаустина пробыла дольше всего. Там живет наша двоюродная сестра Дадá. Когда приезжает кто-нибудь из зеленомысцев, земляки непременно являются к ней с визитом — поболтать, отвести душу, узнать, как дела на Островах, справиться о семье, о родных и дальних родственниках, посидят, выпьют чайку, а перед уходом оставляют деньги. Десять, двадцать долларов, некоторые даже тридцать и больше дают. Однажды сестра Фаустина ужасно рассердилась. Какой-то соотечественник оставил всего-навсего один доллар. Ну разве не нахал? Если ты собрался уезжать, в зеленомысском клубе устраивают в твою честь прощальный вечер. Только для креолов. Все являются в выходных костюмах и нарядных платьях, красиво одетые, в модных туфлях, с уложенными в парикмахерской волосами. Гости танцуют, беседуют между собой, потом их имена и фотографии появляются в газете. Знаете, сейчас зеленомысцы в Америке помешались на том, чтобы произносить спичи. Ведь это сущее бахвальство, верно? Стоит нашему земляку попасть в Америку, как он начинает провозглашать тосты, будто на свадьбе. Говорит один, потом другой, каждый непременно хочет произнести речь, а как же иначе? Точь-в-точь как у нас на Островах, где-нибудь в глухомани. Однажды я отправилась на свадьбу к знакомым в Санта-Катарину, так вот, там мне

довелось услышать, как держит речь ньо Лоуренсо Себастьян. Ньо Лоуренсо Себастьян — человек состоятельный, земли у него хоть отбавляй. На свадьбу ли, на крестины, ньо Башу приглашают обязательно. И вот мне однажды довелось послушать, как он говорит. Признаться откровенно, я чуть со смеху не лопнула — ньо Баша треплет языком, а гости с воодушевлением хлопают в ладоши.

— Солдаты, хранящие честь оружия, и знатные бароны!

— Слава! Многие лета ньо Баше! Он большой человек, ума палата, и говорит — как пишет!

— Которые с западного побережья Лузитании...

— Слава! Многие лета ньо Баше! Он большой человек, ума палата, и говорит — как пишет!

— По морям, где доселе никто не плавал...

— Слава! Многие лета ньо Баше! Он большой человек, ума палата, и говорит — как пишет!

— Друзья мои, слушайте внимательно! Человек без жены — все равно что мясо без маниоки, он словно стакан без полной бутылки, словно рот без куска! — Вы представляете, эти бедняги негры все ладони себе отхлопали в честь Лоуренсо Себастьяна по прозвищу ньо Баша. Так вот, у наших земляков в Америке тоже появился пунктик — говорить спичи. Правда, они произносят их по-английски. Португальский там мало кто знает, а креольский вообще презирают, и ребенок, родившийся в Америке, говорит на исковерканном криольо, не язык, а просто мешанина какая-то. Сестра Фаустина прожила в Штатах год и два месяца. Все время она проводила в гостях — на приемах, на обедах с богатыми людьми. Если б Фаустина пробыла там еще немного, вернулась бы миллионершей, я ей так прямо и сказала. Она возвратилась с полной кубышкой денег, теперь живет в Бразилии. Зеленомысцы в Америке помогают землякам. Потом сестра Фаустина написала мне, что надумала еще разок съездить в Америку. Я тут же намотала себе на ус: неспроста сестрице Фаустине понадобились деньги, верно, она опять что-нибудь новое затевает. Что-то ее ожидает в будущем? Я написала ей: «Знаешь, сестрица, будь поосторожнее и не очень-то мудри. По-твоему, наши соотечественники в Штатах все дураки?»

Только Жожа проговорила эти слова, как вошел Ви-

тор, и мы все как один уставились на него. А он едва бросил на нас беглый взгляд и, конечно, тут же заметил наше удивление. Мне давно хотелось познакомиться с этим пареньком поближе, посмотреть, какой он у себя дома. Я воображал его юношей разумным, энергичным, мне представлялось, что поначалу он будет со мной сдержанным, но постепенно раскроется и станет общительнее, я думал о том, что он будет когда-нибудь инженером или — как знать? — может быть, и писателем. Теперь же, увидев его, я вздрогнул, пораженный, и все мы едва удержались, чтобы не вскрикнуть от изумления. Жожа вскочила с дивана и бросилась к нему, и мы последовали за ней. «Витор, сыночек мой, что с тобой приключилось? Волосы мокрые, по лицу течет кровь. Ты упал?» Жожа обмыла, смазала йодом и перевязала рану, которая оказалась несерьезной. Витор стиснул зубы. Мало-помалу он успокоился и с возмущением стал рассказывать, что с ним произошло. Возвращаясь домой, он встретил на углу какого-то парня, с виду тот был постарше его, и, когда Витор поравнялся с ним, он сказал своему приятелю: «Знаешь, я уронил монету; вон идет черномазый, пусть поднимет». Витор остановился и пристально посмотрел на него. Тот спросил: «Ты чего встал как вкопанный? Дорога, что ли, перекрыта?» Витор поглядел на него в упор и сказал: «Да, кожа у меня черная, но белых я не боюсь». «Я весь кипел от ярости, — рассказывал Витор. — Он полез на меня с кулаками, я бросился на него, мы сцепились и стали колотить друг друга. Но тут его товарищ схватил меня и принялся бить головой об стену». Витор замолчал, все еще переживая оскорбление. Потом он ушел в свою комнату. Пора было расходиться по домам, настал, как говорят зеленомысцы, «час прощания». Мы поднялись. Няя Жожа со свойственной жителям Островов приветливостью уговаривала нас остаться: «Милые, может, посидите еще немного?» Потом она проводила нас до дверей. «Бедный Витор, иногда его оскорбляют на улице. Вообще-то здесь все к нему хорошо относятся, уважают, но порой случаются неприятности. Я сразу все угадываю по его лицу. Правда, в нем есть много такого, что мне трудно понять. Как-то раз, представляете, я нашла у него в кармане вырезку из газеты. Там была напечатана какая-то чушь — негр, видите ли, принял снадобье и стал белым. Это все американцы фантазируют.

А Витор парень самостоятельный и с характером. Он видит, как черна его кожа, и не хочет быть хуже других. Я понимаю его, но временами начинаю беспокоиться: а вдруг Витор озлобится на людей, ведь всякое бывает. У себя на Зеленом Мысе он не привык к подобному отношению. Там люди не придают значения цвету кожи. А здесь, в Лиссабоне, хотя с зеленомысцами — и с белыми и с черными — обращаются неплохо, существует непреодолимый барьер. Я бы не сказала, что в Португалии процветает расизм. Это вам не Южная Африка или Америка. Сестра Фаустина порассказала мне о тамошних хулиганах. Зеленомысцы в тех странах живут обособленно от белых и не смешиваются с американскими неграми. Там креол тянется к креолу. Но знаете ли, и тут существует дискриминация. В Америке зеленомысцы с белой кожей стараются не общаться с чернокожими соотечественниками. Белый зеленомысец избегает черного зеленомысца, он, видите ли, не желает иметь неприятности. Ерунда какая-то. Только в Штатах подобное и возможно, у нас на родине такое никому и в голову не придет. Сейчас пойду успокою Витора, покормлю его ужином, а потом мы будем смотреть телевизор. Что я люблю смотреть по телевизору, так это программу про Беглеца и еще «Парад индустрии. Фабрики, выставки, промышленное развитие». Знаете, у нас на родине этого нет. Как-нибудь на днях я к вам загляну, только не в субботу и не в воскресенье. По субботам и воскресеньям у Жожи прием, так я всем и объявляю. Вот и сегодня у меня приемный день, милая, очень рада была тебя повидать».

Я думаю о Виторе Мануэле, о его темной коже и курчавых волосах, о спрятанной в кармане вырезке из газеты — вероятно, он намеревался поискать в лиссабонских аптеках это снадобье, превращающее черного человека в белого. Я думаю об этом паренке, о его огорчениях, о том, что ему приходится сносить грубость нагледцов, которые постоянно встречаются на пути, я вспоминаю тот вечер, когда впервые увидел его у тетушки Жожи, — охваченного яростью, с окровавленным лицом. И у меня не нашлось для Витора ни единого слова утешения. Нет, даже не утешения, а дружеской поддержки, мне хотелось выразить свое восхищение мужеством, какое он проявил при встрече с этими подонками, я разделял его боль. Но он не принял бы моего сочувствия —

ведь я белый. «Наша особенность в том, что у нашей культуры двойственные корни. Мулат овладел и африканскими, и европейскими ценностями и теперь стремится придать им универсальное значение. Мы — постоянно эволюционирующая этническая и культурная национальная общность. Мы в самом деле можем говорить об аккультурации». Это был вовсе не мятеж. Теперь мятежи перекочевали в официальные салоны, а туда нам вход закрыт. Это был не мятеж, а всего лишь спор единомышленников, собравшихся на лиссабонском бульваре, чтобы разобраться, что хорошо и что плохо. По мнению своего однокашника, оратор, университетский студент, забыл о том, что, «как бы то ни было, мы все еще не преодолели фазу ассимиляции. Мы отреклись от африканских корней, а они — необходимое условие для гармонического развития нашего народа». Этот студент иногда делился со мной своими мыслями на сей счет, хотя в наши дни следовало помнить об опасности, любое неосторожно брошенное слово могло повлечь за собой серьезные последствия, и потому далеко не все, о чем мы думали, надлежало высказывать открыто. Вот откуда появилась новая манера говорить, проглатывая окончания. Ведь если все таить в себе, душа переполнится.

А тем временем один из парней, собравшихся на бульваре, говорил: «Судьба нашего народа — кабовердиандаде. Наши Острова расположены между Африкой и Европой. И мы должны помнить о значении наших собственных культурных ценностей. Пора нам покончить с подражательностью и избавиться от последствий политики ассимиляции. Мы обременены предрассудками, мешающими нормальному развитию личности. Например — цвет кожи. К чему бояться точного значения слов? Черный, мулат, квартеронец, белый — все это очень конкретные понятия, и незачем пытаться их замаскировать. Другой пример — наши волосы. Можно подумать, будто вы стыдитесь своих курчавых волос, «дурных волос», как их называют на креольском языке. Дурные, скверные — эти абсурдные определения отражают сугубо европейскую точку зрения. В самом деле, если волосы вьются или стоят копной — почему это плохо? Они просто кудрявые, стоят шапкой, вот и все. Почему же они скверные? Мы должны принимать их такими, как есть, они ничуть не хуже тонких, гладких или волнистых волос».

Я думаю о Виторе Мануэле и о тетушке Жоже, о том, что телевизор — этот кудесник, заставляющий нас забывать о времени, — в известной мере скрашивает наше существование, я вспоминаю о том, как Жожа рассказала нам, что взяла на воспитание черного мальчугана, умницу и с характером. Как-то живется Витору теперь? Придет ли он к нам сегодня вместе с Жожей? Глаза мои скользят по корешкам книг, стоящих на полке, — вот книги, которые бросали вызов миру жестокости и насилия, миру расизма, — и я слышу пламенный призыв африканских писателей и поэтов, проникающий в сердца людей, точно муравей салалé — в сердцевину дерева. Я слышу голос Сенгора с его противопоставлением черного и белого человека, мятежного духом Сартра, Франца Фанона. Да, Франца Фанона, порывистого, как ураган. Я вспоминаю Эме Сезера и его удивительное перо, которое стало оружием восставшего против насилия антильского негра. Я вспоминаю всех людей, кто был причастен к движению за права негров. Одни пали в бою, как Мартин Лютер Кинг, другие вышли победителями в этой борьбе. Итак, война объявлена. Настало время борьбы за освобождение черных людей, и она должна разгораться.

Да, я знаю: Витора Мануэла уже не пошлют есть на кухню, и он тоже это знает. Но он знает и другое. То, о чем предпочитает молчать, делает вид, что забыл, потом припоминает, раздумывает, притворяется, будто не замечает, не слышит, а сам все отлично слышит, только делает вид, будто не слышит — столько раз хочет забыть и даже простить о, люди, но простить-то он не может, он думает, он размышляет и словно бы и забыл обо всем, но не забывает, мужество покидает его, снова возвращается, то оно у него в избытке, то иссякает, а тут еще матушка Жожа со своими советами, довольно, он ими сыт по горло, когда его обижают, он ни у кого не просит совета, когда ему говорят такое, это все равно, что дают пощечину или бьют палкой, и ярость поднимается в нем, подступает к горлу — гнев закипает и становится совсем невмоготу, когда в воскресный день он мирно возвращается домой, а на углу какой-то сукин сын обзывает его черномазым, а чуть раньше в Зоологическом саду, когда он беззаботно и весело разглядывает зверей, какой-то кретин, иначе такого типа и не назовешь, сын уличной потаскухи спрашивает у него с издевкой, боятся ли чер-

номазы в Африке львов и пантер, и в эту минуту ему нестерпимо хочется плюнуть обидчику в физиономию и расцарапать ногтями эту опухшую лоснящуюся рожу, а когда на перекрестке ему встречается расфуфыренный пижон, вырядившийся под американского хиппи, и говорит приятелю: я уронил монету, гляди, идет черномазый, пусть поднимет — словно он мальчишка на побегушках, тут уж ни один человек, каким бы терпеливым он ни был, не выдержит, не стерпит обиды, чем он хуже других, и пусть этот красавчик убедится, что с ним шутки плохи и что издеваться над собой он никому не позволит.

Да, Витор, тебя уже не пошлют есть на кухню, но ты не сумеешь смириться и с тем, что безропотно сносят другие, и совсем не желаешь — это я точно знаю — мириться с несправедливостью, так ты по крайней мере решил. Я в тот день был так ошеломлен, что не сказал тебе ни одного дружеского слова, чтобы поддержать в тебе мужество, которое так необходимо пылкому юноше, взбунтовавшемуся против предначертанной ему от рождения судьбы раба. Поэтому вечером в начале октября, сидя у себя в кабинете, среди книг, окруженный ритуальными масками, копьями, стрелами, луками, ножами и кинжалами, цимбалами, тамтамами, фигурками африканских божков, окруженный мыслителями, домовыми, колдунами, всем этим миром, дремлющим для тебя во времени и растворенным в пространстве (впрочем, может быть, я и ошибаюсь), здесь, сидя на диване в своем доме, слушая спиричуэлз Беллафонте и внимая шуму дождя за окном, я с нетерпением поджидаю прихода тетушки Жожи и твоего прихода, Витор. Я вспоминаю живой рассказ ньи Жожи и намереваюсь кое-что у нее позаимствовать, такая уж у меня привычка, почти мания — заимствовать все, что я слышу, рассказывать то, что вижу. А Витора я жду в надежде стать его другом, я хочу увидеть его спокойным, смирившимся (нет, не смирившимся — бей, барабан, бей! — стать покорным такому парню было бы хуже, чем открыто заключить союз с подлостью), я только хочу убедиться, что он обрел спокойствие. Я хотел бы, чтобы этот юноша полнее проявил свою индивидуальность. Наверное, ему есть что порассказать. Наконец-то, Жожа пришла. О, как я рад! Выхожу к ней навстречу, чтобы поздороваться. Но меня ожидает разочарование. Она пришла, но без Витора. Ужасно

жаль! Она пришла с доной Франсискиней, дальней родственницей моей жены Валентины. Минутой позже появляется дона Жужу Барбоза, с острова Фогу, вдова Сержио Фариа, уроженца острова Брова, капитана американского торгового судна (теперь он на пенсии) и друга известного поэта Эуженио Тавареса. Дона Жужу живет в собственном доме, не зная ни хлопот, ни забот, она сотрудничает в Обществе Красного Креста — здесь она обрела постоянный источник впечатлений на весь причитающийся ей остаток жизни. А дона Франсискиня, бедняжка, прожитые годы состарили ее, ни детей у нее, ни пенсии, да и здоровье не ахти какое. Но стоит ей чуть-чуть оправиться от болезней, она тут же начинает развивать бурную деятельность, чтобы добыть средства к существованию. Ей помогают знакомые, друзья и родственники, и, кроме того, вместе с соотечественником, часто посещающим Антильские острова, дона Франсискиня потихоньку занимается контрабандной торговлей. Говорят, она любит принимать подарки. Правда ли это? Увидев дону Франсискиню, дона Жужу ласково обращается к ней: «О, моя милая, я так давно тебя не видала. Как поживаешь? Как твое здоровье?» Что могла ей ответить бедная дона Франсискиня, истерзанная жизнью? «Здоровье мое, подружка, пошатнулось, и я целиком во власти божьей. Чаще падаю, чем поднимаюсь, ох, дайте мне сперва немного отдышаться.— И она опустилась на диван.— Меня донимает лихорадка, но я стараюсь не поддаваться. А как твое здоровье, Жожа?»—«Я, подружка, слава богу, не могу пожаловаться». Итак, нас собралось пятеро — дона Франсискиня, дона Жужу, дона Жожа, Валентина и я. Дона Лусинда не пришла. Жожа тут же сообщила новость: «Дорогие мои, наконец-то я дождалась своего часа. Еду на родину. Уже заказала билеты на теплоход «Ана Мафалда». Буду наслаждаться жизнью. За проезд, конечно, не правительство заплатило, за все платит мой сын Роландо. На Зеленом Мысе ничего не стану делать. Найму служанку, она все приготовит, так что не о чем будет заботиться. Стану жить барыней, каждое утро пить кофе в постели».—«Да ты нахалка, Жожа, как я погляжу».—«А что же мне теряться? Дочка, свари для меня кофе с молоком и разогрей к завтраку булочки. Дочка, завтра утром к десяти часам приготовь теплую ванну. В назначенный час.— обед, потом после-

обеденный отдых в кресле-качалке, его делает для меня мастер Жон Сабина, — вперед-назад, вперед-назад, свежий бриз дует с моря, о, как хорошо, сама себе госпожа, прямо королева, и все это благодаря сыну Роландо, помогай ему бог. Вечером я отправлюсь в гости к Шенше, или доне Жертрудес, или к Динье — прямо глаза разбегаются, не знаешь, к кому лучше пойти. Надену красивое платье, дорогие туфли, все привезено из Лиссабона, чтобы похвастаться, пустить пыль в глаза». Дона Франсискинья возражает: «Ах, все это пустые мечты».

«Знаешь, — (говорила как-то Жожа доне Лусинде), — голландкам или японкам я завидовать не стану. На Саосенте женщины теперь все взяли в свои руки. Неужели я буду опасаться женщин? Какими бы отчаянными ни были эти голландки, до Жожи им далеко, мало кто может с ней сравниться. Всяк сверчок знай свой шесток, так ведь? У меня и счет в банке, чековая книжка в кармане, — и все это благодаря сыну Роландо. Вот вернусь в Лиссабон и привезу с собой новое белье, новые платья, пальто — все, что нужно, куплю у ньи Диди, которая получает посылки из Штатов. Слегка поношенная одежда из Штатов продается на Саосенте по дешевке — ведь ее купили в Нью-Йорке за бесценок, в комиссионном магазине на Бродвее, где видимо-невидимо белья и платьев из тонкого шелка, пальто наимоднейших фасонов и других вещей. Богатые американки наденут их разок-другой, и тут же несут в комиссионку на Бродвей. Эту одежду надо лишь привести в порядок, и она станет совсем как новая».

У тетюшки Диди торговля идет ходко, товары ей доставляет родственница Жермана, медицинская сестра, она замужем за пуэрториканцем. Итак, на Саосенте Жожа будет отдыхать, будет задавать тон, а пока здесь, до отъезда насочиняет с три короба, как только подвернется удобный случай, она уже привыкла фантизировать, и ей нелегко отказаться от этой своей привычки. Нья Жожа держит в руке наполненный до половины стакан вермута с ломтиком лимона. «Я не люблю виски, моя милая, я пью только в торжественных случаях, для храбрости», — и отправляет в рот орех кажу. Я вижу тетюшку Жожу в зале судебных заседаний в ее родном городке Минделу. Тогда она еще не располнела, и седины не было заметно у нее в волосах, но она уже тогда была кругленькая, как

пышка. Жожа выступает свидетельницей защиты, она говорит, что прекрасно знает отца подсудимого и его мать, знает его братьев и сестер. «И вообще Пидрин, сын тетушки Мари-Аны,— парень хоть куда, можете мне поверить, господин судья. Его мать вплоть до самой смерти всегда была примерной хозяйкой, а отец, пока не уехал в Америку, куда его пригласил родственник, не чурался никакой работы и, хоть не прочь был пропустить стаканчик-другой грога, никогда ни с кем не затевал ссор. Обвиняемого, которого у нас зовут Пидрином, я помню с тех пор, когда он еще пешком под стол ходил, один год он проучился в лицее, но из-за бедности не мог продолжать занятий и пошел в солдаты, зарабатывал чем мог, что бог пошлет. Он парень рассудительный, разумом его природа не обделила, да, сеньор, я готова со спокойной совестью подтвердить это господину судье и всем присутствующим, я ведь пришла сюда не для того, чтобы давать ложные показания. Пидрин, сын Мари-Аны, любил погулять и покуролесить, этого у него не отнимешь, но он парень работающий и бандитом никогда не был, порядка тоже никогда не нарушал. Я знавала его еще ребенком, когда он жил в домишке, построенном отцом на вершине холма. Как дошли до нас слухи об аресте Пидрина? Известно ли мне, что ему вменяется в вину? Да как же я могла не слышать об этом, дружок, я еще в здравом уме. Как я отнеслась к слухам о происшествии в казарме? Они меня просто потрясли, господин судья. По совести и от чистого сердца вам говорю, они меня просто потрясли. Когда среди земляков пошли эти разговоры о Пидрине, я сразу не поверила. И даже сказала сестре Фаустине: что-то здесь не то, надо бы получше разузнать, не такой человек Пидрин, чтобы ни с того ни с сего на людей бросаться. Вы знаете, господин судья, что у нас за народ. Чуть что, сразу тут же начинают чесать языком. Я вот тоже вроде бы поговорить любительница, а какой от этого толк? Мы вот болтаем, не закрывая рта, а порой и сами не знаем о чем. Отец любил меня поучать: «Послушай, дочка, что я тебе скажу. В жизни нередко приходится поступать, как те три арабские обезьянки из басни: зажимать глаза, чтобы не видеть, зажимать уши, чтобы не слышать, закрывать рот, чтобы молчать». Вы, господин судья, сами знаете, люди частенько болтают лишнее и слышат лишнее, и видят лишнее, прав был

мой отец. Стоит ли мне продолжать?» — «Непременно, продолжайте, госпожа свидетельница. Суд интересуется общественное мнение. Вы, так сказать, глас народа, а ведь устами народа глаголет мудрость». — «Пожалуйста, если господин судья настаивает. Однако Жожка промолчит о том, что у нас здесь творится, я только повторю то, что говорят на улице, в пансионатах, в пивных, на базарной площади и тому подобных местах. Все это слышали. И никакого секрета тут нет». Тетушка Жожка взвешивает каждое слово, точно устанавливает на весах корзинку с земляными орехами. Она все твердит: я скажу то, я скажу се, я скажу всю правду, а сама ни с места. А может, она просто никак не соберется с мыслями и не сообразит, с чего начать? Спohватившись, тетушка Жожка говорит себе: «Осторожнее, Жожка, держи ухо востро, с судом шутить опасно. Многие дают ложные показания и возвращаются домой как ни в чем не бывало, но кое-кого за это судья засадил в кутузку. Клятвопреступницей быть негоже, боже упаси, а с судом шутки плохи, это всем известно». Судья пристально посмотрел на нее. И адвокат защиты, доктор Лопес де Баррос, тоже пристально посмотрел. Они глядели на Жожку и видели ее колебания, опасения, даже страх — тот самый страх, что пиявкой впивается в человека, в тебя, в меня, во всех нас и унижает и тебя, и меня, и разрушает душу каждого, — безотчетный страх, который мешает нам высказать то, что мы чувствуем, то, что мы знаем, мешает подтвердить истинную правду. О люди, да разве правда-матушка заслуживает божьего наказания? Адвокат, видя колебания и опасения тетушки Жожки и угадывая ее замешательство, попытался ее ободрить: «Госпожа свидетельница, говорите все, что вам известно, ничего вам за это не будет. Суд интересуется, что вы думаете и что говорят в народе. Суд заседает здесь для того, чтобы принять справедливое решение, а не для того, чтобы осуждать невиновных. Ваши показания для нас очень ценны». И тут тетушку Жожку внезапно осенило. Ведь она сама обсуждала новость с подругами, сама рассказывала им то, что слышала на Новой площади, или у себя дома, или где-то еще, не имеет значения, где именно. Она вдруг преисполнилась уверенности и решимости — так благотворно подействовали на нее слова доктора Лопеса де Барроса. Если так говорит Лопес де Баррос, ее земляк и двоюрод-

ный брат, уж кто-кто, а он-то законы знает как свои пять пальцев, этот человек отдает себе отчет в своих поступках, никто не помогал соотечественникам больше, чем он, и законы доктор назубок выучил, говорит — буд-то по-писаному читает, и никто не смеет его прервать, пока он пытается выяснить истину, — раз Лопес де Баррос так сказал, значит, нечего опасаться. И она отбросила колебания. «Да ведь то, что я расскажу, у нас ни для кого не секрет».

Тетущка Жожа дожевала орех кашу, допила вермут и поставила стакан на желтый индийский поднос, красовавшийся на черном лакированном столике, привезенном из Японии. «И вот я дала себе волю и пошла чесать языком. Такого судилища люди не припомнят за всю историю существования Минделу. В зале суда яблоку негде было упасть. Там собрались военные, собрался народ со всего нашего Саосенте, кто в шикарных туфлях, кто босиком. Пришли даже батраки и поденщики, что слушают по воскресным дням, как Жоржи Корнетин играет на гармонике. Они, конечно, не сидели в зале заседаний, а толпились на улочке, что ведет к зданию суда. Зато они топтали ногами и кричали, как люди, от всей души наслаждающиеся зрелищем, которое доставляет им удовольствие. Многие остались на улице, ведь зал был битком набит. И с первой до последней минуты никто не тронулся с места, пока судья не зачитал приговор. Можете мне поверить, Жожа никогда не лжет. Про себя скажу: едва я начала говорить, мои милые, так меня понесло, понесло, и я уже никак не могла остановиться. Замолчала, лишь когда меня прервал адвокат: «Спасибо, нья Жожа, довольно». Пока я говорила, никто в зале даже не шелохнулся. Судья спросил: «Все, что вы сейчас нам рассказывали, вы сами слышали?» — «Все, как есть, в точности вам изложила, господин судья». Посмотрела я на Пидрина, сидящего на скамье подсудимых, и подумала: откуда мне знать, отчего это с ним приключилось, виновата ли тут его дурная голова или еще что, только я, как свидетельница защиты, имею право рассказать все, что слышала, этого права у меня никто не отнимет, тем более что доктор Баррос тоже это подтвердил. Взглянула на жертву покушения, капитана Круза, — физиономия у него постная, губы поджаты — и вручила свою судьбу в руки божьи. Вы помните, в те времена провинившихся

подвергали наказанию палматорио*? Разве зеленомысцы могли с этим примириться? На Саосенте и в Прае наказание это давно отменили, потому что все кругом возмущались и военный комендант получил анонимное письмо — сочинил его, судя по всему, ньо Афонсо, муж ньи Ноки, которого позднее в Таррафал отправили. Военный комендант приказал произвести расследование, расспросил людей, внимательно все выслушал, поразмыслил, и с палматорио было покончено навсегда. А капитан Круз, начальник Пидрина, был непроходимый тупица, да к тому же еще злой как черт. У него у самого было рыльце в пушку, он связался с одной женщиной, женой Лелы Баррадаса, особой весьма предприимчивой и неразборчивой, она никого не пропускала. Однажды Лела перехватила письмо капитана Круза, но промолчал и затаился. Когда же он отправился в отпуск в Лиссабон, прислал оттуда жене копию письма и возбудил дело о разводе. Теперь Эва второй раз замужем. Везет же людям! Так вот, этот капитан хороводился с Эвой и, кажется, собирался перевестись в Мозамбик, служить в тамошней полиции. Не любил он наших земляков, злобный был, как дикая кошка. Хуже, чем он, трудно было сыскать человека на всем архипелаге. Когда солдаты возвращались в казарму позже назначенного срока, он вызывал их к себе и жестоко избивал палматорио. Если бы он посадил провинившихся на гауптвахту или придумал еще какое-нибудь наказание, на зеленомысцев это бы не произвело никакого впечатления, они продолжали бы нарушать дисциплину, но зато палматорио действовало безотказно. Наши ребята из Монте-де-Сосегу, Шао-де-Алекрина и других населенных беднотой кварталов — народ отчаянный, привыкший ко всяким передрыгам, они не являлись в казарму в назначенный срок и знать ничего не желали о комендантском часе и, уж конечно, не думали о наказании. А капитан каждый раз устраивал им взбучку. Но кому не известно, что зеленомысцы — народ гордый и не выносят телесных наказаний, хотя кого из нас не пороли в детстве, и здорово пороли. Итак, стоило кому-нибудь опоздать, как капитан Круз требовал ви-

---

* Палматорио — тяжелый деревянный круг с отверстиями для пальцев. Приговоренных к наказанию били этим кругом по голове.

новного к себе в кабинет и тут уж ему доставалось на орехи. Однажды Пидрин пропустил сигнал к вечерней поверке и заявился в казарму только ночью, около часа. Едва он переступил порог, капитан вызвал его к себе. Пидрин, сын тетушки Мари-Аны, парень самостоятельный, в обиду себя не даст. Перед армией он несколько лет работал грузчиком в порту, но по нему никак не скажешь, что это голодранец, он ведь и в лицее учился, юноша с понятием. Как только капитан приказал ему явиться, Пидрин сразу смекнул, в чем дело, он знал, что в таких случаях бывает. Он подошел к двери капитанского кабинета, где уже ждали его капитан, сержант и капрал. Капитан велел ему войти. Пидрин вошел. «Почему ты опоздал к вечерней поверке?» — «Я не успел, господин капитан. Время спутал». На самом деле Пидрин ничего не спутал: он прекрасно знал, который час, знал, что опаздывает и что ему всыпят по первое число. Все это Пидрин знал наизусть, но не было сил расстаться с красоткой Зулмириньей, которая казалась ему милее всех на свете, не мог он пожертвовать ее обществом ради вечернего построения. Не мог он расстаться с Зулмириньей и веселой компанией, которая танцевала под оркестр из гитары, скрипки и кавакиньо, наярывающий самбы. Славную вечеринку они устроили, Пидрин танцевал с Зулмириньей, сжимая ее в объятьях; то и дело касаясь щекой ее лица: «Милая, ты слаще меда!», а потом они улизнули на задний двор. Наступил час вечерней проверки, а он, словно зачарованный, все не мог сдвинуться с места, ничего вокруг не видел, кроме Зулмириньи. Капитан отдал приказ часовому, чтобы тот доложил ему, как только Пидрин явится. И вот он появился, часовой велел ему немедленно отправляться к капитану Крузу, но тот сначала зашел в казарму, а уж потом отправился к командиру. Он постучал в дверь кабинета. «Да, да, входите!» Пидрин отворил дверь, вошел, приблизился к капитану Крузу, а сам наблюдал за ним краешком глаза. Капитан с виду казался спокойным, но спокойствие это было обманчивое. Просто он умел хорошо владеть собой. Кроме капитана, в кабинете были еще дежурный сержант и капрал. Этот капрал, некто Жозинья, был местный уроженец, с Сан-Висенти, правая рука капитана в таких делах, да и в некоторых других — поопасней. Сволочной тип, товарищи его ненавидели, земляки не раз

хотели ему морду набить, да все не решались, как-никак он военный, а военных обычно побаиваются. С этим молодчиком Пидрин познакомился на гулянках — еще до того, как пошел в солдаты, тот промышлял в гавани контрабандой, работал в Табачной компании и таскал для приятелей сигареты. Вообще раньше он казался неплохим парнем. И вот этот неплохой парень поступил в армию и сразу переменялся. Такой сволочью стал, что Пидрин решил: дайте мне только срок, отслужу свое и уж непременно подкараулю его в каком-нибудь темном переулке, в квартале Рабо-де-Салина, я ему покажу, почем фунт лиха. Пидрину оставалось служить еще целых полтора года, и дня не проходило, чтобы он не мечтал разделаться с Жозиньей. Где это видано, чтобы земляк стал подлизой и подхалимом и ходил у начальства в любимчиках, а на своего соотечественника смотрел свысока: я, мол, капрал, а ты простой солдат? Да что толку сейчас говорить об этом?! Вот когда кончится срок службы в армии, Жозинья на всю жизнь запомнит его науку — говорил себе Пидрин. Капитан приказал ему подойти поближе. Пидрин повиновался. Существуют приказы, которым солдаты повинуются беспрекословно, и Пидрин не стал долго рассуждать. Он пододвинулся, но только чуть-чуть, на два шага, если не меньше, и застыл как вкопанный. Сделал два крошечных шажка, а сам тем временем лихорадочно обдумывал свое положение. Он смотрел на капитана Круза, затем на сержанта Мату, затем на капрала Жозинью, известного у нас под прозвищем капрал Собачье Дерьмо. Он следил за его жестами, впивался взглядом в сумрачное, не предвещавшее ничего хорошего лицо. Сержанта Пидрин не опасался. Он был хороший, добрый человек и солдатам друг. Однако капитана Круза и капрала Жозинью по прозвищу Собачье Дерьмо, с которым он не преминет свести счеты и здорово проучит, дайте только срок, приходилось побаиваться. «Подойди сюда», — сказал капитан, и Пидрин понял: с этим шутить опасно. Ничего не поделаешь, Пидрин еще немного продвинулся вперед. Совсем чуточку. Выполнил все в точности, как полагалось по уставу. С силой ударил левой ногой по полу, слегка выставил правую ногу и щелкнул пятками. Капитан опять приказал ему подойти, и Пидрин сделал еще один шаг. Он стоял по стойке смирно, пятки вместе, руки по швам,

кисти повернуты внутрь, подбородок приподнят. Капитан Круз по привычке напомнил ему исходную позицию: «Ну-ка встань правильно, по стойке смирно: пятки вместе, носки врозь, руки опущены, ладони широко раскрыты, пальцы растопырены, руки слегка касаются туловища, голова приподнята, подбородок вздернут, да что ты напыжился, не стой как чурбан, вот чучело огородное!» Пидрин слегка расслабился — насколько это было возможно в таких условиях, но левая рука оставалась словно привязанной к телу. «Ты еще не отдал мне честь. Слушай, ты, разве тебя не учили отдавать честь, когда приближаешься к старшему по чину? А ну-ка давай попробуем». И вот Пидрин по всем правилам отдает честь. Рука вытянута на уровне плеча и слегка согнута, пальцы растопырены. «Так, так!» Пальцы раздвинуты, расстояние между указательным пальцем и большим должно быть равно дюйму. «Именно так! Вот мы и начинаем понимать друг друга. И не смотри на меня, парень, такими злыми глазами, потому что я ни тебя, ни любого другого сукина сына вроде тебя не боюсь. Я среди солдат нахожусь очень давно и знал молодцов похлеще, чем ты, и то никогда не пасовал перед ними, понятно? Соображаешь, что к чему? Ладно, я вижу, ты начинаешь соображать». Капитан терпеть не мог Пидрина. Просто не выносил. Солдат он был вялый, разболтанный, все делал из-под палки, армейской службы не любил и не ценил, плевал он на эту службу. Капитан испытывал к нему отвращение. Впрочем, он вообще мало кому из подчиненных симпатизировал, частенько шпынял их и бил без причины. Но некоторых он особенно невзлюбил, и Пидрин оказался в их числе. У этого парня был вид типичного штафирки, такие не очень ревностно относятся к своим обязанностям. К тому же капитана раздражали усики Пидрина, так и не удалось заставить его сбрить их, эти усики были и на фотографии, хранящейся в личном деле Пидрина. Итак, Пидрин безразлично относился к службе в армии, и капитан испытывал к нему непреодолимую антипатию. И вот Пидрин стоит перед ним, согласно уставу — по стойке смирно, он проштрафился, и его призвали к ответу — согласно уставу. Но что бы ни гласил устав, остальное зависело теперь от капитана, и Пидрин следил за каждым словом, за каждым жестом Круза и Жозиньи. Время от времени он испуганно вздрагивал

от какого-нибудь резкого движения капитана. Сержант — славный парень, его Пидрин не опасался.

Капитан Круз пристально глядел на Пидрина. Этот солдат прямо-таки напрашивается на строгое наказание, ведет себя так, точно он не в казарме, а у себя дома, точно он не обязан соблюдать устав, а ведь устав для того и существует, чтобы его соблюдали, хотя его и сочинили при царе Горохе, как острил командир их батальона. Беда, если солдаты вдруг перестанут соблюдать устав, армия превратится в балаган. «Послушай, почему ты все-таки опоздал к вечерней поверке?» Как же, держи карман шире, так Пидрин и станет сейчас перед тобой исповедоваться. Да и что толку, если он даже, предположим, и признается, из-за чего опоздал. К чему это приведет? Капитану вовсе не обязательно знать о его личной жизни. Смешно было бы рассказывать, что Пидрин протанцевал весь вечер с Зулмириньей, что Зулмиринья — красotka, лучше которой на всем белом свете не сыскать, что он давно увивается за ней, и как раз этим вечером, два часа назад, а может, чуть позже, в уголке сада нья Жулы Рикеты Зулмиринья была с ним и ему принадлежали ее губы, ее поцелуи, ее пылающие щеки, и эти горящие, как звезды, глаза, и это учащенное дыхание — все принадлежало ему и только ему, девушка вся дрожала в его объятиях. Но неожиданно на крыльцо вышла нья Жула Рикета, он отпрянул назад и спрятался за угол дома, а Зулмиринья одернула платье, поправила растрепавшиеся волосы и — давай бог ноги — бросилась наутек. Вот незадача! И все же она была с ним два часа назад, а теперь он, видите ли, должен объяснять капитану, почему не явился к вечерней поверке, как бы не так, нашел дурака. Пидрин ни словом не обмолвился о Зулмиринье. Просто он не заметил, как пробежало время, думал, еще рано. Капитан Круз сидел молча, с окаменевшим лицом, потом он поднялся, встал около письменного стола, все еще сохраняя спокойствие, и оперся на стол левой рукой, а в правой он держал хлыст, который мерно покачивался туда-сюда. Капитан взглянул на капрала, тот мгновенно догадался о его намерении, придвинулся чуть ближе, и Пидрин оказался в ловушке. Сын тетушки Мари-Аны вздрогнул: сейчас что-то произойдет. «Так, значит, ты не заметил, как пробежало время, ты не знал, который час?» Теперь капитан поло-

экил правую руку на рукоятку хлыста и потер ладони. «Так, стало быть, ты не знал, который час?» Он потер ладони, ухмыльнулся, погасил в пепельнице сигарету, снова ухмыльнулся и потер ладони, хлыст продолжал мерно раскачиваться из стороны в сторону — тоненький, гибкий, элегантный хлыст. «Подойди сюда». Капрал Жозинья немного пододвинулся и встал с правой стороны от Пидрина. Капитан — напротив него. Сержант — слева. Круг сужался. «Подойди сюда», — приказал капитан. Приблизиться к нему? Ну уж дудки, больше он не тронется с места. «Подойди сюда!» — и опухшие глаза капитана сверкнули холодным блеском. Пидрин собрался с духом и сказал: «Я опоздал на вечернюю поверку и заслуживаю наказания. Пусть господин капитан назначит мне наказание, полагающееся по уставу». «Так ты требуешь наказания по уставу? Вот как? Я вижу, ты отлично разбираешься в уставе. Превосходно! Такие brave парни и должны служить в армии. Только почему ты не считаешь нужным соблюдать устав и не опаздывать хотя бы на вечернюю поверку, почему совершаешь множество других нарушений?» Капитан Круз неуклюже повернулся всем своим грузным телом в сторону нарушителя дисциплины. Пидрин больше не колебался, в нем клокотала, в нем кипела ярость. «Если только он посмеет поднять на меня руку, сто чертей ему в глотку, если только он меня хоть пальцем тронет, я на него брошусь, разрази его гром, я ему покажу!» Во рту у Пидрина пересохло, язык прилип к гортани, все мышцы напряглись, он стиснул зубы. «Тысяча чертей ему в бок!» Капитан, тяжело ступая, подошел к провинившемуся. «Ох, как хочется вцепиться ему в физиономию!» Глаза у Пидрина метали молнии. «Ах ты, змееныш! Получай, что положено по уставу, сукин сын!» Капрал придвинулся почти вплотную, Пидрин оказался зажатым между ними, он не мог двигаться, но ведь он не связан и не скован цепью, руки у него пока свободны, ноги — тоже, он просто во вражеском окружении, ну и что из того? Никто его не удержит! Пидрин рванулся из ловушки, разъяренный, как дикий кот, и в тот момент, когда капрал хотел броситься ему наперерез, он ударил капрала ногой в пах. Тот взвыл от боли и повалился на пол, но едва взбешенный капитан замахнулся на него хлыстом: «Ах ты, негодяй», — Пидрин, не помня себя от гнева,

выхватил нож, спрятанный слева за поясом, и крикнул: «Если вы меня ударите, я убью вас!» Капитан подошел ближе, угроза Пидрина не произвела на него никакого впечатления. Этому все было нипочем. Пидрин замахнулся ножом и, конечно, всадил бы его в капитана, но тут вмешался сержант. Он-то и спас жизнь капитану Крузу, он же и остановил капрала Собачье Дерьмо, который уже занес над Пидрином палматорио, чтобы ударить его по голове. Все было кончено. Да, теперь хорошо говорить: все было кончено. Пидрина взяли под стражу, закон есть закон. Он обвинялся в неподчинении старшему по чину и нанесении телесных повреждений, да еще ему приписали преднамеренность действий — отягчающее вину обстоятельство. А знаете, Пидрин не виноват, он первый не бросился бы с ножом на капитана Круза, Пидрин бы себе этого не позволил, я уверена. Это какой-то злой дух в него вселился. Сам Пидрин не способен на дурной поступок. Вот я и все как есть рассказала суду, что люди говорят. Выложила начистоту. Господин судья подозрительно на меня косится, и я тоже гляжу на него с недоверием. Ну что я могу сказать в заключение? Правда ли это, нет ли, откуда мне знать?»

Но суд все-таки поверил тетушке Жоже, иначе Пидрин, сын Мари-Аны, получил бы высшую меру наказания. Ведь задача суда в том и состоит, чтобы разобраться, где правда, а где ложь. «Что Пидрин мировой парень, я в этом не сомневаюсь, могу поклясться спасением своей души, господин судья. Люди рассказывают, будто друзья капитана Круза хотели здорово насолить Пидрину. Выручил его один приятель, он изложил все честь по чести моему двоюродному брату Лопесу де Барросу; да, вспомнила: его фамилия Карвальо, он армейский сержант, он еще завел подружку на Саосенте и построил дом на вершине холма, а когда уехал в Лиссабон, забрал с собой обоих сыновей. Это был истинный друг зеленомысцев, он всегда охотно участвовал в наших праздниках и вечеринках и любил ходить по трактирам — то к одному в гости заглянет, то к другому, поест кашуны и выпить грогу. Звали его сеньор Карвальо, так вот, он предупредил доктора Лопеса де Барроса, и тот поспешил в столицу, чтобы защитить невинно осужденного. Наши ребята народ отчаянный, этого у них не отнимешь, но бывает, что их наказывают ни за что ни про что. Капи-

тан первый начал измываться над Пидрином. Кто же такое стерпит? Истинная правда: если обижать человека без всякой причины, просто так, по злобе, рано или поздно обязательно получишь по заслугам — отольются кошке мышьи слезки. А Пидрин замечательный парень. Я знала его еще ребенком, этот не потерпит издевательства над собой. Товарищи Пидрина, солдаты, тоже возмущались, когда их наказывали за опоздания, только ни у одного из них не хватило мужества протестовать. В армии возражать начальству не принято. А Пидрин, сын тетушки Мари-Аны, человек гордый. Вот он и решил дать отпор этому капитану. Кое-кто утверждал потом, будто Пидрин обдумал свой план заранее и даже сговорился с какими-то подозрительными людьми. Однако наш земляк Лопес де Баррос все поставил на свои места, и всем стало ясно, что Пидрин ничего такого не замыслил. Преднамеренность действий отягчает вину. Да чтобы обдумать такое дело, надо не меньше суток обдумывать. Так или иначе, Пидрин своего добился, сомнений нет. Покушение на начальника оказалось действенным средством. С той поры капитан Круз никогда больше не осмеливался наказывать наших земляков палматорио или стегать хлыстом, этот наглец стал тише воды ниже травы. Пускай лучше порет ремнем своих детей, они этого стоят, если в отца пошли. Наказание палматорио вообще отменили в армии, военный комендант даже издал специальный приказ. Так говорил мой двоюродный брат Адриано, покойник, да будет земля ему пухом. Жаль мне тех, кто безропотно сносил побои, ну, да за одного битого двух небитых дают. Я навестила Пидрина в тюрьме. «Ты не раскаиваешься в том, что сделал?» — спросила его. «Никким образом, тетушка Жожа. Раскаиваться надо тому, кто совершил преступление». Я посмотрела ему в глаза и поняла, какой это мужественный человек. Пидрин отбыл наказание и уехал. Его удел — странствия. Люди говорят, не сладко ему живется на чужбине».

«Люди говорят». А правда ли это? Жоже и невдомек, что я тоже знаком с Пидрином. Я уверен, она и не подозревает об этом. А ведь я в самом деле знаком с Пидрином. Имя этого парня было тогда у всех на устах. Зеленомысцы даже морну о нем сочинили. Запрещенную морну, которую пели вполголоса. Я познакомился с Пид-

рином на Сан-Висенти, а потом встретил его далеко от родины. Имя этого боевого парня, портового рабочего, после судебного процесса было у всех на устах. Отбыв тюремное заключение, он куда-то исчез, потом вернулся, снова уехал и больше уж не возвращался; забытый на родине, он плыл по волнам безбрежного людского океана. Впрочем, «забытый» о Пидрине вряд ли можно сказать. Сын Мари-Аны принадлежит к тем людям, что привыкли испытывать судьбу и играть в прятки со смертью. «Первая торпеда с немецкой подводной лодки попала в машинное отделение, погибли два кочегара и два смазчика. На палубе пассажиры и команда металась в поисках спасательных шлюпок, и тут последовало еще два взрыва. Капитан и старший помощник пошли на дно вместе с судном, которое затонуло в течение двадцати пяти минут. В сумраке ночи мужчины и женщины ожесточенно боролись с волнами. Страшно даже представить себе такую картину! Наш соотечественник Педро Дуарте Рибейро, находившийся в спасательной шлюпке, бросился в воду и спас капитана английского корабля, который держал курс на Фритаун и подорвался на мине. После того как Педро Дуарте Рибейро вытащил из воды английского капитана (у того оказалась сломанной рука), он спас еще нескольких человек: члена судовой команды, инженера, смазчика и английского журналиста, вскоре, правда, скончавшегося». (Вырезка из газеты, издаваемой на португальском языке в Нью-Бедфорде; в центре — фотография Пидрина.)

Сын тетушки Мари-Аны — как вы уже догадались, Педро Дуарте Рибейро — это и есть его христианское имя — настоящий герой, проявивший мужество и решимость в минуту опасности. Так вот, я встретил его вдали от родных мест, и знаете где? В доме Брито Миранды, Мирандиньи, начальника отделения в Кофейном тресте, — тот был моим другом с юности, прошедшей на Сан-Висенти. В доме Мирандиньи царило веселье, музыка и танцы продолжались до самого утра, обильному угощению и напиткам, казалось, не было конца, все удивлялись пышности праздников, которые устраивал мой друг. Великолепная кашупа со всеми необходимыми приправами, жареное мясо разных сортов, нежнейшие тефтели, пирожки, крокеты — просто объеденье, аперитивы на любой вкус, мясо на вертеле со специями и под обильным

соусом, фрукты — сочные манго, с которыми могли сравниться разве что манго из Гоа, как утверждал Томазиньо Медейрос, отбывавший в Индии воинскую повинность, бананы в молоке, виноград и яблоки из Южной Африки — и сладости — я не сомневаюсь, что сладостей было вдоволь. Дом был полон гостей. Тут и молодежь, и старики — столпотворение, да и только. Для девушек и парней эти вечеринки — главное занятие их жизни. Развлечения, можно сказать, их профессия. Единственное дело, которое есть у них в жизни, — это окончить колледж. Ну, потеряют они из-за своей нерадивости годик-другой, не имеет значения, денег на содержание сына или дочки у родителей хватает. Вот они и развлекаются день и ночь: танцевальные площадки, кафе и рестораны, пляжи и, конечно же, вечеринки и пирушки, продолжающиеся иной раз до самого утра. Так проводит время «золотая» молодежь. Люди посolidнее, принадлежащие к узкому кругу избранных, собираются по субботам и воскресеньям то у одного, то у другого и веселятся, как могут, — наедаются до отвала и пьют столько, что диву даешься, как они не лопнут. Богатый ассортимент напитков: дорогие вина, старые, выдержанные вина, молодое виноградное вино, ликеры, бренди, и, уж конечно, не какого-то там 1920 года! Наилучший грог, прохладительные напитки, соки, пиво и виски, о, виски хоть залейся, бутылок всегда полным-полно, холодильник набит до отказа; на кухне огромные куски жареного мяса, кастрюли с гарниром, пирожки с мясной и рыбной начинкой, огромный бар, где бутылки стоят между кусками льда — ночь длинная и душная, как ее выдержать без холодного питья? В доме Мирандиньи развлекается самая знаменитая среди зеленомысских землячеств в Луанде компания. В самом деле, я не ошибусь, если скажу, что здесь собираются сливки местного общества и ни одного приезжего из метрополии. Впрочем, извините, есть тут один португалец, Пирес де Алмейда, известный своими статьями в местной прессе, жена его, Кандида Фейжо, — уроженка острова Санту-Антан. Ангольцев тоже здесь не видно. Окинем собравшихся беглым взглядом. Нет необходимости представлять их всех. Достаточно выбрать нескольких гостей наугад. Знакомьтесь: Марио Антунес, директор департамента финансов. Луис де Кастро, заместитель директора. Доктор Луз Монтейро (земляки

зовут его просто Монтейриньо), преподаватель колледжа. Налдиньо из Ангольского банка. Доктор Жардин Медина, ректор лицей, человек, пользующийся всеобщим уважением. Его брат — Жозе Медина, из Института кофе. Шурин Жозе Медины — Педро, муж ньи Даде, служит в Управлении национальной безопасности и слывет за подхалима и карьериста. Жоан Туда, двоюродный брат доктора Луза Мадурейры, полицейский комиссар при прокуроре республики, и так далее, все в таком роде. Разумеется, все мужчины явились с женами, друзьями, сыновьями и дочерьми, а как же иначе? Привели с собой приятелей и друзей своих детей — почему бы и нет? — и, конечно, приглашены обедневшие родственники и знакомые, что живут в муссеках*; родственники и их друзья; и еще те, что приходят угоститься на дармовщинку, поесть и выпить, главным образом выпить, ибо да будет вам известно, на вечеринках у Мирандиньи еды и питья хватает для всех. Но давайте еще раз оглядим залу. Смотрите, вот пошел танцевать со своей кузиной директор Судебных учреждений Шикиньо Маркес. Крато Монтейро ни на шаг не отходит от жены доктора Медины, прелестная женщина эта Коншинья! Хирург Фонсека-и-Соуза третий раз танцует с мулаткой Грасиетт, у него слабость к молоденьким незамужним девушкам легкомысленного поведения. Грасиетт очень опасная особа, она любит кружить головы женатым мужчинам. А вот поглядите, рядом со мной высший судебский чин, ныне пенсионер, Оливейра Гама, которого прозвали Жоаном Чернушкой. У него немного мозги набекрень, он обожает рассказывать пикантные анекдоты. Оливейра Гама развалился в кресле и с наслаждением перебивает кому-то косточки. А теперь взгляните на кирпично-красную физиономию директора Информационного центра, обжоры и выпивохи, вон он сидит на диване в окружении пустых стаканов из-под виски, а молодые люди подтрунивают над ним. А какая панорама открывается с веранды седьмого этажа, где живет Мирандинья! Отсюда видны огни вечернего города, бухта и вдалеке очертания залива; с океанского побережья доносятся порывы свежего ветра, то сильные, то едва ощутимые, но неизменно

---

* Муссеки — населенные преимущественно африканцами пригороды ангольской столицы.

несущие прохладу; на веранде тоже сидят гости, со своего места я вижу Томазиньо Медейроса, он беседует с Манекасом, администратором анклава Кабинда, и замечая главного редактора газеты «Диарио де Ангола», уж наверное, он уединился здесь с Луизой Перпетуа, светложкожей мулаткой, отличающейся изысканными манерами; время от времени она публикует в его газете лирические стихи собственного сочинения, но язычок у нее ядовитый, точно змеиное жало, она супруга Монтейриньо, преподавателя колледжа; рассказывают, однажды он накрыл их с поличным, но ничего не стал предпринимать, эдакий ротозей; однако не стоит перечислять остальных гостей, это ничего не даст для нашего рассказа, тем более читателю и без того уже ясно, что за публика собралась у моего друга. Итак, гости танцуют, едят, пьют, курят, шумят, смеются, шутят, несут околесицу, рассказывают анекдоты, злословят по поводу правительства, сидят по углам или бродят по комнатам, на веранде, по всей квартире. В разгар пирушки раздается стук в дверь. Бог мой, кто еще к нам пожаловал? Ну конечно, это Жижи, без Жижи не обходится ни одна попойка, Жижи никогда не танцует или танцует очень редко, мало говорит и совсем не умеет слушать собеседника, или это только так кажется, зато пьет он не переставая и при этом почти ничего не ест — отщипнет кусок мяса, ухватит еще кусочек чего-нибудь и с таким же мрачным видом, как вначале, возвращается домой. Падать Жижи не падает, даже когда споткнется, и способности соображать не теряет; с неизменным стаканом виски в руках он слоняется из угла в угол или забьется на кухню и начинает рыться в баре, где во льду стоят бутылки, а потом с интересом разглядывает всевозможные таганки и кастрюли на плите. «...Он садился обедать, а так как был он от природы флегматиком, то он начинал с нескольких десятков окороков, с копченых бычьих языков, икры, колбасы и других на-вино-позывающих закусок» *. Это отрывок из книги Рабле о Гаргантюа, человеке-великане, сыне Грангузье и Гаргамеллы. Жижи далеко до Гаргантюа, он совсем не такой. Жижи мало ест и много пьет, что и отличает его от Гаргантюа, отца Пантагрюэля,

---

* Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1966, перевод И. Любимова, с. 86.

человека, похожего на бездонную бочку: чем больше он ел, тем больше ему хотелось. Так вот, Гаргантюа, если верить хронике, был великаном, а Жижи тощий как щепка, не следует об этом забывать. «Вволю наигравшись, просеяв, провевя и проведя свое время сквозь решето, Гаргантюа почитал за нужное немножко выпить — не более одиннадцати кувшинов зараз, а потом сейчас же вытянуться на доброй скамейке или же на мягкой постели да часика два поспать сном праведника.

Пробудившись, он некоторое время протирал глаза. Тут ему приносили холодного вина; пил он его с особым вкусом»*. На рассвете у гостей Мирандиньи вновь просыпался аппетит и они набрасывались на еду: все так вкусно, пальчики оближешь. Одного Жижи ничто не интересовало, кроме выпивки. «Потом рассудили за благо подзакусить прямо на свежем воздухе. Тут бутылочки взад-вперед заходили, окорока заплясали, стаканчики запорхали, кувшинчики зазвенели.

— Наливай!

— Подавай!

— Не зевай!

— Разбавляй.

— Э, нет, мне без воды. Спасибо, приятель!

— А ну-ка, единым духом!

— Сообрази-ка мне стаканчик кларету, да гляди, чтобы с верхом!

— Зальем жажду!

— Теперь ты от меня отстанешь, лихоманка проклятая!

— Поверите ли, душенька, что-то мне нынче не пьется!

— Вам, верно, нездоровится, милочка?

— Да, нехорошо что-то мне.

— Трах-тарарах-тарарах, поговорим о вине.

— Я, как папский мул, пью в определенные часы.

— А я, как монах, на все руки мастер: и пить, и гулять, и молитвы читать.

— Что раньше появилось, жажда или напитки?»**

Когда мы задали этот вопрос Жижи, он расхохотался как сумасшедший, но так и не сумел на него ответить.

---

* Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль, с. 89.

** Там же, с. 51—52.

Жижи никогда не мог решить, что появилось раньше, жажда или напитки. И он отправляется за новым стаканом виски, возвращается и начинает изводить сидящего рядом собутыльника: «Ответь мне на такой вопрос, приятель: что сперва появилось, жажда или выпивка?» Мнения, к вящему удовольствию Жижи, расходятся. В одном только нет сомнений: когда выпьешь, сразу на душе легче становится. Он идет за новой порцией виски, возвращается со стаканом в руке, все такой же угрюмый, похожий на привидение и все так же спотыкается. Жижи расслабил узел галстука, снял пиджак, расстегнул рубашу сверху донизу, засучил рукава, брюки ему широки и едва не сваливаются с худого тела, волосы растрепались, под мышками выступили пятна пота. Окна распахнуты настежь, и в комнату проникает свежий ветерок — отрада для всех, кто живет и наслаждается жизнью. Мужчины снимают пиджаки и, следуя примеру Жижи, остаются в рубашках. Некоторые щеголяют в «балалайке», как называют рубашку с двумя карманами и короткими рукавами, «made in Масао»*, из искусственного или натурального шелка, дамы в легких шелковых платьях с большим декольте, и все-таки все изнемогают от жары. Жара любого доконает. Гости посолоннее тяжело дышат, чертыхаются. Никаких признаков близкого дождя нет и в помине, наверное, он вообще никогда больше не пойдет. «Мирандинья, когда ты поставишь у себя кондиционер?» Ишь ты, куда хватил! Можно подумать, будто Мирандинье некуда деньги девать, ему, бедняге, надо внести ссуду за покупку автомобиля да еще долг погасить — в прошлом году он занял солидную сумму для своей дамы сердца. Все истомились. Наконец наступает ночь, а часа в два или три утра приходит прохлада и становится легче дышать. К этому времени гости снова плотно закусили, выпили, и вновь появляется охота шутить и смеяться. Здесь говорят по-креольски и по-португальски — говорят на невообразимом, смешанном наречии. У Жижи дрожат руки, глаза ввалились, он едва держится на ногах, но один из всей компании изъясняется по-английски. Точнее сказать, пытается это делать. Время от времени он бросает ту или иную фразу по-английски. «Help yourself. Make yourself at home. Food or drink? By the way, speaking about food». (Угощайтесь. Будьте как

---

* Сделано в Макао (англ.).

дома. Вам положить закуски или налить вина? Кстати, о закуске...) И далее разговор идет о еде. Наконец приходит черед его коронного номера. Он обращается к присутствующим с вопросом: «What did come first, the food or the drink?» («Что возникло раньше: закуска или выпивка?») Потому что, когда Жижи в ударе, он не признает ни криольо, ни португальского, отвергает оба языка и говорит исключительно по-английски, как мы пытались только что воспроизвести, — то ли бросает кому-то вызов, то ли просто из бахвальства. В пристрастии к английскому у него находится единомышленник. Это инженер Жозе Ваз, знакомые зовут его просто Жо. У зеленомысцев все называют друг друга уменьшительными именами. Твоему земляку ровным счетом наплевать, инженер ты, дипломированный специалист или преподаватель лица — все мы, креолы, едим из одного котла, — обычно у нас обращаются друг к другу на «ты». Если Жо напьется вроде Жижи, он ведет себя точно так же. Признает один английский. Говорит по-английски или на худой конец на криольо, но ни в коем случае не по-португальски. Это, повторяю, все проделки Жижи. Когда он накачается виски, сам черт ему не брат. Но пока еще Жо не пришел. Никогда заранее не известно, явится он или нет. Что-то подсказывает мне, что сегодня Жо обязательно придет, и, чуя мое сердце, нас ожидает сюрприз, и уж я постараюсь, чтобы его присутствие не осталось незамеченным. Впрочем, это такой остряк! Жо с первой минуты становится душой общества, все непременно желают с ним познакомиться, да он и в самом деле человек незаурядный, вы сами потом убедитесь, прав я был или нет. А теперь спрашивается, зачем я нагородил весь этот огород? К чему такое длинное вступление? А к тому, что мне нужно ввести в повествование нового героя. Ведь к этому кружку избранных принадлежит и Пидрин. «Как Пидрин?!» — может быть, удивится кто-нибудь из вас. Представьте себе, Пидрин. Мир тесен. Его привели в Анголу странствия по свету. Пидрин, рабочий парень, грузчик из портового района Рибейра-Бота — все у нас помнят, как он бегал по улицам босиком, — стал вхож в привилегированное общество, и сегодня мы видим его на празднике, посвященном концу недели. И это еще не все. Он забежал к Мирандинье ненадолго, ему еще предстоит отправиться на вечеринку к директору Судебных учреждений или управляющему Ангольским банком,

к начальнику таможни, а может быть, и еще к кому-нибудь, и это лишний раз доказывает, что пригласили его сюда не случайно и что теперь Пидрин свой человек в кружке Мирандиньи. Удивительно устроен этот мир! Кто бы мог подумать, что мы встретимся с Пидрином в Луанде?

— Нья Жожа, знаете, ведь я тоже знал Пидрина.

— Ах, голубчик, с трудом могу в это поверить. Неужели вы и вправду знавали Пидрина тетуски Мари-Аны?

— Я встречался с Пидрином на Островах Зеленого Мыса, а потом в Анголе, в Луанде.

— Вы видели Пидрина в Луанде? Просто невероятно!

— Да, я его видел своими глазами.

— Как же он очутился в Луанде?

Охваченная радостным волнением, нья Жожа, казалось, вся светилась от счастья. Подумать только, я встречал Пидрина уже взрослым, может быть, у него теперь седина в волосах пробивается, и на лице морщины. Но, наверное, он все такой же худой и подвижный. Он обосновался в Анголе, после того как приехал с потоком эмигрантов с острова Сан-Висенти и два года проработал на плантации во внутреннем районе страны, около Бенгелы. Чего только ему не довелось вытерпеть! «Для вас, конечно, не новость, что с зеленомысцами в Анголе обращаются так же плохо, как с коренными жителями. И мы сразу ощущаем это. Ведь у нас на Островах расизма нет и в помине. Правильно я говорю или нет? В прежние времена в Анголе даже колонистов с Зеленого Мыса не было. Теперь иное дело. Наши земляки становятся фермерами. Одни считают, что это хорошо, другие — плохо. Не знаю. Я лично такой жизни не мог выдержать. Вечно пререкался с надсмотрщиком — придирчивым отставным полковником, у него явно не все дома. А потом вместе с двумя лихими парнями я дал тягу с плантации, только они нас и видели. Но это еще цветочки. Ягодки были впереди. Я хлебнул горя, скитался по всей стране, пока не попал сюда, в Луанду. Знаете, Луанда тогда ничего собой не представляла. Отстроили только нижнюю часть города, а на холмах было разбросано несколько домишек. Кинашиши, который теперь превратился в квартал с десятиэтажными домами, был простым муссеком, теперь в это даже трудно поверить. Но я его видел сам, своими глазами. С той поры все здесь переменилось. Вы уже слышали, что в Луанде соби-

раются строить небоскребы? Когда успели возвести столько домов, уму непостижимо! А ведь их уже после окончания гражданской войны построили. Все в точности как я вам рассказываю». Пидрин достает из кармана трубку, неторопливо насыпает в нее табак, раскуривает, затягивается. «Сперва никто не хотел брать меня на работу, не доверяли. Откуда ты пришел? Чем занимался раньше? Как сюда попал?» И Пидрин то рассказывает правду, то угощает меня невероятными небылицами — как ему подкажет жизненный опыт. «Узнал я, почему фунт лиха! Время было тяжелое, приходилось зарабатывать на жизнь всеми правдами и неправдами. Наконец мне удалось получить место в торговой фирме, где я служу и по сей день. Там я не гнушался никакой черной работы. И не стыжусь этого. Подметал, убирал комнаты, чистил, скоблил, передавал поручения, получал от клиентов деньги, мыл туалет. Представляете, Пидрин, уважающий себя человек, мыл туалет, честное слово, и много дней жил впроголодь. Я вкалывал, как каторжный, хуже, чем раб на плантации, хозяева оценили мое усердие и теперь я — коммерческий управляющий одного из крупнейших торговых домов в Луанде». Говорят, на все воля божья, но Пидрин вышел в люди только благодаря твердости характера, я уверен, именно это помогло ему найти свое место в жизни. «Я сейчас неплохо устроился, я холостяк и жениться не собираюсь, мне не улыбается на склоне лет стать отцом. Я тут завел было роман с одной глупышкой, а потом еле от нее отделался. Осталась она на бобах, теперь денег кланчит. Пусть выкручивается как знает. Сейчас у меня другая, беленькая-беленькая, совсем молодая девчонка, тоже хочет меня окрутить, ха-ха-ха, но она мне уже порядком наскучила. В женщинах недостатка нет. Сами приходят, садятся на краешек кровати, тут уж не зевай. А женитьба меня не привлекает», — повторил Пидрин. «Ты слынешь здесь ловеласом, Пидрин, и, наверное, не без оснований. От такой репутации трудно отделаться, да, вероятно, ты не очень-то и стараешься, клубничка-то все равно тебе достается. Я знаю, тебе удалось пожить возле жены твоего хозяина, женившегося на старости лет второй раз, да еще как пожить! Ну, перестань разыгрывать из себя скромника». Всем известно, что его любимое занятие — сворачивать молоденьких девушек. Это его новое хобби. Сбивать с пути истинного, посвящать их в тайны наслаж-

дения... «Сядь-ка ко мне на колени», прикоснется щекой, обнимет, приласкает, разок-другой поцелует, не спеша, с нежностью опытного волокиты, и разжигает в них любопытство и страсть. Приходит день и уходит день, Пидрин не спешит и не торопит события, не теперь, так чуть позже он своего добьется, он будоражит свою жертву, будит в ней чувственность, расстегивает платье, приобщает к любовным утехам, так что тело ее постепенно погружается в пучину греха, и тогда она сама просит продолжать, идти до конца, и, конечно, Пидрин с готовностью откликается на просьбу. А может, все это наговоры и сплетни? Все может быть. Я не рискнул бы ничего утверждать. И тем не менее в тот самый вечер в доме у Мирандиньи была Золина Морайс. Ее муж, военный, получил назначение в провинцию, и Золина, оставшись одна, пустилась в разгул, словно девица легкого поведения, говорят, Пидрин тоже приложил к этому немало сил. Я слышал, будто это Пидрин сделал ребенка Мари-Роке, что служит в министерстве финансов. Нет дыма без огня, частенько повторяет няя Жожа. Может быть, оттого-то Пидрин и начинает петушиться, как только заходит речь о его сердечных делах, у него появилась привычка обороняться, на всякий случай. «Ясное дело, каждому охота сунуть свой нос в мою жизнь, но я всем даю отпор. Хорошее жалованье, мощная машина шведской марки, ее здесь испытывали, комфортабельная квартира на восьмом этаже, на проспекте, что выходит к океану, громадный холодильник, полный всякой снеди, чтобы угощать гостей и приятелей, красивый вид из окна на залив — что за жизнь! Словно вызов прошлым страданиям. Дважды я уже побывал в Лиссабоне — ездил за границу по делам фирмы и сам не остался в накладе. Да, там все по-другому, в Лиссабоне совсем иная жизнь, но позвольте, я выскажу вам откровенно свое мнение: я предпочитаю Луанду. Я привязался к ней. Сам не понимаю, в чем дело. Наверное, напился воды из реки Бенго — есть такое поверье у португальцев. Каждую неделю мы устраиваем пирушки, развлекаемся, ходим в гости, то к одному, то к другому, здесь такие чудесные пляжи, вкусные моллюски, пиво, мясо на вертеле. Мы удим рыбу, охотимся. Зеленомысцу тут есть где развернуться. Он тратит все денежки, что зарабатывает. Но этому краю суждено большое будущее, вы слышали? Нужно, чтобы тебе везло, но многое зависит и от ловкости рук, от сообразитель-

ности. Я долго размышлял и теперь могу вам признаться откровенно: сдается мне, что не мой это удел — покоиться на кладбище в Луанде. Бывает, иной раз одолевает меня отвращение, вероятно устал я от такой жизни. А может быть, это влечет меня судьба? А куда? На Острова Зеленого Мыса? Ничуть не бывало. Наша родина — райский уголок, только сейчас она стала убогой. Нет дождей! Нет работы! Даже если выпадают обильные ливни, вот как сейчас, например, в сентябре, пусть даже все лето дождливое, все равно это ничего не меняет. Наступает год, кончается год, а голод не кончается. Я тоскую по Островам. Несчастный у нас народ и мужественный, только тяготеет над ним злой рок. А какую помощь люди у нас получают от правительства? Неужели для наших земляков и в самом деле нет иного выхода, как восстать, о чем постоянно твердит этот человек? * Я люблю слушать песни в исполнении Боба Дилана. Не знаю отчего, но его песни напоминают мне креольскую музыку. То ли морну, то ли коладейру. Нет, пожалуй, все-таки морну. Вечеринки в Луанде устраивают часто. Когда нет повода, мы сами его придумываем». На сей раз Пидрин говорит чистую правду. Без праздника и без шутки, без веселья и без танцев зеленомысец не может обойтись. И если он надолго оказывается в одиночестве, он начинает хандрить. Встреча друзей, пикник, прогулка, исполнение новой морны под аккомпанемент гитары — все может служить предлогом для пирушки, а если нет повода, надо его выдумать, как утверждает Пидрин, а уж Пидрин знает жизнь своего народа, как никто другой. Где бы зеленомысцы ни находились — у себя на Островах или на краю света, — жить уединенно, сидеть целыми днями взаперти, спокойно следя за ходом времени, — это не для них, от такой жизни можно с ума спятить, Это все равно что самому накинуть петлю на шею. Нет, лучше уж провести время в беззаботной компании, с друзьями. Вот потому-то и образуются тесные кружки зеленомысцев в Лиссабоне, в Бисау, в Дакаре, в Бразилии, в Лоренсу-Маркише, в Луанде и в других местах. Однако широко раскрывать двери своего дома для всех, принимать гостей со всей округи, радушно угощая их в любое время

---

* Имеется в виду Амилкар Кабрал — руководитель национально-освободительного движения в Гвинее-Бисау и на Островах Зеленого Мыса.

дня, — такое возможно только на Островах Зеленого Мыса. Вдали от родины креол замыкается в своей скорлупе, ест кашу, тапцует морну и коладейру, и, хотя почти ежедневно устраивает вечеринки, двери его квартиры распахнуты только для земляков, остальных он не пустит дальше порога.

«Ходили слухи, будто он уехал в Бразилию и там попал в неприятную историю в местечке Санто-Андре, неподалеку от Сан-Пауло. Будто он приволокнулся за одной девчонкой, а ее ухажер, бразилец, всадил в него нож». — «В кого, ня Жожя? В Пидрина?» — «Да, в Пидрина». — «Как же это? Ведь я встречался с Пидрином в Луанде». — «Так мне рассказывала моя двоюродная сестра Кандинья».

Вас интересует, как возникла идея устроить этот праздник у Мирандиньи? Фирмино Гусиные Лапы, молодой человек, принимавший участие в битве при Мукабе — видите, он там, у окна, наклонился к проигрывателю, ставит новую пластинку, — так вот, этот молодой человек вместе с Жижи и адвокатом Титой на подозрении у властей, поговаривают, что он якшается с террористами, хотя никто не знает наверняка, правда это или нет. Однажды под вечер они напились пива, хорошо закусили и стали придумывать, чем бы заняться. Тита позвонил Мадуреyre, полицейскому комиссару при прокуроре Республики: «Знаешь, твой двоюродный братец Фирмино тут набедокурил, так что приезжай поскорей, а не то у него отберут водительские права». Тот сразу примчался. И взбеленился, когда узнал, что все это выдумка и Фирмино ничего не натворил. Тут Жижи и осенило: «Раз уж Фирмино избавился от неприятностей, давайте отпразднуем это событие». — «Где же мы это отметим, Жижи?» Тот не смутился. Он никогда не смущается. Жижи решил: «У Мирандиньи дома». Они отправились к Мирандинье. «Понимаешь, — говорит Жижи, — Фирмино избежал крупного скандала, его едва не посадили в тюрьму и не лишили водительских прав, надо бы это спрыснуть». Мирандинья позвонил одному, позвонил другому, и народ собрался. Кое-кто сам пришел. Пронюхали откуда-то. Знаете, как это бывает? Паренек прогуливается у подъезда, слышит музыку, видит ярко освещенные окна, смекает, что люди веселятся, поднимается в лифте, стучит в дверь, спрашивает такого-то или такую-то, входит, и дело в шляпе.

Пока Пидрин раскуривает трубку, я сравниваю его, нынешнего, с Пидрином тех дней, когда происходило судебное заседание в Минделу. Все случилось оттого, что однажды вечером он потерял голову из-за Зулмирины, продувная бабенка водила Пидрина за нос, словно была честной девушкой, а сама-то давно уже стыд потеряла, с кем только не путалась. Теперь у нее куча детей от разных отцов, да еще случайных любовников целый хвост. А Пидрин превратился в совершенно другого человека, стал кутилой и соблазнителем молоденьких девушек, любит вкусно поест, да, он превратился в обывателя, вид у него теперь самоуверенный — мужчина, знающий себе цену. Он усвоил манеры солидного человека, повидавшего жизнь и умудренного опытом, ничего не осталось в нем от тогдашнего, одурманенного страстью Пидрина. «Если вы тронете меня пальцем, я убью вас!» — крикнул он капитану Крузу, и действительно заколол бы его ножом, если бы не вмешался сержант, — ведь в ту минуту буйствовал не он, Пидрин, а вселившийся в его тело дух, как утверждала на суде няня Жожя; тетка Пидрина, давно уже переселившаяся в мир иной, сказала об этом во время спиритического сеанса у нью Лусио Алфамы, няня Эрмелинда, жена нью Ноки, тоже подтвердила, что слышала ее голос.

«Значит, Пидрин жив и здоров?» — «Нет, он был жив и здоров». — «Стало быть, Пидрин умер?»

Боже мой, мне такая мысль и в голову не приходила! Я беру со стола стакан виски, подношу ко рту и нарочно медлю с ответом, тетушка Жожя, охваченная нетерпением, выжидающе глядит на меня.

Теперь уже никто не танцует. Гости едят, пьют, ведут беседу, флиртуют, дремлют, мечтают, шепчутся, выбирают пластинки, насмешничают, болтают вздор, рассказывают анекдоты, восторгаются, хвастаются, острят, отдыхают и, может статься, — откуда нам знать? — где-нибудь в укромном уголке на кухне, в кладовой или в ванной комнате, за дверьми или за шкапом обнимается какая-нибудь парочка, прижавшись друг к другу и учащенно дыша. А сейчас все взоры обращены на брата хозяина, Жулиньо Миранду, и молодежь, и старики слушают, как он читает свое любимое стихотворение «Со * Санто» ангольского поэта Вириато да Круша. «Это я, — говорит Жулиньо, — от-

---

* Со — сокращенная форма от слова «сеньор».

крыл Вириато да Круша, когда приехал в Луанду». Так оно и было на самом деле. Да, по приезде в ангольскую столицу Жулиньо развернул кипучую деятельность: не раз выступал с лекциями, участвовал в работе киноклуба, писал стихи, вступил в секцию культуры. Но ему приходилось служить, а служба предъявляла свои требования. Жулиньо постоянно разъезжал по стране — будь они неладны, эти поездки, — был в Бенгеле, в Маланже, в Лобиту, потом судьба забросила его на юг, почти на край света, и Жулиньо Миранда сделался бродягой — таков удел сыновей Зеленого Мыса. Без гроша в кармане, усталый, разочарованный, измученный одиночеством — друзей у него почти не осталось, — с опустошенной душой, мертвой, как тишина, он был на грани отчаяния. Затем Жулиньо возвратился в Луанду. Началось февральское восстание*, в городе стало опасно находиться. На каждом шагу баррикады, повсюду солдаты в защитной военной форме. Мало-помалу Жулиньо оставил поэзию и увлечение киноклубом, бросил прежние хлопоты и беготню по жаре и предался более приятным занятиям — пирушкам, попойкам, ища успокоение в беззаботной, не обремененной никакими обязанностями жизни, его не привлекал однообразный каждодневный труд. Где взять мужество и неутомимо продолжать идти по пустыне, где обрести бесстрашие, чтобы оказать сопротивление солдатам в защитной форме? Теперь Жулиньо любит обсуждать с приятелями футбольные матчи, выписывает из метрополии спортивную газету. И только когда он находится среди своих, среди земляков, в нем порой вновь загорается затаенный в груди огонь. Он знает, что здесь никто его не выдаст — соотечественники на предательство не способны. Жулиньо мысленно возвращается к временам детства и юности на Островах Зеленого Мыса, к временам своего приезда в Луанду, когда он призывал товарищей к борьбе против колонизаторов, он и теперь еще сохранил в сердце чистоту и приверженность прежним идеалам. Он мысленно возвращается к годам учения в лицее, к временам остросоциальной поэзии.

Вот со Сапто идет...

Солдная трость в руке.

Массивная золотая цепь под лацканом пиджака.

А в кармане у него — ни гроша.

---

* Речь идет о начавшейся 4 февраля 1961 г. национально-освободительной борьбе ангольского народа.

Жулиньо читает наизусть, голос его звучит мягко, почти нежно.

Когда со Санто проходит по улице,
Все выглядывают из окон.
«Добрый день, куманек...»

Жулиньо так понятна тоска, охватившая со Санто, человека в прошлом влиятельного и могущественного.

Со Санто был богачом...
Полновластным хозяином муссека.
Крестным отцом бесчисленных ребятишек.
А уж любовниц у него было без счету

Со Санто
Задавал пиры для всей округи.
Свадьбу дочери праздновал целую неделю.

Крестный отец бесчисленных ребятишек округи — вот каков был размах мулатов былых времен. Потом пришли белые, захватили власть. «Это мое, убирайся отсюда вон!» (впрочем, говорить вслух о таких вещах опасно, неприятностей потом не оберешься). И со Санто, горемыка, стал бедняком, без гроша в кармане. Тоску по минувшим дням, по былому величию, боль за загубленную жизнь со Санто его кровный брат по расе, Жулиньо Миранда, ощущает всем сердцем.

«Так, значит, он не умер?» — спрашивает меня Жожа с нетерпением. Я беру со стола стакан виски, подношу ко рту и нарочно медлю с ответом, тетушка Жожа охвачена нетерпением, она выжидающе глядит на меня. Наконец я говорю: «Его убили». — «Как убили?!»

«Подумать только, такая пропасть еды, а ведь уже четыре часа утра», — сказал Пидрин.

Рабле: «Требухи, сами понимаете, получилось предостаточно, да еще такой вкусной, что все ели и пальчики облизывали. Но вот в чем закорючка: ее нельзя долго хранить, она начала портиться, а уж это на что же хуже! Ну и решили все сразу слопать, чтобы ничего зря не пропадало» *.

Пидрин: «Пирушка продолжалась и на следующий день. Был праздник св. Браза. Это было три недели назад,

---

* Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль, с. 51.

в субботу, мы пировали у Луза Монтейро, осталось вдоволь закусок. Решили праздновать св. Браза и в воскресенье. И снова осталось много еды. Праздник продолжался и в понедельник, и отметили мы его, ей-богу, еще веселей. Знаете, кого я здесь встретил на днях? Я тут же узнал его, хотя и не виделся с ним много лет. Я был немного под мухой и решил подойти представиться ему, а потом сказать пару теплых слов по-креольски. Но получился бы черт знает какой скандал, а ведь нас обоих пригласили в гости. Нельзя же устраивать сцены в доме у друзей. Иногда необходимо взять себя в руки. Это был тот самый судья-индеец, доктор Нарананайке, что судил меня на Саосенте. Ну и шуму наделал тогда этот процесс, что и говорить! Вы помните тетушку Жожу, сестру хромой Фаустины, она выступала свидетелем защиты? Молодец баба! Однажды, уже после суда, няя Жожа сказала мне: «Пидрин, ты всегда был парень с головой, как тебя угрозило выкинуть такое? Поверь мне, я слов на ветер не бросаю, это совершил не ты, в тебя вселился злой дух». Няя Жожа увлекалась спиритизмом и не пропускала ни одного сеанса у ньо Лусио Алфамы, у него на Рабо-де-Салива был огромный барак, помните, наверное? Я призадумался над ее словами: пожалуй, она и впрямь права. Странные вещи со мной творились, взять, к примеру, историю с моей родной теткой, что умерла, когда я еще был совсем несмышлёнышем. Значит, я действительно стал тогда жертвой злых сил, слава богу, что теперь они оставили меня в покое. Не следует впутываться в чужие дела, не то привлечешь к себе внимание выходцев с того света».

Да, я прекрасно помню, как няя Жожа приводила на суде слова покойной тетушки Пидрина — ее дух заговорил во время спиритического сеанса у ньо Лусио Алфамы. У этого Лусио Алфамы всегда собиралось народу видимо-невидимо. В те времена на Зеленом Мысе не было специальной полиции, а священники предпочитали ни во что не вмешиваться. Один из них, ньо падре Франсиско, даже сложил с себя сан, сделался протестантским пастором, а потом отрекся и от протестантизма, застолбил местечко на рыночной площади и преспокойно торгует бананами, апельсинами и ямсом, продает овощи, разводит кур, даже рыболовством не пренебрегает, а теперь еще нашел себе подружку с острова Сан-Николау, возможно, он когда-нибудь и сам станет спиритом, как знать, и не такое слу-

чается... В те годы жилось спокойно, полиция не совала всюду свой нос и никого не притесняла. Это сейчас полицейских на Островах полно, просто наваждение. Ня Жю-жа не пропускала ни одного спиритического сеанса, разве что по болезни, она сама признавалась мне, что в Лиссабоне ей очень не хватает этих сеансов, и пока не удалось узнать, устраивает ли их кто-нибудь.

Около председателя разместилось главное ядро, создающее силу флюидов — силу спиритического притяжения; по краям — те, что пришли искать исцеления от хвори или избавиться от сглаза и наговора. Ньо Лусио начинает санс:

— Отче наш, дух Вселенной, озарите нас своим светом, ведь мы чтим ваши законы, установленные здесь и на других планетах...

Комната наполняется шепотом, все молятся в надежде обрести путь к истине и счастью.

— Великий очаг, Жизнь Вселенной, нам известно, что ваши законы возвышенны и не материальны, и мы подчиняемся им, как и все сущее во Вселенной...

Молящиеся поминают Великий очаг, призывают ангела-хранителя, пресвятую деву и Иисуса, нервы напряжены, тела содрогаются, молящиеся трясут головой, поводят плечами, отгоняя тех духов, что явились без приглашения, и ищут очищения от скверны, дабы принять иных духов — несущих радость, покой, исцеление от болезней. Тем временем ньо Лусио Алфама дает испить то одной, то другой женщине воды с флюидами — с ее помощью снизошедшее на них откровение станет более ясным и доступным для разумения.

Время шло, время бежало, духи спускались с небес, кружили поблизости, обнаруживали свое присутствие — и добрые, и зловредные; в кого-то вдруг вселялась чужая душа, и все видели, все понимали, чья это душа и что ей надобно; и, когда на Мари Куину снизошла благодать, она неожиданно закричала: «Люди! Дух закатил мне пощечину!» Началась кутерьма, люди стонали, пели, молили чепуху, рыдали, брюзжали, смеялись, бессвязно бормотали, стонали и охали, и, когда всеобщее возбуждение достигло высшей точки, ньо Лусио Алфама внезапно положил всему конец, и вновь воцарилась тишина. Злые духи только о том и думают, какую бы сделать гадость людям, и потому ньо Лусио Алфама стучал палочкой по столу и

властным голосом призывал соблюдать порядок — иначе сеанс был бы сорван, а кое-кто из его участников на несколько дней, месяцев или, может быть, даже на несколько лет попал бы под влияние духов тьмы, и тогда страждущие навсегда утратили бы мужество. Вот почему нью Лусио Алфаме безжалостно изгонял мятежных духов: «Вон! Вон отсюда! Что тебе здесь надо? Зачем ты хочешь смутить наш покой? Убирайся, убирайся с глаз долой! Негодяй! Дьявол!» И духи повиновались, исчезали, в комнате устанавливалась тишина, и нья Жожа клятвенно уверяет, что в тот день она слышала — явственно слышала — голос Эрмелинды, жены нью Ноки, тетки Пидрина, дух которой вселился в нью Мари Куппу. Эрмелинда утверждала, что в той истории с капитаном виноват не Пидрин, отнюдь нет, а Мане Педро, и все поняли, что это не Пидрин хотел всадить нож в капитана Круза, а Мане Педро, бандит, совершивший на Санту-Антане в голодные времена немало злодейств: он натягивал на себя козью шкуру, чтобы его не узнали, уходил в горы и там грабил, убивал местных жителей, а тела несчастных сбрасывал вниз со скалы. Все обращались в бегство, едва заслышав о приближении Мане Педро. Никому не удавалось поймать его, а потом он переселился на Саосенте и стал промышлять тем, что грабил иностранные суда в гавани. Однажды Мане Педро пырнул ножом какого-то шведского матроса, и тогда вся команда набросилась на него, его схватили, связали руки-ноги, прикончили и с проклятиями швырнули труп в океан — как будто его смыло с палубы волной. Тела Мане Педро никто никогда больше не видел, а душа его неприкаянная бродит по белу свету, так ему, значит, было на роду написано. Видно, дух Мане Педро вселился в тело Пидрина, и Пидрин едва не всадил нож в капитана Круза. Известно, что Мане Педро ненавидел военных, видеть их не мог, даже на картинках, поэтому Жожа была твердо уверена, что вовсе не Пидрин, сын тетушки Мари-Аны, замахнулся ножом на капитана Круза. Она не могла сказать этого на суде — ей запрещала вера. Она боялась, что спиритический центр в Бразилии, чего доброго, попросит у нее отчета или на нее обрушится гнев какого-нибудь мерзкого духа и она никогда больше не уснет спом праведницы, никогда больше не узнает радости в жизни, а то и разума лишится. С такими серьезными доводами трудно не считаться, кто же станет возражать! Должно быть, именно

по этой причине Пидрин неожиданно заключил наш разговор о нечистой силе такими словами: «Колдовство, сглаз, привидения или оборотни не вызывают у меня страха, но не стоит чересчур много рассуждать о спиритизме, эдак можно невзначай накликать злых духов из нижнего астрального поднебесья, ведь они бродят по свету и только и ждут подходящего случая, чтобы поиздеваться над простыми смертными. Так вот, я встретил судью-индийца в доме высшего судейского чиновника Оливейры Гама. Я его и прежде иногда видел, только он не узнавал меня или притворялся, что не узнает, а я делал вид, будто понятия не имею, кто этот сукин сын. Знаете, наши земляки в Луанде преуспевают, по крайней мере так утверждают коренные ангольцы. Конечно, это не совсем так, но то, что зеленомысцы оказались в основном на хороших должностях, я сам могу подтвердить. Ангольцев это, безусловно, задевает, и я их вполне понимаю. Они оканчивают учебные заведения и едут искать работы к черту на кулички, сами не знают куда. Зеленомысец отправляется в Анголу, анголец — в Мозамбик, мозамбиканец — в Гвинею и тому подобное. Но в то же время немало наших соотечественников живет в муссеках, под открытым небом, не имея крыши над головой; каждый надеется, что ему вот-вот повезет, но счастье обходит стороной. Я был моряком. Полмира объездил. Побывал в портах Африки, Средиземного моря, в Макао, на Тиморе, в Сингапуре, в Гонконге, посетил Гоа и Бомбей. Эти места сильно отличаются от наших, они так не похожи на нашу родину, что порой трудно разобраться, что там происходит. В каждом порту драки, пьяные потасовки. В Бомбее я оказался участником страшного скандала, хотя не я был его зачинщиком. Захожу я однажды в «Тадж-Махал», первоклассный ресторан, построенный еще во времена британского владычества, а швейцар при входе указывает мне на табличку: «Negroes not admitted *». «Ну какой же я негр?» — искренне удивился я. Швейцар молчит. «Молчащей собаке доверять не следует», — подумал я и говорю: «Послушайте, я не негр». Тогда он ткнул пальцем в мое лицо и в мои волосы, такой-разэтакий, а сам-то во сто крат черней меня. Я ему твержу, что я португалец, и упорно стою на своем. Вдруг откуда ни возьмись ему на подмогу подоспели два индийца — жалкие людишки, —

---

* Неграм вход воспрещен (англ.).

хотели было меня схватить и вытолкать за дверь, да не тут-то было. Я уже порядком нагрузился. Подпустил я их поближе и как залеплю швейцару по физиономии. Он и охнуть не успел, как я отделал его в лучшем виде. Поднялся шум, явился полицейский и забрал меня в отделение. Я проспал там всю ночь, а под утро смылся, ибо более близкое знакомство с индийскими тюрьмами меня не привлекало. Теперь скажите на милость, как вам кажется, правильно я поступил?» Наверное, Пидрин никогда не сможет стать смиренным. Непокорство у него в крови. Я слышал, ня Жожа говорила, будто это влияние Мане Педро или какого-то другого бунтаря, вероятнее всего преступника с Санту-Антана, — его дух бродит неприкаянный в христианском мире и не оставляет Пидрина в покое. «Существуют такие духи, — уверяла ня Жожа, — мерзкие духи, что вселяются в человека и не оставляют его в покое до конца дней, и тому ничего другого не остается, как идти к психиатру прочистить мозги — иного выхода нет». Пидрин к психиатру не ходил и мозги не прочищал, однако мало-помалу его слава драчуна и забияки стала тускнеть. Никогда ничего нельзя предугадать заранее. И вот вам: из портового рабочего, мальчика на побегушках Пидрин превратился в степенного буржуа.

«Знаете, ня Жожа, Пидрин погиб при трагических обстоятельствах. Он приистрастился к охоте. Однажды он отправился на автомобиле поохотиться, вместе с ним были инженер Ваз и Жижи. Пидрин вышел из машины, они остались. Вдруг на дорогу выбежала горная антилопа. Инженер Ваз прицелился и спустил курок в тот самый момент, когда Пидрин привстал из-за кустарника, чтобы тоже выстрелить. Пуля инженера Ваза разmozжила Пидрина голову. Трагическая получилась охота, ня Жожа». — «Подумать только — Пидрин погиб! Конечно, против судьбы не пойдешь. Как говорится, человек предполагает, а бог располагает».

Уже пять часов утра. Гости один за другим начинают незаметно расходиться. К наступлению дня праздник закончится. Впрочем, никогда ничего нельзя знать наперед. Все может затянуться и до самого вечера. Звонок в дверь, и в дом к Монтейринье вваливается новая компания. Это неожиданное появление новых людей либо расстроит, либо, напротив, оживит пирушку. Итак, в дом вваливается компания, и мы видим, что это дружки инженера Ваза.

Или, выражаясь общепринятым здесь языком, орава Жо. Я уже несколько раз порывался открыть дверь, услышав звонок: мне все время казалось, что он должен прийти, и действительно, Жозе Ваз явился, когда его уже никто не ждал. Вот он стоит передо мной, невысокий, очень живой, он и впрямь похож на птичку-невеличку филили. Это Жожка прозвала его Филили! Ох уж этот Жо! Стоит ему заглянуть в дом хоть на минуту, все вокруг начинает искриться весельем. Он является обычно неожиданно, и вместе с ним в дом врывается радость, но случаются иной раз и непредвиденные осложнения. Его появление одинаково может привести и к хорошему, и к дурному. Смотря по обстоятельствам. От чего это зависит?! Прежде всего от количества выпитого им виски. Жо около тридцати лет, он отбыл воинскую повинность, окончил университет и поселился в Анголе.

«Трудно поверить, что вы и Жо знакомы. Бывают же на свете чудеса. Он заходил ко мне в гости, когда еще учился в университете, на факультете права. Парень он вспыльчивый, прямо порох, но добрый, этого у него не отнимешь. Однажды моя служанка рассказала, что звонили по телефону, спрашивали господина Ваза, а она ответила: «Господин Ваз ушел на Бесправный факультет». — «Твоя правда, Биа, — сказал ей тогда Жо, — здесь, в Лиссабоне, я вечно пребываю в состоянии бесправного». Он, бедолага, очень страдал от постоянной нехватки денег, даже официантам дать на чай было нечего. Я часто подбрасывала ему деньжонок, и он исправно возвращал долг. Вы же знаете, Жо всегда был задирой. Маленький, щуплый, но ко всем цеплялся. И ему частенько доставалось на орехи. Я прозвала его Филили — есть такая птичка у нас на Островах, сама крохотная, а задирает больших птиц. Боже мой, кто бы мог подумать — Пидрин и Жо! Я их обоих хорошо знала, была им как мать. Я слыхала, что Жо не дурак выпить. Не хлебнул ли он, часом, своего любимого грога, перед тем как ехать на охоту?»

Где бы Жо ни появился, там сразу начинается оживление. Ему все равно, какая компания. Его это не волнует: в любом обществе он чувствует себя как дома. О том, что существуют условности, ему нечего и говорить. Одним он нравится, другие его только терпят, но никто не считает его чужаком — чего нет, того нет. Добрых друзей у него хоть отбавляй. Но случается, на инженера Ваза находит

особый стих и он начинает куролесить, действуя всем на нервы. Вот он направляется прямо к Мариазинье Баррето. Она не замужем, окончила исторический факультет университета и заведует сейчас отделением статистики. На Островах Зеленого Мыса Мариазинья преподавала в лицее, но ей вздумалось попытать счастья в Анголе. Однако здесь ее ждало разочарование. Кто на Островах назвал бы эту девушку мулаткой? Ведь зеленомысцы все смутные. И потом, что это за понятие для нас — цвет кожи? А здесь девушку с темной кожей каждый час, каждую минуту подстерегают неприятности. Время от времени Мариазинья заходит к своей кухне Луизе Перпетуа, пытается найти у нее утешение, но это ей не удается. Сыновья у Луизы светлокотые, с каштановыми волосами, тонкими чертами лица, младший — голубоглазый, у старшего глаза как маслины, и все равно их называют мулатами, цвету кожи здесь придают важное значение, он определяет все.

В Анголе мало кому из нас нравится. Тут все нам не по душе. Конечно, со временем привыкаешь, приспосабливаешься, земляки друг у друга находят поддержку. Только это и помогает примириться с такой жизнью. Вот, например, Кандинья Фейжо — она давно бы уж сбежала из Луанды в Лиссабон, да муж ее занимает в Анголе видное положение, хорошо зарабатывает. «Милая моя, я отсюда не уезжаю потому, что люблю широко пожить». Так говорит Кандинья Фейжо, а кто упомянет о Кандинье Фейжо, непременно вспомнит еще Коншинью и многих других. Впрочем, не все одинаково думают, кое-кому тут и в самом деле пришлось по вкусу. Нашелся один зеленомысец, который научился развлекаться за счет других. Это инженер Ваз. Ему удалось обнаружить уязвимое место у соотечественников — цвет кожи, — и он любит задираť их, затрагивая эту тему. Главная жертва Жо — Мариазинья. Это все знают. «Голубушка, ты чернокожая, я чернокожий, и те ничтожные людишки, что вертятся у нас под ногами, — тоже черные». — «Жо, запомни хорошенько, не стыдиться своего цвета кожи — это вопрос совести каждого из нас». А он твердит свое: «Жители Островов Зеленого Мыса — черные. Все мы африканцы, и нечего нам нос задираť». Да, он явно закусил удила. Все знают его манию изводить людей. В такие минуты лучше держаться от него подальше. Однако это легко сказать, но нелегко сделать. Стоит инженеру Вазу нагрузиться виски, и он начи-

нает болтать все, что вздумается, и доводить земляков до белого каления. Он давно нашел их слабое место и теперь жалит безо всякого снисхождения. Одни смотрят на него с презрением, мол, парень с причудами, другие горько усмеваются: Жо в своем репертуаре, третьи стискивают зубы, чтобы не выдать своего раздражения. Вот Жо прицепился к Пидрину. «Здорово, Пидрин! Да ты у нас стал настоящим мужчиной. Как она, жизнь-то?» — «Жизнь моя, приятель, что кофе у бедняка — сегодня сладкий, завтра горький». И Жо начинает разглаживать о давних приключениях Пидрина. «Осторожней выбирай слова, Жо, постарайся не задеть Пидрина», — советует Мариазинья. Она давно уже привыкла к безрассудным выходкам этого повесы, случается, конечно, и обижается на него всерьез, но чаще не сердится на его насмешки. И в самом деле — стоит ли лезть в бутылку? Жо парень видный, умеет вести себя, когда хочет, неженатый, веселый, получает солидный оклад в «Минеранголе» — двадцать пять конто* — и может жениться на любой, кто бы ему ни приглянулся. Однако Мариазинья не в его вкусе. Она подошла бы ему как любовница — если она не прочь, пусть только намекнет, — но жениться на ней — дудки, от этого уж увольте. Цвет кожи у нее очень красивый, напоминает зрелый финик, но она чуточку полновата. Не вдохновляет, хотя изюминка в ней определенно есть, ее зеленые глаза — как бездонный омут, наверное, приятно их целовать, гладкие каштановые волосы — такие мягкие с виду, должно быть, приятно их гладить. И Жо скачет, словно птичка филили около приманки, прыгает, клюет, но внезапно расправит крылья и упорхнет. Сколько людей, столько и характеров. Инженер Жозе Ваз заигрывает с одной, перебрасывается шутками с другой, со всеми танцует, нежно прижимает партнершу к себе. «Ты моя тихая радость!» — ведь лесть испытанный прием, — и девушка тает, но тут же острое словцо инженера повергает ее в смущение, заставляет залиться краской, известное дело, у этого болтуна язык без костей. «Знаешь, крошка, женщина без мужчины — то же, что гитара без струн». Девушка вспыхивает. Примечай, парень, к тебе равнодушны, тыходишь в доверие. Однако там, где почва менее податливая, он продвигается медленнее, действует исподтишка, добывает

---

* Конто — тысяча эскудо.

ся заметных результатов и вдруг, в мгновение ока, когда его жертва меньше всего этого ожидает, смывается. Он исчезает на неделю, полмесяца, месяц или больше. Куда девался Жо? Кто знает, может быть, замкнулся в своей раковине, никто его не видел или видел мимоходом, как он ехал с друзьями в автомобиле, а кто-то встретил его однажды вечером мертвецки пьяного, и вдруг в один прекрасный день без предупреждения, без приглашения Жо врывается в дом как ураган. И только переступит порог, как становится душой общества, веселый, насмешливый, непутевый Жо.

«Да, Жо не дурак выпить. Не хлебнул ли он часом своего любимого грога, прежде чем отправиться на охоту?» — «Чего не знаю, того не знаю, нья Жожа. Но что-то никто мне об этом не говорил». — «А как наказали Жо за убийство Пидрина?» — «Дело разбирали в суде и осудили Жо условно, а потом взяли на поруки. Решили, что Пидрин был сам виноват. У Жо оказался свидетель, который это подтвердил».

Я замолк, и тетушка Жожа глубоко задумалась.

Я уже говорил, что Жо давным-давно исчез из нашего поля зрения и, когда он вошел, поздоровался со всеми и принялся, как обычно, злословить, все сразу оживились.

А где же Мариазинья? Мими Жоана и Дулсе Рибейро ревнивыми глазами следили за ними обоими. Столько дурочек за ним бегают, а он и внимания не обращает! Мариазинья сказала Жо, что собирается провести отпуск в Европе. И он тут же принялся изводить ее: «Деточка, место чернокожего, место африканца — здесь, в Африке, на своей земле». — «Жо, перестань грубить, ты просто невыносим! — Она сделала предостерегающий жест. — Надо бы тебе пить поменьше». Но у Жо, как известно, ни стыда, ни совести, и он с лукавым видом парирует удар. «Чем стыдить меня, лучше поцелуй. Впрочем, если тебе нравится, можешь как угодно обзывать меня, брань на воротах не виснет. Как стемнеет, нам с тобой будет совсем хорошо, ведь в темноте нас не видно». — «Как ты можешь считать себя африканцем, если кожа у тебя белая? Пусть уж это звание останется за мной». — «Ну и сказанула! Это я-то белый? Мне такого и во сне не снилось». Мариазинья снова сразила его. Но Жо не признает себя побежденным и заливается смехом. Он хочет, чтобы его считали черным, или, как принято теперь говорить, африканцем,—

и наконец находит неопровержимое доказательство: «Погляди-ка, дурочка, на мои волосы». Волосы у Жозе Ваза короткие, скорее светлые, чем темные, мелко вьющиеся — не прямые и не волнистые — и стоят торчком. Однажды, когда он еще учился на юридическом факультете, какой-то студент воткнул ему в волосы огромный железный грубо сработанный гребень, привезенный родственником из Соединенных Штатов, но Жо с презрением отбросил этот гребень, и зря: такие волосы только гребнем и расчешешь. Как бы то ни было, инженер Жозе Ваз хочет, чтобы его считали африканцем. Родина Жо — Острова Зеленого Мыса, там он родился и вырос, там окончил лицей. В крови у него небольшая примесь негритянской крови, с первого взгляда и не определишь, что он мулат. Но Жозе Ваз хочет, чтобы его считали африканцем. Он не желает быть хуже других. Жо часто цитирует высказывания Лумумбы, Сартра, Фанона и других сторонников теории негритюда. Фанон для него — высший авторитет. Стоит кому-нибудь начать разговор о Сенгоре, Жо тут же прерывает собеседника: «А вы знаете, что говорит Фанон? Деколонизация — всегда насильственный процесс». А если ему случится оказаться среди интеллигентов, вы непременно услышите: «Знаете, Фанон считает, что в данный момент самой насущной проблемой для африканской интеллигенции является формирование нации».

«Так, значит, существует свидетель гибели Пидрина?» — «Да, это Жижи. Правда, он был тогда под хмельком, но, тетушка Жожа, даже если Жижи навеселе, он никогда не теряет способности соображать. Жижи был приятелем и Пидрина, и Жо. Но на суде он всячески выгораживал Жо». — «А у Пидрина остались дети?» — «Ну, были ли у Пидрина дети или нет, один он мог это знать. Ведь Пидрин был холостяком». — «Подумать только, Пидрин — холостяк. А уж как он всегда увивался за женщинами! Правильно говорят, судьба жестоко смеется над человеком». — «Должно быть, потому он и не женился, что слишком любил женщин, нья Жожа. Хранить верность одной-единственной, вероятно, казалось ему скучным. О Пидрине ходили разные слухи. Конечно, болтали много лишнего. Особенно когда заходила речь о странных обстоятельствах его гибели. Жо в то время ухаживал за одной девушкой и хотел на ней жениться. Она была дочерью военного, славная такая, стройная, как стебель маиса. По-

говаривали, будто и Пидрин тоже приволокнулся за ней и якобы между ними даже что-то было». — «Стало быть, Жо совершил преднамеренное убийство?» — «Доказать это, конечно, никто не может. Злые языки утверждали, будто он намеренно убил Пидрина. Жо испугался не на шутку и решил оградить себя от наветов. А не то ему бы худо пришлось. Угодил бы на каторгу, и еще не известно, вернулся ли бы он оттуда живой. Мне кажется, Жо не способен застрелить человека из ревности, хотя быть уверенным ни в чем нельзя». — «По-моему, Жо ни за что бы этого не сделал. Он хороший парень. Хотя бывает иной раз, сама жизнь толкает человека на преступление». — «То-то и оно. А в порыве ревности можно черт знает что натворить. Можешь и убить, сам того не желая». — «Ах ты, господи, страсти какие! Вот уж воистину судьба каждого в руках божьих». — «Разговоры о гибели Пидрина еще и теперь не смолкли». — «И что же говорят?» — «Никто не верит». — «Что Жо невиновен?» — «Вот именно». — «Да, жизнь каждого из нас окутана тайной. Один господь знает все про всех, а мы — только про свою жизнь».

Жо — зеленомысец и хочет, чтобы все считали его африканцем. Кожа у него белая, волосы светлые, глаза голубые, черты лица тонкие, и, попав на солнце, Жо мгновенно становится красным, как вареный рак. Но волосы у него короткие, мелко вьющиеся и стоят торчком — единственное доказательство его принадлежности к черной расе. Куда бы Жозе Ваз ни пришел, повсюду начинается веселье. Он ни на шаг не отходит от Мариазиньи. От Мариазиньи или какой-нибудь другой девушки — это смотря по обстоятельствам. Антонио Марта, впрочем, он любит себя именовать доктором Антонио Марта, но многие сомневаются, так ли это, хотя он и главный редактор газеты «Диарио де Ангола», так этот Антонио Марта терпеть не может Жо и числит его среди неблагонадежных. Жо чувствует эту неприязнь, но виду не подает. Предположим теперь, что отношение Марты к Жозе Вазу разделяет Томазиньо Медейрос из Государственного архива. Но тут существует большое различие. У Марты — рыба кровь, это всем известно. А Томазиньо — ни рыба ни мясо. Точнее, рыба для одних, мясо для других, у него ко всякому свой подход. Бессовестный Жо не щадит его, потому что знает — уж он-то, конечно, знает, — что Томас Медейрос частенько жертвует своими убеждениями ради выгоды.

Томазиньо обычно старается держаться подальше от инженера. Он вообще-то ужасный хвастун, но стоит Жо появиться где-нибудь поблизости, и Томазиньо тут же умолкает, будто воды в рот набрал. Томазиньо старается поддерживать с Жозе Вазом хорошие отношения, он вообще ни с кем не хочет ссориться — ведь никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь; уметь жить нетрудно, если такое называется жизнью. Томазиньо в присутствии Жо тише воды ниже травы. Он молча садится возле него и сидит, не произнося ни звука, хотя это дается ему с огромным трудом. А Жо вовсю издевается над ним. «Ну так когда же наконец выйдет твое исследование о много-расовом населении нашего континента?» Томазиньо, задетый за живое, кисло улыбается, пожевывается и делает робкую попытку защититься: «Вот раз ты сидишь здесь со мной, Жо, так послушай...» Но инженер Ваз — человек другого склада, интеллектуальные головоломки не по его части, не дослушав рассуждений Томазиньо, он направляется прямо к столу с виски. С дерзкой ухмылкой он потирает руки. Томазиньо, воспользовавшись случаем, потихоньку смывается — ему еще надо подлизаться к Антонио Марте из «Диарио де Ангола». Конечно, Марта напыщенный болтун, но без лести сейчас не обойдешься, статья в газете всегда придает человеку вес, а уж если у вас есть друзья или знакомые в журналистской среде, то это просто находка! *«Сегодня со специальной миссией — для того, чтобы собрать информацию in loco* и ознакомиться с различными аспектами материальной культуры бушменов, принадлежащих к этнической группе, пока еще мало исследованной этнографами, — выехал на юг страны видный ученый, представитель Государственного архива Томас Медейрос, который уже немало сделал для изучения этнографии этой провинции»*. Прочитав эту заметку, Жо непременно начнет язвить: «Что ты там еще изучал, парень, кроме национальной кухни и даров моря?» — *«Томас Медейрос, наш уважаемый коллега, рассчитывает возвратиться через месяц. Он надеется привезти ценные материалы!»* Статья в две колонки и фотография напечатана в «Диарио де Ангола». «Фотография — вот что важнее всего», — любит повторять Жозе Гомес

---

* На месте (лат.).

Феррейра *. Неделю спустя, когда Томазиньо возвратится с юга Анголы, в газете появится новая заметка: «Вчера в Луанду с юга провинции прибыл наш уважаемый друг и известный ученый-этнограф Томас Медейрос, который, как мы уже сообщали»... и так далее. «По возвращении он заявил нам: «Я считаю эту поездку чрезвычайно полезной. Я жил и находился в тесном общении с бушменами нашей провинции — этнической группой, существование которой в традиционных рамках ее культуры еще раз подтверждает, насколько наша политика обращения с туземцами способствует сохранению в неприкосновенности их образа жизни». Жо прочтет эту белиберду и отшвырнет газету в дальний угол: «Оба хороши — что Медейрос, что Марта, ни стыда у них ни совести!» Вот так человек извлекает пользу — и не малую — из своей дружбы с журналистами. С субъектами, подобными Антонио Марте, осложнений не возникает — достаточно подсунуть ему статейку, отредактированную доной Арминдой из Департамента этнографии, и готово дело — Антонио Марта, с благодарностью приняв статью, без промедления посылает ее в набор — две колонки текста — и, конечно, фотография, без фотографии никак нельзя. Томазиньо водит знакомство не только с сотрудниками редакции, но и с сотрудниками Ангольского радио, с помощью одного из них, Тониньо Вера-Круза, он недавно получил возможность выйти в эфир, да не как-нибудь, а в программе «Последние новости из Португалии — факты и документы». Как всегда, сработал принцип взаимной выгоды: ты мне — я тебе, или рука руку моет. Люди, подобные Томазиньо, имеют свои зоны влияния и в свою очередь оказывают другим ценные услуги. И Антонио Марта, когда ему это понадобится, использует своих протеже без зазрения совести — «все они, голубчики, у меня в кулаке». Так вот, для Жо подобный способ преуспеть в жизни не подходит. Он этого не признает. Угодничать, сгибаться в три погибели, точно бамбук на ветру, — это, может быть, и хорошо для Томазиньо и его приятелей, но он, Жо, на такое не способен. Вот почему гложет его беспокойство, вот почему он ощущает себя неприкаянным и, едва появившись у кого-нибудь в доме, тут же

---

* Жозе Гомес Феррейра (род. в 1900 г.) — известный португальский поэт.

начинает приставать ко всем, язвить, одних доводит до белого каления, других заставляет хохотать до упаду.

Итак, вспомним тот вечер, когда Жозе Ваз ворвался со своей компанией к Мирандинье. Компания Жо состояла из его друзей — жителей муссеков. Удел этих людей — страшная нищета, куча детей и грошовое жалованье, Жо с ними запанибрата, словно они принадлежат к одному кругу, а ведь это люмпен-пролетариат. Зато обитатель муссека не расстается с гитарой и мастер на все руки: он умеет сочинять морны, любит покурить и приволокнуться за какой-нибудь красоткой, но, если придется туго, если ему угрожает опасность, зеленомысец, будь он негр, мулат или белый, никогда не спасует. Отсюда и возникло в Анголе убеждение, будто слово «креол» — синоним отчаянного задиры, драчуна и забияки (стоит почитать современную ангольскую литературу: если писатель выводит на страницах книги зеленомысца, то этот герой непременно по всякому поводу хватается за нож). Так вот, как я уже сказал, Жо явился со своими ребятами из муссека. Но что такое муссек? В словаре вы этого слова не найдете. Можно дать несколько определений. Муссек — это хилая детвора с вздувшимися животами и землистого цвета лицами, дети голода и нищеты, ребятишки, которые подбирают с земли папиросные окурки и протягивают руку за милостыней; это люди дна, отбросы общества, бледные и болезненные от постоянного недоедания; это сбившиеся в кучу, налезавшие друг на друга, покосившиеся хижины и бараки, освещенные тусклым светом керосиновых ламп; муссеки — это черный пояс, обвивающий город, стягивающий город, запретная красная земля, кто из чужаков осмелится ступить на нее? В самом деле, кто? Каждую субботу Жо непременно появляется в муссеке. Этот сорвиголова непринужденно болтает с обитателями трущоб и ходит из дома в дом в поисках выпивки и развлечения. Там, в черном поясе, он ведет себя совсем иначе, чем в салонах взысканных милостями судьбы соотечественников, здесь он и говорит иное, и действует по-иному. Вот признанный исполнитель морн — Тутинья, свой парень, с Саосенте, когда-то он был в порту мальчишкой на побегушках, затем грузил уголь. Голосом Тутинья похвастаться не может, он у него хриплый, гнусавый и резковатый, сила Тутинья в другом — в самих песнях, в их новизне, и в артистическом темпераменте певца. Он знает множество

морн. Старинные морны, которые сейчас уже мало кто помнит, Тутинья поет попеременно с недавно сочиненными, услышанными здесь, в Анголе, в муссеках или на бескрайних плантациях. Он не расстается с шестиструнной гитарой; его сопровождают два музыканта, один из них тоже играет на гитаре, другой — на кабакиньо. Тутинья немного прихрамывает на левую ногу, на нем всегда неизменные темные штаны, белая рубашка и белые парусиновые туфли, волосы его блестят от кокосового масла. Тутинья уже собирался петь, как вдруг, откуда ни возьмись, явился Жижжи, радостно возбужденный, — он уже успел где-то изрядно выпить, а раз он выпил молодого вина, значит, избавился от тоски. «Послушай-ка, Тутинья, что, по-твоему, возникло вначале, жажда или напиток?» — спрашивает он, протягивая певцу стакан виски. У Тутиньи на этот счет нет сомнений. «Ясное дело, напиток, Жижжи. Знаешь, я сегодня целый день смотрел на бухту, и вдруг мне пришло в голову, что когда господь бог создавал этот мир, он допустил промашку. Он сотворил воду, а надо бы — грог». — «Ах, Тутинья, чертяка ты эдакий, дай я тебя обниму, ей-богу, второго такого парня не сыщешь! Ну, давай начинай, настал черед морны и коладейры. А что может быть на свете лучше морны и коладейры? Соперничать с ними под силу только поэзии. Тутинья, как начинаются эти стихи о знатном наследнике?»

Знатный наследник,
Где раздобыл ты свое богатство?
Коли ты его еще не заработал,
Не от хорошей жизни приходится тебе воровать.

И Жижжи вне себя от восторга бросается на шею Тутинье. «Тутинья, ты просто замечательный парень и ума палата!» Очень скоро к компании присоединится Жулиньо Миранда. Он будет читать стихи португальских поэтов Фернандо Песоа и Герра Жункейры, зеленомысца Жоржи Барбозы и закончит чтение поэмой Габриэла Мариано «Капитан голода». Это новинка. Я еще не знаю этих стихов. Позднее я услышу поэму Габриэла Мариано в гостях у ньи Жожжи, в магнитофонной записи. У нее ведь есть магнитофон с тремя скоростями, она купила его на деньги, полученные от продажи контрабандных товаров, которые доставлял с Канарских островов один наш соотечест-

венник, моряк. «Ах, сынок, у меня тут для тебя приготовлен сюрприз, — сказала она мне однажды. — Хочешь послушать?» — «Наверно, новая морна или коладейра, — предположил я, — дерзкая насмешливая песенка, из тех, что сейчас в моде? Или это хроники зеленомысца Жунги из серии «Одежда Пипи», а может быть, «Дядюшка Каранга» Сержио Фрузони?» Эти произведения были уже знакомы мне. Но я ошибся. На сей раз я услышал у тетуски Жожи «Капитана Амброзио» Габриэла Мариано: Капитан Амброзио, ньо Онтоне Омброзе, вождь мятежников, он появился в голодный год после засухи в квартале Салина во главе несметного полчища повстанцев: огромное черное знамя колыхалось на ветру; застигнутая врасплох полиция была объята паникой, целый час полицейские не смели высунуть нос. Ньо Омброзе, человек богатырского роста, поднялся на веранду здания колониальной администрации — было восемь часов утра, повстанцы встретили его появление восторженными криками, он стоял на веранде, стройный, худощавый, непокорные кудри разметал ветер; вот он воздел руки к небу и опустил их, ньо Омброзе ждал, пока наступит тишина, а когда все умолкло, заговорил:

— Земляки, была ли у вас вчера еда, для вас и для ваших детей?

— Нет! Вчера у нас не было еды — ни для нас, ни для наших детей!

— Была ли у вас работа?

— Нет! Не было у нас работы!

— Земляки, а позавчера была ли у вас еда, для вас и для ваших детей?

— Нет!

— И у меня ее не было! А неделю назад у вас тоже не было еды и работы?

— Да! Неделю назад у нас тоже не было ни еды, ни работы!

— А сегодня вы ели?

— Нет! И сегодня мы не ели!

— Земляки! У вас нет работы, у вас нет еды, ваши дети умирают с голоду! Бог забыл о нашей родине, земляки!

— Истинная правда, сеньор!

— А вы знаете, где находится еда, где находится маис для вас и для ваших детей?

— Знаем, сеньор!

— Земляки! Мы знаем, где находится еда, много еды, там столько зерен маиса, сколько дождевых капель в туче. А у нас животные подвело от голода, и наши дети умирают, потому что у них уже много дней не было маковой росинки во рту.

Толпа одобрительно гудела.

— Мы знаем, где находится еда! Мы знаем, где взять еду, чтобы накормить весь Саосенте!

Ньо Омброзе стоял на веранде здания колониальной администрации, прямой как струна; он набрал в легкие побольше воздуха и указал рукой в направлении продуктовых складов Себастьяна Куньи.

— Послушайте меня, земляки! Человек в одиночку ничего не может сделать! Бороться надо вместе. Вперед!

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СЧАСТЬЯ НА ПУСТОЙ ЖЕЛУДОК.
ГОЛОД НЕЛЬЗЯ ОТЛОЖИТЬ НА ЗАВТРА.

ЕГО НЕВОЗМОЖНО ОТСРОЧИТЬ.

НАДО ЗАДУШИТЬ ГОЛОД, А НЕ ТО ОН ЗАДУШИТ НАС.

ЛИБО МЫ ПРОВЕДЕМ АГРАРНУЮ РЕФОРМУ,
ЛИБО ОТСУТСТВИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ
ПРИВЕДЕТ К РЕВОЛЮЦИИ.

Франсиско Жулиао

Вот так мне довелось услышать поэму Габриэла Мариано в доме тетушки Жожи, она сидела счастливая, взволнованная, глаза у нее были на мокром месте и блестели горячо и растроганно. «Знаете, я ведь была знакома с ньо Онтоне Омброзе, я видела его на рассвете в день мятежа, он говорил перед народом, призывал к борьбе, зажигая собственным примером, вот это был человек». Я слушал магнитофонную запись поэмы в гостях у ньи Жожи, а впервые я услышал ее в доме у Мирандиньи, ее декламировал брат хозяина, Жулиньо. Когда я смотрел на Жулиньо, читающего стихи, я вспоминал прежнего Жулиньо, во времена учения в лицее, теперь же его интересует только одно—новости в спортивной газете, которую доставляют из Португалии самолетом. Поэму «Капитан

голода» слушали самые различные люди. Я уже представил их вам. Директор и заместитель директора Министерства финансов; судья кассационного суда; Жоржи Монтейро из Управления национальной безопасности; Мариазинья; инженер Ваз; Тутины; Томазиньо; Жижи. Напившись до чертиков, Жижи завопил: «Я пью за ньо Омброзе, великого человека, нашего брата, земляка, черт бы его подрал! А теперь я пью за моего двоюродного брата Габриэла, — (он поставил стакан и вытер губы), — all wright, very good». — И, пошатываясь, отошел в сторону. Антонио Марта, главный редактор газеты «Диарио де Ангола», доктор Жардин Медина, ректор лицея, — одни занимают ответственные посты, другие должности поскромней, — все эти люди очень похожи друг на друга, но идут разными путями. «Понравится ли им поэма?» — волновался я. Но беспокойство мое оказалось напрасным. Жо улыбнулся и одобрительно кивнул головой; Мариазинья улыбнулась и тоже кивнула; доктор Жардин Медина улыбнулся, впрочем, иной реакции я от него и не ожидал; улыбнулся и Томазиньо, бедняга Томазиньо; улыбнулся даже главный редактор «Диарио де Ангола», подумать только, кто-то даже спросил: «Неужели Антонио Марте и в самом деле понравился «Капитан голода»? Да, здесь есть чему удивляться; улыбнулся начальник Управления национальной безопасности — человек очень молодой, с еще не установившимися взглядами; улыбнулся судья или какой-то другой судейский чин, не помню точно, какую он занимал должность в кассационном суде, — пенсионер Оливейра Гама (впрочем, как он улыбнулся!). Большинство слушателей улыбаются чистосердечно, от души, улыбаются их жены, дети, все кругом улыбаются, и под конец все дружно хлопают в ладоши, аплодируют Жулиньо Миранде, который прочел поэму Габриэла Мариано, и снова аплодируют, да, сеньор, теперь уже автору стихов и не только автору стихов, но и самому ньо Омброзе, которого тот воспел, ибо это был настоящий человек, что правда, то правда! Меня не удивила реакция тетушки Жожи, женщины, можно сказать, из народа, когда она мне призналась: «Ах, дорогой мой, до чего же мне нравятся стихи моего двоюродного брата Габриэла!» Но в доме у Мирандиньи я приглядываюсь то к одному, то к другому — не мелькнет ли у кого-нибудь из гостей гримаса презрения или ненависти. Но «Капитана голода» все приняли «на

ура». Жижи, сидевший рядом с Пидрином, с сожалением вздохнул: «Хорошее всегда быстро кончается».

Пирושке у Мирандинь не видно конца, напротив, она разрастается, как песчаный смерч. «И впрямь, Жижи, этот Мирандинья — открытая душа — все, чем богат, тащит на стол». Молодые люди собираются около проигрывателя, ставят пластинки с поп-музыкой. Жо танцует с Мариазиньей. Как она хохочет, как тесно прижимается к Жо — к этому бессовестному Жо, который позволяет себе говорить ужасные вещи, к желанному и невыносимому Жо. Жо около тридцати, он инженер, получает в «Минеранголе» двадцать пять конто, не женат, девочек у него всегда хоть отбавляй. Он революционер-теоретик, этот Жо, что постоянно кружит между городом и муссеками, — там, в муссеках, среди единомышленников, ему кажется, будто и солнце светит ярче и вместе с друзьями не так одиноко взбираться на крутой откос уготованной тебе судьбы. А в городе каждый по-прежнему глядит в свою сторону, и эта отчужденность угнетает его. «Я боец, споткнувшийся на середине пути», — любит повторять он. Над Жо посмеиваются, не верят ему — еще бы, молодой парень, а уже достиг независимого положения... жаль только, что втянулся в вышивку. Это правда? А как же его идеи — идеи, которые он пропагандирует? А как же намерение преобразовать мир, стремление к свободе, желание не щадя сил помогать товарищам? Разве это все уже пройденный этап? Нет, Жо должен серьезно задуматься над жизнью, задуматься глубоко, не то он угаснет как свеча. «Когда-нибудь я обрету свою дорогу, это не жизнь, мое место не здесь». Ну что ж, будущее покажет.

Жо насмешник и зубоскал, но уж если он говорит, то говорит всерьез, и если обещает, то старается сдержать обещание. Как знать, может, придет день, когда он станет совсем другим? К чему загадывать, поживем — увидим.

Нья Жожа снова берет наполненный до половины стакан вермута с кусочком лимона. Она не любит виски и пьет его только во время праздников и торжественных церемоний, она сама мне в этом призналась. Жожа привыкла пить вермут до обеда и после обеда, вечером она предпочитает выпить стаканчик грога или пунша, но только пунша, приготовленного на Островах Зеленого Мыса, она добавляет в него капельку грога, меда и лимонный сок. Валентина встает и ставит пластинку с морной, му-

зыка звучит тихо и печально. Дона Жужу и дона Франсискинья с увлечением слушают рассказ о Пидрине и Жо.

«Нет, Пидрин не заслужил такой участи, что и говорить. Но, видно, на все воля божья. Надо бы помолиться о спасении его души».

Тетушка Жожа ест пирожное. Подносит стакан с вермутом к губам, выпивает все до капли, лимонная цедра попадает ей в рот, она по рассеянности начинает ее жевать, но тут же быстро опускает стакан. Запах лимона напоминает ей апельсин, а надо сказать, что Жожа терпеть не может апельсинов. «Не выношу запаха апельсина, лука или чеснока, знаешь, подружка, на днях в кино позади меня сидел матрос. От него так разлило треской с чесноком, что я не выдержала, в перерыве пересела на другое место. Ну можно ли такое вынести?» В разговор вступила дона Жужу. «Я тоже не выношу запаха сырого лука и сырого чеснока, меня мутит даже от запаха апельсиновых корок. Я предпочитаю вообще не есть апельсинов, если самой приходится их чистить, потому что руки потом не отмоешь и долго они еще будут пахнуть! Дурные запахи — сырого чеснока, сырого лука, апельсина, лимона, нечистого дыхания, потного тела, запах чернил, плесени, нестираной одежды, запах разгоряченных людских тел в трамваях, автобусах, на улице, в магазинах и на рынке — у меня все это вызывает тошноту. Иное дело — приятные запахи: нежный аромат хороших духов, дорогого одеколона, туалетного мыла. Да, к слову сказать, вспомнился мне один случай. Вы меня извините, что я здесь об этом рассказываю. И вы, ня Валентина, как хозяйка дома, простите великодушно, что я говорю о таких вещах за столом. В моей жизни произошла однажды тошнотворная история, иначе ее и не назовешь. Может, и не стоило бы о ней сейчас вспоминать, но вы уж не судите строго. Это случилось, когда преставился ньо Лусио Алфамы, теперь он в раю, кто-кто, а уж ньо Лусио своей праведной жизнью заслужил вечный покой. Народу на его похороны собралось видимо-невидимо. Зрелище было грандиозное. При выносе тела все плакали, люди искренне, от чистого сердца жалели его. Ньо Лусио Алфамы был человек добрый и образованный, он дожил до преклонного возраста и всю жизнь отличался справедливостью. Теперь вместо него спиритические сеансы проводит ньо Брито Соарес, его тоже уважают, но до ньо Лусио Алфамы ему далеко. На

похороны ньо Лусио Алфамы пришли люди самых разных сословий: торговцы, преподаватели, врачи, адвокаты, служащие, нищие бродяжки и голодранцы. И вот, когда похоронная процессия уже миновала половину пути и священник стал читать молитву за упокой души новопреставленного нашего брата: «Отче наш, иже еси на небесех...», все вдруг почувствовали запах, такой скверный запах, что хоть на край света беги. Люди стали в недоумении переглядываться, ломать голову, откуда могла взяться такая вонь, что честному христианину нипочем не выдержать, точно порчу на нас всех напустили. Саосенте стал похож на выгребную яму. Участники похоронной процессии вынули платки и зажали носы, но смердило так, что никто не мог дольше оставаться возле гроба. С каждым порывом ветра запах становился все сильнее — прямо задохнуться можно. Никто уже не молился и не обращал внимания на покойника. Ньо падре Франсиско был в страшном смятении, чего с ним за всю жизнь не случалось, вы же понимаете, священники такие же люди, как и все мы. Падре то возводил глаза к небу, то опускал их долу, ведь его прямая обязанность — служить всем примером; чтобы ни произошло, он должен оставаться на своем месте и выполнять свой долг. Однако бедняга больше часа не вытерпел, в конце концов и он зажал нос руками, стал путаться в словах и запинаться, а пономарь перестал ему подсказывать, никто уже не молился, никто не обращал внимания ни на священника, ни на усопшего, что лежал в гробу, всех охватило отчаяние. Ньо падре Франсиско молча возвел глаза к небу и опустил их. Никто не догадывался, откуда эта вонь, это наказание божье. Похороны уважаемого человека превратились в карнавальное шествие, в клоунаду. И вдруг кто-то вспомнил о подобном происшествии на острове Санта-Лузия, эту историю у нас частенько рассказывали за бутылкой вина. Представьте себе, вонь исходила от тела ньо Лусио Алфамы, хотя и дня не прошло, как он умер. Видите ли, те, кто обмывал покойника, не сумели как следует прибрать тело, им было невдомек, что надо его плотно-плотно завернуть. Пока усопшего несли на кладбище, кожа от тряски лопнула, живот разошелся, кишки наружу, и ньо Лусио Алфама оказался в гробу весь в нечистотах. О. видеть такое и то ужасно, а уж пережить — и того хуже! Теперь сопровождающие шли впереди, потому что ветер дул им в лицо, а

гроб с телом покойного, ньо падре Франсиско, его помощники и ребятишки с крестом и кропилом остались позади. Участники траурной процессии торопливо шагали вперед, спеша поскорее отдалиться от гроба. Им было не до приличий — падре Франсиско, молитвы, покойник никого больше не интересовали. В мгновение ока все смешалось, и началась кутерьма. Падре Франсиско не оставалось ничего иного, как спастись бегством, бросив гроб с телом покойного на произвол судьбы. Он спешил присоединиться к остальным, но сопровождающие не захотели принять его в свою компанию и прогнали прочь. Молодежь — нахальные девчонки и развязные парни — мигом разбежалась кто куда. Не похороны, а горе горькое. Все попрятались по домам. На дороге остался один падре Франсиско в белом стихаре и красной накидке, а остальные исчезли. До кладбища дошли только священник и служки, падре поспешно осенил могилу крестом и удалился, гроб опустили в яму, засыпали землей, и лишь тогда падре Франсиско вернулся, чтобы совершить отпевание покойника. А что ему еще оставалось? Люди, которые сопровождали ньо Лусио Алфаму к его последнему прибежищу, говорят, долго болели — лежали пластом целых три месяца и четыре дня. Даже я, мои дорогие, никак не могла отделаться от этого гнусного запаха, он долго потом еще преследовал меня. И каждый день, стоило только сесть за стол, меня тошнило. До сих пор меня мучает совесть, что не проводила я как подобает ньо Лусио Алфаму в последний путь. Но даже ради спасения своей души я бы этого не смогла сделать. А кто бы вынес, скажите на милость, подобное испытание? Даже теперь, стоит мне только вспомнить об этих похоронах, к горлу подступает дурнота. Ты ведь бывала на Саосенте, Франсискинья, или нет? Я что-то забывала». — «Да, бывала, подружка, мне там делали операцию. Я слышала эту историю. Все об этом тогда говорили. Да, в таких делах надо соблюдать осторожность, надо хорошенько подготовить мертвеца, а не то могут возникнуть непредвиденные осложнения». Дона Франсискинья отлично разбиралась в этих вопросах, она нередко провожала в последний путь кого-нибудь из своей родни или родственников друзей — обмывала и обряжала их. Да, в таких делах надо быть осторожнее. Разговор заходит об умерших, о похоронах, а этот обряд требует уважения. Ньо Лусио Алфама был человеком почтенным, и потому

подшучивать над ним не пристало. Ня Жожа сохраняет серьезность, но, если заглянуть в глубину ее глаз, можно заметить лукавые искорки, ей хочется чуть-чуть расслабиться, отпустить тормоза и снова начать очередной хвастливый рассказ, сдобрив его хитрой усмешкой. Ведь она такая живая, непосредственная, а эти печальные события происходили очень давно. Ня Жожа все еще пытается настроиться на торжественный лад и изо всех сил сдерживается, чтобы не срзать на месте. На мгновение она замолкает, чтобы перевести дух, и проводит маленькой пухлой рукой с длинными пальцами по гладким и густым волосам, потом закуривает предложенную Валентиной сигарету, затягивается и с постным выражением лица (а как же иначе — ведь только что речь шла о похоронах!) начинает говорить, не умея, впрочем, скрыть своего удовольствия от этого занятия. «Вот я и твержу дочкам: «Девочки, когда придет мой черед отправиться в обитель святых угодников, вы должны меня хорошо подготовить. Мне понадобится кусочек ваты — вот такой», — она развела руками. И, потеряв над собой власть, неожиданно прыснула, и вот ее занесло, словно норовистого скакуна, она так и зашлась от хохота. Даже дона Жужу, всегда ровная и спокойная, не удержалась от улыбки, и, поскольку все уже рассказали, ня Жужу встала свое словечко: «Жожа, какой же это кусочек, это огромный кусок. Он для тебя чересчур велик». Жожа вызывающе: «Да, мне понадобится именно такой, а потом пусть меня хорошенько завернут в простыню, я не хочу, чтобы от меня воняло, когда гроб с моим телом понесут к месту вечного упокоения, — господи, помилуй. Когда я умру, надеюсь, что случится это лишь в глубокой старости, пусть меня как следует подготовят для погребения да еще залепят пластырем». Женщины больше не могут удержаться от смеха. Дона Жужу: «Да ты не в своем уме, милая, подумай, что ты такое плетешь». Мы с Валентиной с трудом сохраняем серьезный вид. Дона Франсискиня вступает в разговор: «Ой, Жожа, да как же тебе не совестно! Бедный ньо Луцио Алфам! Если б ему было известно в последний его час, что его ожидает после смерти, он бы умер от стыда». Жожа мгновенно утрачивает веселость. «Знаешь, подружка, пожалей-ка лучше детеныша саранчи, у него нет крыльев, чтобы летать, а ньо Луцио Алфаму жалеть нечего, он был человек добрый и образованный, слава госпо-

ду, его дух витает теперь в звездном поднебесье. Мы должны уважать таких людей. И вообще нехорошо смеяться над покойником. Но получились вместо смеха слезы! Давайте оставим ньо Лусио Алфаму в покое, чтобы дух его не тревожил по ночам людей, дьяволу — фи́га, в испанское море, портулак, хвост черного жота, головой в море, спасение на земле». И, подняв правую руку, она сделала кукиш. Жожа открывает сумочку, достает флакончик с духами и душится — лицо, руки, за ушами, под мышками. «Подружка, мне все чудится, будто меня преследует эта вонь». Дона Жужу хвалит ее духи: «Какой приятный запах, Жожа! Очень тонкий аромат. Где ты такие достала?» — «Сестра Фаустина привезла из Америки. Витор обожает их. Этот парень тоже не выносит запаха чеснока и сырого лука и частенько берет у меня этот флакон, чтобы подушиться. Только скоро я это дело прекращу. Припрячу духи, не то Витор все на себя выльет. Кажется, он подцепил здесь, в Лиссабоне, беленькую девчоночку и так счастлив, что прямо весь светится. Уж этот Витор умеет показать товар лицом! Он теперь не выходит на улицу без тросточки, моется только хорошим мылом и душиться стал. Дона Жужу одобрительно кивает: «Ну и что же! Я сама равнодушна к хорошему мылу. Впрочем, все женщины с ума сходят по хорошему мылу, хорошим духам, хорошей пудре и тальку — а уж этого добра на Саосенте хватает, контрабандисты доставляют сюда его в изобилии». Зеленомыски терпеть не могут дурного запаха, запаха пота. Они очень следят за собой. Их платья, шерстяные или нейлоновые, всегда выстираны, надуты. Ох уж эти ароматы! Дорогие духи, хорошее мыло — такое искушение для женщины, креолка на все готова, лишь бы раздобыть заграничное мыло. Прежде чем отправиться на вечернюю прогулку, она принимает прохладную или теплую ванну, припудривает кожу английским тальком, белье надевает самое тонкое, а платье — безукоризненно выглаженное и душится дорогими духами или одеколоном. Мои гости продолжают болтать. Нья Жожа возмущается: «В этих автобусах стало просто невозможно ездить, духотища, выхлопные газы». Настроение у нее снова изменилось, она уже больше не улыбается, не жестикулирует, перестала хвастаться и рисоваться. Нья Жожа разминает в пепельнице — изделие ангольского ремесленника — окурок сигареты, открывает сумочку

и вынимает оттуда фотографию. «Вы только поглядите, что за причуды у глупого мальчишки». Дона Франсискинья берет фотографию, затем передает ее Валентине, Валентина — доне Жужу, а уж дона Жужу мне. Дона Франсискинья улыбается, и дона Жужу улыбается, и Валентина улыбается, и Жожа в свою очередь тоже не может удержаться от улыбки. Я с удивлением гляжу на фотографию. Женщины, все еще улыбаясь, обмениваются впечатлениями, а я разглядываю фото и никак не могу оправиться от изумления. С помощью черных чернил Витор превратил свою курчавую шапку волос в прямые, он старательно заштриховал волосы, и получилась пышная, как у европейцев, шевелюра. Потом, вероятно в другой раз, он решил подрисовать рот, и его пухлые, толстые губы стали тоньше — такими, как хотела Жожа: «Не забывай, Витор, поджимать губы!» Наконец, какое-то время спустя — неизвестно, сколько недель или месяцев успело пройти с тех пор, — он уже другими чернилами с яростью перечеркнул фотокарточку жирным крестом и с обеих сторон исчеркал фото какими-то завитушками, полосками, так что она была теперь непоправимо испорчена. А потом он швырнул фотографию в ящик письменного стола, даже не подумав о том, что она может попасться на глаза нье Жоже. «Подружка, вчера вечером я нашла эту фотокарточку у Витора в столе. Что за фантазии у этого парня и что мне с ним делать, скажи на милость? Конечно, он становится взрослым и подобные чудачества — естественное следствие, болезнь переходного возраста, это все, разумеется, пройдет. Но ведь этот дурачок не понимает, что теперь в цене как раз чернокожие, девчонки-португалки бегают за ними, потеряв всякий стыд. Все прямо помешаны на черных парнях и черных девушках. В Лиссабоне полно смешанных браков».

Я почти не прислушиваюсь к их болтовне. Из гостиной доносится аромат горячего кускуса, аппетитно пахнет кофе. Я мысленно представляю себе накрытый стол, посередине стоит кастрюля с кускусом, накрытая шерстяной тканью, чтобы не остыла, рядом — горячий кофейник под кашмирским матерчатым колпаком и молочник со сливками, на столе белеют японские фарфоровые чашки, тут же — конфеты, пирожные на меду, печенье с бананами, масло, пастила из гуаявы. Но вот Валентина поднимается со своего места. «Пойду сниму с плиты кускус, навер-

ное, он уже готов. Посмотрим, удался ли он мне на сей раз?» А нья Жожа тем временем продолжает: «Нам давно пора знать себе цену. Я не понимаю, почему мы должны, к примеру, стыдиться своего цвета кожи, почему так боимся этих определений: черный, белый, мулат, квартеронец. Наши земляки словно стесняются своей расы, стесняются своих волос. А чем они хуже гладких или волнистых волос европейцев?» Коллоквиумы в Высшем институте колоний, что находился на площади Принсипе Реал, — бесконечные споры о цвете кожи, о типах лиц, реабилитация африканских ценностей. «Подожми губы, Витор. Он хоть и чернокожий, но парень что надо, и характер у него твердый, начал работать в мясной лавке и уже правая рука хозяина. Милые мои, вы бы только посмотрели, какие он пишет сочинения! Марио Кастрив даже обещал напечатать его интервью в «Спутнике юношества», он представит Витора на первой странице: «Внимание — Витор Мануэл до Розарио с Островов Зеленого Мыса», он черный, но может потягаться с любым белым».

Женщины трещат без передышки, болтают бог знает о чем, Жожа рассказывает, какая история приключилась у нее с английскими туристами. Она, смеясь, передразнивает их ломаный португальский язык. Уж она задала им перцу, будьте спокойны! Пусть лучше убираются к дьяволу, может, это и превосходные люди, но то, что они расисты, — нет сомнения. Я на минутку отлучаюсь, и Жожа, воспользовавшись моим отсутствием, продолжает болтать без умолку. «Нет, вы только себе представьте! — поминутно восклицает тетушка Жожа. — На Сан-Висенти сейчас происходит много такого, что кажется нам диким. Моя знакомая, Танья, написала мне об одном случае. Эти японские рыбаки обзаводятся подружками, оно и понятно, ведь они, бедняги, чувствуют себя такими одинокими вдали от семьи, а наши девушки готовы на все что угодно, лишь бы не умереть с голоду. Однако, если кто-нибудь из них на свою беду надумает обвести своего кавалера вокруг пальца, наставить ему рога, японцы ни перед чем не остановятся, чтобы отомстить. Вот, например, Дудуй, дочку ньи Жоанины из Ломбо, привезли в больницу всю окровавленную. Доктор Абилио прямо из сил выбился, пока остановил кровь. Представляете, это ее так укусил японец, грубое животное! Наши ребята, про-

слышав об этом случае, возмутились и решили отыскать рыбака и проделать с ним то же самое, но япошка оказался догадливым и вовремя скрылся. Таня пишет: «Жожа, когда ты приедешь, тебе бросится в глаза множество очень странных вещей». Конечно, японцы невероятно обнаглели. Случись такое со мной, я так и написала Тане, разгуливал бы этот рыбак с моей отметиной».

В дверях появляется Валентина и, извинившись за небольшое опоздание, приглашает гостей к столу: «Пожалуйста, дорогие мои, а то кускус остынет». Няя Жожа и не думает отказываться. «Вот и хорошо, милая, как раз подоспело время ужинать. По совести говоря, мне давно хотелось отведать кускуса». Надо сказать, что не у одной только Жожи слюнки текут. У донь Жужу, у донь Франсискиньи — у всех глаза разгорелись при виде любимого блюда. Дона Жужу пробует блюдо и принимается расхваливать хозяйку. Жожа и доня Франсискиньи вторят ей. Кускус — приготовленные на пару кусочки теста из рисовой или кукурузной муки — получился на славу: нежный, мягкий, несмотря на недостаточно глубокую кастрюлю, и, даже намазанные маслом, ломтики приятно отдают корицей. Блюдо удалось Валентине на славу. Она знает, как много это значит. Престиж хозяйки дома на Островах определяется ее кулинарными способностями. Зеленомыска должна уметь приготовить три вещи — настоящую кашу, сладости и вкусный кускус. Теперь поговорим о доне Жужу. За весь вечер она не проронила ни слова, только слушала других и поддакивала, почти не раскрывая рта. Но если уж она заговорит, то попадает в самую точку. Увлеченный колоритным рассказом няя Жожи, я оставил в тени дону Жужу — это непростительный промах. Она не заслуживает такого отношения и никогда не заслуживала, простите меня, няя Жужу, поверьте, я не со зла. И сейчас, во время еды, я все внимание отдам вам, согласны? Она сидит напротив меня, сдержанная, скромная. Манеры у нее мягкие, спокойные, она все делает неторопливо — говорит, разрезает кускус, подносит чашку к губам. Движения ее размеренны, так же как и слова. Кажется, что она заранее продумала, как надо сесть, подняться с места, поднести ко рту ломтик кускуса, как размешать кофе со сливками и вытереть губы салфеткой. «Дона Валентина, очень вкусно, прямо объедение!» Я обращаю внимание на то, что кожа у нее

очень светлая. Дона Жужу родилась на острове Фогу, в жилах ее нет негритянской крови, и тайна ее генеалогического древа хранится за семью печатями в ящике секретера. У всех уроженцев Фогу схожая родословная. А я хочу воздать ей по заслугам, и это не просто любезность хозяина дома, отнюдь нет, дона Жужу — креолка до мозга костей. «Я зеленомыска, очень этим горжусь и никогда не скрываю своего происхождения. Иногда кто-нибудь здесь, в Лиссабоне, спрашивает, не бразильянка ли я, подобный вопрос приводит меня в негодование. Какая я вам бразильянка?! С чего вы взяли? Нет, господа, я с Островов Зеленого Мыса и иной родины знать не желаю, я ведь не какая-нибудь замурзанная служанка, что ведет тут развеселую жизнь и выдает себя бог знает за кого, нет, господа, я с Островов, я исконная зеленомыска, родом с Фогу, — вот так я говорю всем и всюду, куда бы меня ни занесла судьба». Речь и манеры у нее спокойные, мягкие, дона Жужу умеет увлекательно рассказывать, у нее приветливая, ласковая улыбка, и послушать ее — одно удовольствие. Она высказывает свои суждения о жизни, и если говорит на португальском языке — то с акцентом, если же по-креольски — то свободно. Когда ей случается говорить на креольском диалекте родного острова, это у нее тоже отлично получается. «Ведь криольо — язык колыбели, язык моей родины, и я не могу от него отречься, как не могу отречься от родных мест, я прихожу в ярость, когда вижу этих вертушек, что давно уехали с Островов Зеленого Мыса и теперь стараются скрыть, откуда они родом. Я встретила одну такую особу на Тиморе, она уверяла, будто отец у нее бразилец, а мать португалка. И так уж она старалась провести меня, а я-то все заметила — и цвет ее кожи, и волосы, хоть она хотела все это скрыть, но все же достаточно было одного пристального взгляда, чтобы я узнала в ней землячку. Я спросила, как ее фамилия, и тут же сказала про себя: да ты, голубушка, с острова Брава, из семьи тех самых Фариа с Брава, и через несколько дней действительно убедилась, что я была права». Точь-в-точь такую же историю недавно рассказала Жожа. Это случилось с ней на открытой площадке возле ресторана в Рибамаре в квартале Алжес. «Я спросила ее без обиняков: вы случайно не родственница ньо Онтоне Тутуда, с Санту-Антана, того самого, что торговал на рынке? Увидев, что я не собира-

юсь дипломатничать, она прикусила язык и растерялась. Я поначалу чуть было не обозвала ее нахалкой, но, когда она присмирела и стала тише воды ниже травы, я промолчала — с такими людьми я веду себя сдержанно». Я было подумал, что о Виторе мои собеседницы уже забыли, но тут донна Жужу, держа ломтик кускуса в руке, осторожно и словно бы между прочим спросила: «Жожа, а сколько лет Витору?» — «Семнадцать». — «Милая, — подала голос донна Франсискинья, — да он у тебя в расцвете сил». Услышав это заявление, я стал размышлять о чем-то своем и очнулся только тогда, когда речь уже зашла о том, что в нынешние времена нашим землякам живется не сладко, им здесь не доверяют. «Да, теперь приходится туго. Знаете, если где-нибудь им и удастся хорошо устроиться, так это в Дакаре. Оттуда они уезжают обычно в Лиссабон, потом из Лиссабона в этот сумасбродный Роттердам, и уж там-то они живут в свое удовольствие: у одних обедают, у других ужинают, соотечественники их поддерживают, помогают им. Не знаю, в чем мы провинились, только повсюду на нас косятся — не известно, почему — и всюду нас ждут неприятности. Стоит только зеленомысцу хоть чуть-чуть оступиться, сделать один неверный шаг, и конечно — ему вовек не освободиться от подозрений». Однажды в гостях у тетушки Консейсао Медины, что живет в районе Сан-Бенто — она как раз отмечала свой день рождения, и в доме было полно гостей, — Жожа сказала: «Мир перевернулся вверх ногами. И все из-за этой заварушки с террористами. Знаете, сверчок под камнем тихохонько верещит и если наступить на него, то раздавишь, но дай ему волю — он высоко взлетит». — «Конечно, нечего соломенному чучелу прыгать через костер», — подхватил кто-то из гостей. «Это уж точно, только сдается мне, многое у нас делается не так, как надо». — И няя Жожа оглянулась по сторонам, она знала здесь всех, кроме двух девочек в узеньких мини-юбках — откуда они тут взялись, неизвестно. Волосы выпрямлены в парикмахерской, веки подведены зеленым, на одной из них курточка в обтяжку — а она такая толстушка. Другая тоже полновата. Препотешная особа, явно претендует на утонченность. И обе умничают изо всех сил. В бытность свою на Сан-Висенти эти девицы явно занимались тем, что заманивали к себе в дом клиентов и где-нибудь в квартале Монте-де-Сосегу, на Ломбо или

на улице Коко целыми днями ожидали, не постучит ли кто в дверь. Сразу видно, чем они занимались дома, недаром обе так громко хохочут, и у обеих эти развязные манеры и такой грубый язык — точно у портовых грузчиков; ни воспитания, ни приличных манер, сразу видно, откуда явились эти две девицы, — из квартала Рабо-де-Салина или с улицы, которая у нас называется Налей-ка-еще-пивка. А теперь они пытаются выдать себя за интеллигентных девушек. Впрочем, на какие только хитрости не пойдешь, лишь бы взять у жизни свое. А что это за паренек, вон тот, что сидит поодаль, очерившись, точно кусачий щенок? Может, он тоже один из тех — из осведомителей? Оглядевшись наконец по сторонам, Жожа вдруг заявила, что ничего не смыслит в политике. Однако окружающие подумали, что она сделала это неспроста, и промолчали. Здесь не место для подобных тем. Даже молодежь, даже студенты не рискнули поддержать этот разговор. Нажить себе неприятности ничего не стоит — даже сам не заметишь, как это случилось. Ведь никогда не знаешь толком, что собой представляет твой собеседник и какие у него намерения. В наше тревожное время даже соотечественникам нельзя доверять. Но все-таки, скажите на милость, кто они такие, эти две красотки, что незваные явились в дом к нье Консейсао Медине? Разве вы не слышали, что сейчас даже среди женщин немало осведомителей? Все вынюхивают, все высматривают, а потом доносят куда следует? Ну, а что думают о политике другие гости? Всех, конечно, расспрашивать не стоит, но такого близкого знакомого, как инженер Ваз, — все его зовут просто Жо, — можно было бы спросить. Этот не станет уходить от ответа, подобно тетушке Жоже. Но все же кто эти молодые особы, что пришли без приглашения? Остается только гадать. Вероятнее всего, это девицы легкого поведения, посетительницы зланных мест, постоянные клиентки баров на Кайс-до-Содре, подкидающие моряков или прожигателей жизни — молодых людей, которые не знают, как убить время. Эти девицы, так же как и те креолки, что приехали в Португалию с Островов Зеленого Мыса в надежде на легкий заработок, мечтают о жизни веселой и беззаботной, а сами между тем незаметно для себя втягиваются в неприятные и, в общем-то, довольно обременительные дела. Жизнь трудна, предметы роскоши стоят дорого, клиентов оказывается не так уж

много. Эти девицы одна за другой начинают заниматься грязными делами — служить осведомителями. Итак, никто здесь не знает толком, кто эти две развязные особы с вызывающе размалеванными лицами, в узеньких мини-юбках, сковывающих движения. Если судить по их высказываниям, то их можно принять то за отчаянных леваков, то, напротив, за ультраправых. Никто не знает, откуда они взялись, но все явно их опасаются. Осторожность — это самый верный способ уцелеть, береженного бог бережет. Кроме того, гости пришли сюда веселиться, а не беседовать о политике. Играет музыка, все танцуют, подходят к столу, закусывают, праздник будет длиться весь вечер, а может быть, затянется и до глубокой ночи. А вот темнокожая девушка в модном платье и красивых туфельках ни у кого не вызывает подозрений — это серьезная особа, так же как и сопровождающие ее двое парней. Тот, что повыше, учится на инженерном факультете, второй — на юридическом. А девушка — ее зовут Зилда — слушает курс фармацевтики в Коимбре. Ее вряд ли можно назвать хорошенькой, хотя стройная фигурка привлекает к ней всеобщее внимание. Жожа глядит на нее с любопытством. «Зилда, ты на днях была такая миленькая с прямыми волосами, почему ты теперь их не причесала так же?» Не одну Жожу удивила прическа Зилды, недоумевали все, кто давно знал эту девушку. «Но раз у меня такие волосы, ня Жожа, отчего бы мне не оставить их такими, как есть». И она засмеялась, обнажив ровные зубы. «Девочка, но ведь прежде ты их распрямляла». — «Прежде — да, а теперь не хочу. Ня Жожа, зачем прятаться от того, что является исконно твоим? Европейцы — одно, мы — другое. Зеленомысец должен оставаться самим собой, разве я не права?» Никогда прежде Жожа не слышала таких речей. Может быть, Зилда немного и рисует, но все-таки в ее словах что-то есть. Все девушки из кожи вон лезут, стараясь гладко причесать волосы, на все идут, лишь бы быть похожими на европейских женщин, а Зилда, такая юная, такая прелестная, не желает этого делать. Нынешняя молодежь не желает идти на поводу у моды. Она все делает наоборот. Витор тоже как-то раз высказывал дома подобную точку зрения: «Матушка Жожа, пора нам отказаться от колониального наследства». У теперешних молодых людей прямо мания какая-то все переназначать по-своему. Но вернемся к

вопросу о прическе: почему же все-таки эта умница Зилда ничего не хочет делать со своими волосами? «Сейчас это модно, нья Жожа, вы не верите? Я просто не знаю, как вам это доказать!» — И она рассмеялась, увидев растерянное выражение лица тетушки Жожи. «Нья Жожа, мы объявили войну подражательству, — сказал один из пришедших с Зилдой парней. — Мы признаем морну, коладейру и креольский язык. Ведь мы африканцы, и внешность наша должна соответствовать этому имени». Жожа даже подскочила на месте. «Милый, ты, по-моему, перегибаешь палку. Значит, и жениться вы собираетесь только на негритянках?» — «Вот именно, нья Жожа». — «Конечно, ребята, каждый волен поступать так, как подсказывает ему собственный разум, но выслушать меня вам все-таки не помешает. Белые девушки издавна привлекают мужчин с черной кожей, уж мне-то можете поверить. На ком женаты наши земляки, живущие в Гвинее? На белых. Ангольский врач, что был проездом на Островах Зеленого Мыса, тоже женат на белой. Многие из тех, кто занимает крупные посты в Анголе, женятся на португалках. В Мозамбике такое явление тоже не редкость. Вы, наверное, уже не застали здесь индийского врача из Гоа, — его звали Гайтенде, — так вот он тоже выбрал в жены португалку, о ней еще писали в газетах. А вы что утверждаете? «Мы — африканцы». Да перестаньте вздор молоть! Какие мы африканцы? Что у меня от африканки, да и у вас тоже? Цвет кожи? Да какое это имеет значение? Я зеленомыска, и вы все зеленомысцы. Цвет кожи! Что это, спрашивается, за понятие? Да у многих из наших земляков кожа белее, чем у португальцев. Если кто-то захочет заставить меня отречься от родины — я ни за что не соглашусь. Но знаете ли, ребята, цвет кожи для нас не главное, что черный, что белый — все едино. Белому нужен черный, черному нужен белый. Вот как у нас в народе говорится: «Вы, сеньор, белый, я — черный, я уважаю вас, сеньор, но без меня вы ничто; белый — это бумага, а без чернил она нема». И наши соотечественники правы. Что бумага без чернил, что чернила без бумаги — одно и то же, оба друг без друга ничего не стоят.

Товарищ Зилды улыбнулся: «Нья Жожа, мы не хотим смириться с судьбой, которую навязали нам колонизаторы. Мы предпочитаем другой путь. Пускай они раздобывают себе чернила, а мы найдем бумагу». Нья Жожа

смотрела на них с недоумением. «У вас гладкие волосы, но если бы они были курчавыми, как у африканцев, вы бы их, наверное, выпрямляли, не правда ли? Просто красивее, но все это ничего общего не имеет с идеологией». — «Нет, имеет, — возразили парни. — Черные девушки уже привыкли оставлять свои волосы кудрявыми. Негры новыми глазами взирают на свою культуру». Тетушка Жюжа принадлежала к старшему поколению, и все эти рассуждения были ей непонятны, они рождали в голове невероятный сумбур. «Да, мои дорогие, я принадлежу к старшему поколению, что правда, то правда, по-моему, волосы — это одно, а политика — другое, стоит ли затевать из-за этого спор?» Молодежь, конечно, считает, что ей принадлежит весь мир, эти парни немного чокнутые. «Послушайте, ребята, наверное, Витор с удовольствием поболтал бы сейчас с вами». — «Не найдется ли у вас, нья Жюжа, грога или еще какого-нибудь спиртного с наших Островов?» — «Есть брага и наливка, хотите? Я собираюсь познакомить вас с моим воспитанником, он умный парень и недаром сын бунтаря».

Жюжа настолько увлечена разговором, что не замечает, как подозрительные девицы подсаживаются к ней с явным намерением что-нибудь выудить. Но тут раздаются громкие звуки коладейры, разговор сам собой стихает, гости радостно выбегают на середину комнаты. Всех — и молодых, и старых — увлекает за собой коладейра. Поглядели бы вы сейчас на тетушку Жюжу: раскрасневшаяся, счастливая, она и думать забыла о своих шестидесяти с лишним годах! Как только ей удастся сохранить этот молодой задор? «Милые, камень, который катится, никогда не обрастает мхом». А теперь посмотрите на нью Коншу, знаете, сколько ей лет? Семьдесят, давно уже минуло семьдесят, а посмотрите, как она покачивает бедрами, как изгибается всем телом, танцуя с двадцатилетним парнем! Задержите взгляд на нью Армандиньо, что согнулся под бременем лет, ему уже далеко за семьдесят, люди говорят, не сегодня-завтра восемьдесят стукнет, но и он не усидел на месте. Видите, все закружились в танце, никто не смог устоять перед дразнящим, дурманившим напевом. Как по-вашему, что породило эту музыку, этот живой, четкий ритм? Джаз? Батукэ? Меренге? Калипсо? Откуда взялась эта музыка — неважно, где ее истоки, — это уже никого не интересует, она родилась на Островах

Зеленого Мыса! Лица танцоров раскраснелись, музыка увлекла всех, обратите внимание, как они, охваченные безумием, покорно подчиняются наивному, грубому и дьявольски быстрому ритму, как отдаются во власть мелодии, которая вторит словам, звучащим то издевательски-насмешливо, то нежно или шутиливо. Нет большего наслаждения для зеленомысца, чем коладейра. А теперь взгляните на тетушку Жожу — она уже совсем запыхалась, под мышками у нее выступили темные круги, эта Жожка плясать мастерица, в танцах для нее вся прелесть жизни, ее главное удовольствие. Вот она раскачивается всем телом, поводит бедрами, а то вдруг замрет на месте и нахохлится, точно наседка. Нья Жожка любит ходить в гости, любит выпить вина или грога, ничего ведь нет вкуснее на свете, чем грог с острова Санту-Антан, он веселит душу и пронимает тебя до самого сердца. Впрочем, Жожка — стреляный воробей, она умеет держать себя в руках, пить без разбору — этого она не любит, не следует злоупотреблять гостеприимством хозяев. А вот коладейра для нее точно дурман, словно сладкая отравка, вызывающая головокружение, и никакой силе не вырвать ее из круга танцующих раньше двух или трех часов утра. Лишь очутившись у себя дома, Жожка припомнит заинтересовавший ее у ньи Консейсао Медины разговор и задумается: в самом деле, почему это девушки не хотят больше делать себе европейскую прическу? Сперва она посмеялась и не приняла слова Зилды всерьез, но в глубине души нья Жожка не очень-то уверена в своей правоте: молодежь сейчас хоть и взбалмошная, а все же подчас в здравом смысле ей не откажешь. Как знать, кто из них прав? На следующий день, сидя с Витором за обедом, она пересказывает ему состоявшийся у нее накануне разговор с Зилдой и ее друзьями. «Ты не представляешь себе, сколько потерял, что не пошел со мной». Витор пристально смотрит на нее и молчит. «Спустишь на землю, сынок, ты опять витаешь в облаках!» — «Нет, матушка Жожка, я размышляю, меня удивила беседа этих молодых людей с вами». Молчание длится целую минуту, Витору хочется признаться: он уже слышал о том, что девушки-негритянки перестали носить гладкие волосы и что это кажется ему единственно правильным. Он говорит, что у Зилды и ее товарищей полно единомышленников, и не только в Коимбре — там-то их, естественно, хватает. Жожка плохо

понимает то, что он говорит. У нее самое смутное представление о его убеждениях. Нья Жожа смотрит на юношу, стараясь понять, как далеко зашло его увлечение новыми идеями, судя по всему, в голове у ее воспитанника полный сумбур. И тут ее осеняет: неспроста Витор перестал смазывать волосы кокосовым маслом и только сушит их после мытья, а на ночь надевает старенькую, плотно обтягивающую голову шапочку. А может, все и образуется? Ведь то, что молодежь ко всему относится критически, — естественно, хотя что ни говорите, а тонкие, прямые волосы ни в какое сравнение не идут с негритянской шапкой волос. Молодежь, возможно, во многом права, просто иногда суждения молодых людей кажутся им, старшим, легкомысленными. Вот и Витор абсолютно согласен со своими сверстниками. «По-моему, они совершенно правы, матушка Жожа, — сказал он недавно, — пора нам отказаться от наследия колониализма. Настало время, земляки!» Эти слова повергли Жожу в смятение, и она испуганно запричитала: «Замолчи, бога ради, ты меня хочешь с ума свести! Ох, видно, парень совсем свихнулся, не иначе как в отца пошел! Ну что с тобой делается, Витор, успокойся, сынок, конец света еще не наступил, день по-прежнему сменяется ночью, а ночь — утром». «Зеленомысцы должны отчетливо понимать, кто им друг, а кто нет, — сказала в недавнем разговоре донна Жужу. — Ведь стоит кому-нибудь из наших оступиться, сделать неверный шаг — и конец, ему никогда уже не избавиться от подозрений. С нашими земляками обращаются так, будто они — абсолютные ничтожества. Жалко мне наших соотечественников. Они уезжают с Островов Зеленого Мыса, надеясь найти работу на Сан-Томе или в Анголе, кое-кому удастся заработать немного денег, так что вполне хватает на пропитание, но зато работают как ломовые клячи, словно труд — это ниспосланное богом наказание. Многие возвращаются на родину, но есть и такие, кто навсегда остается в чужих краях. Фонсека рассказывал — а я ему верю, — что если зеленомысец проживет в глуши несколько десятков лет, он сам становится дикарем. У этого Фонсеки обо всем свое понятие, он говорит, что человек из наших краев может и в люди выйти, а может и на дно опуститься, все зависит от того, куда он попадет. А уж работа на плантациях для креола хуже смерти — где бы эти плантации ни находились, на острове Сан-

Томе или в Анголе. Впрочем, что плантация, что муссек — все едино. Фонсека прав. Кто якшается со свиньями, сам скоро будет есть отруби».

Дона Жужу объехала полсвета и немало повидала на своем веку. Для нее не составляет тайны то, что происходит в дальних краях, в чужих землях. Совсем иная жизнь была у тетушки Жожи, которая никогда не бывала в Африке и приобрела свой жизненный опыт, общаясь только с черными, белыми или мулатами на Островах и в Лиссабоне. «Знаете, расизм есть повсюду. В одних странах он проявляется сильнее, в других меньше, и только Острова Зеленого Мыса составляют исключение. Впрочем, когда наши соотечественники оказываются за пределами родной страны, они тоже становятся расистами». Нья Жужу, рассматривая исчерканную Витором фотографию, только пожала плечами: какая чепуха, обыкновенные ребячьи проказы. Пресекающимся от волнения голосом Жожа спросила: «Ты так думаешь?» Дона Жужу не видела оснований для беспокойства, она только спросила: «Жожа, а сколько Витору лет?» — «Недавно исполнилось семнадцать». Жожа знала, что он ухаживает за девушкой — беленькой и к тому же прехорошенькой, — она вскружила Витору голову. Скорее всего, и тот, и другая обманываются сейчас в своих чувствах. Будущее покажет, и все-таки Жужу не покидает тревога: «Понимаете, Витор умный паренек, только в последнее время у него появились какие-то странные идеи. Он стал запирается в комнате, часами не выходит оттуда, запоем читает стихи и что-то строчит без передышки. Я вижу, как он переменялся, и мне за него становится страшно, сама не знаю почему. Около него постоянно вертятся двое парней, они немного постарше, по-моему, у них тоже мозги набекрень. Оба они учатся на Бесправном факультете, как сказала бы моя бывшая служанка. Но в их компании есть еще один парень, очень неприятный, мне он ужасно не нравится, ходит за ними хвостом и всегда угрюмый. В один прекрасный день я все-таки вмешаюсь: пусть оставят моего Витора в покое! С нынешней молодежью никакого сладу нет, совсем распустились ребята! Они, видите ли, задумали устроить заговор против правительства, и Витор Мануэл тоже впутался в эту историю, он твердит, что участие в политических событиях необходимо, что политика — это средство исправления всевозмож-

ных несообразностей нашей жизни. Только он, наверное, забыл, чем эти дела обычно кончаются. Знаете, что на днях этот сорванец заявил: «Матушка Жожа, я хочу увидеть своего отца. Мечтаю поскорей попасть на Острова Зеленого Мыса, чтобы встретиться с ним». Боже праведный, святые угодники, а ведь отец-то его томится в тюрьме на острове Маю! Как же Витор сможет его увидеть?! Я говорю: «Витор, ради всего святого, выкинь эти глупости из головы». А он все никак не уgomонится. Вчера попросил, чтобы я рассказала ему о мятеже. Спрашивает, правда ли, что отец его был замешан в антиправительственном заговоре». Дона Жужу не могла скрыть своего изумления: «Жожа, а разве отец Витора — мятежник?!» — «Да, он принимал участие в бунте. А что в этом особенного? Отец Витора — человек темный, он и понятия не имел, что такое политика». Видимо, этого человека случайно вовлекли в заговор, решил я, но не успел высказать своих соображений, как дона Жужу опередила меня: «Значит, его втянули?» — «Что значит втянули? — обиделась тетушка Жожа. — Милая, не говори чепухи. Вот уж кого мне жаль, так это бедного отца Витора, ему просто приписали участие в антиправительственном заговоре. Совсем с ума посходили! Эти нелепые слухи распускают власти. Ты слышала, Жужу, историю про ньо Жероме? Про ньо Жероме де Тутику?» — «Слышала, Жожа. Говорят, будто этот Жероме колдун». — «Что за ересь, Жужу, ерунда какая! Ньо Жероме никогда этим делом не занимался, он был честный христианин. Некоторых кумушек хлебом не корми — только дай позлословить. Нет, мои дорогие, ньо Жероме жил отшельником в глуши на острове Сантьягу и часто читал землякам Библию. С давних пор он читал им вслух Библию. Понимаете, ньо Жероме де Тутика учил зеленомысцев жить согласно Священному писанию. Жители Сантьягу не хотели знать ни о каких властях, они видели, что представители власти творят беззакония, о благе людском не заботятся и злоупотребляют долготерпением бедняков, — и не доверяли властям. Люди видели, что священники ведут точно такой же образ жизни, что и все остальные, — есть у них и любовницы, и незаконные дети, и только за солидную мзду они соглашались крестить младенца или хоронить покойника, они спорят из-за чужих жен, ведут торговлю, — одним словом, они ничем не отличаются от простых смертных. Так вот,

жители Сантьягу слушали, как ньо Жероме де Тутику читает им Библию, а сами думали, что в мире все устроено не так, кругом царит несправедливость. Видя беззакония, которые творили попы, они не могли поверить, что священник — угодный богу человек. Эти бунтари мечтали об иной, прежней жизни — без грабежа, без обмана, без произвола». — «Истинная правда, Жожа, — подала голос дона Жужу, — они запретили строить туземцам их традиционные хижины — табанки, запретили танцевать в городе батуке и коладейру во время праздника святого Жоана». Дона Валентина тоже вставила словечко: «Что верно, то верно, теперь священники совсем другие, чем прежде. К слову сказать, это они стали преследовать тех, кто увлекается спиритизмом, не так ли, няя Жожа? И до тех пор не успокоились, пока не запретили сеансы у ньо Брито Соареса. Пойди разбери, чем он им помешал. Уперлись, и все тут. А ведь спиритизм — своего рода религия, разве от него может быть какой-нибудь вред? В Бразилии спириты на каждом шагу, и никому не приходит в голову их преследовать. Даже письма спиритического центра из Рио-де-Жанейро благополучно доходят по назначению. Да и вообще, где это видано — устраивать гонения на спиритизм? А что касается мятежа, то его участники не учиняли никаких беспорядков, не лезли в чужую жизнь. Во время суда судья обратился к одному из них: «Как тебя зовут?» — «Бунтарь». — «Я уже знаю, что ты бунтарь. Но как твое имя?» А тот заладил свое — бунтарь и бунтарь, хоть кол на голове теши. И остальные вели себя точно так же. Когда зачитывали приговор, я видела отца Витора. Он тоже не назвал своей фамилии. В тюрьме его избili до полусмерти, но он так и не заговорил. И на суде отец Витора хранил молчание. «Как твое имя?» — «Бунтарь». — «А до того, как ты стал бунтарем, как тебя звали?» — «Бунтарь и еще раз бунтарь». Так от него ничего и не добились, он отпирался и все отрицал. Церковные власти пытались было настоять, чтобы мятежники заключили церковные браки и окрестили своих детей. Бесполезно. Отец Витора не стал ни крестить сына, ни регистрировать его в Управлении по гражданским делам. Надо сказать, что мятежники вели трудовую жизнь, они читали свои молитвы и знать ничего не желали о правительстве, о церкви и о губернаторе. Жили уединенно. Так возникла целая секта. Мой двоюродный брат

доктор Лопес де Баррос уж на что человек осмотрительный, а и он в конце концов не выдержал и встал на защиту мятежников с Сантьягу, когда они предстали перед судом. На политику этим людям было наплевать, они жили себе тихо-мирно, никому не мешая, помогали друг другу, молились и все в таком роде. И не совали, как некоторые, нос в чужую жизнь. И вот однажды в глухие районы Сантьягу, где жили эти мирные люди, приехала из Минделу санитарная бригада проводить дезинфекцию. Парни с Саосенте — народ отчаянный, сами знаете. Как вихрь, ворвались они в дома, да еще с дикими воплями, точно шли в атаку на врага, провели в два счета дезинфекцию, и тут же смылись, но зато шуму они наделали много! Это было настоящее оскорбление. Негры на Сантьягу не могут терпеть наглого обращения. В знак протеста они все, как один, покинули свои жилища и решили больше туда не возвращаться. Вмешались власти, губернатор, полиция, но обитатели домов, где провели дезинфекцию, не захотели туда вернуться. Тогда их водворили насильно, однако ночью они сбежали и скрылись в лесу. Все пошло кувырком. Отец Витора тоже сопротивлялся, его схватили, привели в дом, он отбивался, как мог, и только все повторял: «Иисус Христос, господь наш, с нами, он мой защитник». Его избивали, а он все твердил: «Один бог властен над нами, он все видит и творит суд праведный». Ньо Той до Розарио был мужчина богатырского сложения и огромного роста — Витор-то уродился в мать, такой же, как она, хрупкий, — так вот, ньо Той до Розарио стойко вынес все побои и притеснения. Только на следующий день он бесследно исчез, как в воду канул. Оно и понятно, для честного человека легче умереть, чем быть несправедливо наказанным. Однако полиция напала на его след, Витор, бедняжка, присутствовал при аресте отца, все происходило у него на глазах. Он до сих пор отчетливо помнит эту сцену. Месяц назад он сказал: «Нья Жожа, однажды отец, перед тем как молиться на ночь, признался мне: «Сыночек, я вступил в секту бунтарей». Я хотел бы теперь встретиться с отцом, только как это сделать?» Когда судья спросил на суде отца Витора, правда ли, что он не хочет жить в своем доме, тот ответил: «Да, истинная правда». Но когда его спросили, правда ли, что он отказывается подчиняться властям, он возразил: нет, просто он с ними не согласен. «Давайте разбе-

ремся во всем по порядку, господин судья. Для меня высшая власть — Библия, а единственный учитель — Иисус Христос». И он продолжал в таком же духе. Судья задал ему вопрос, почему он покинул свое жилище, и отец Витора ответил: его дом осквернен. Прежде его очаг был осеен божьей благодатью, в нем жили духи умерших, и вдруг явились парни с Сан-Висенти со своими дезинфекционными аппаратами и устроили настоящий погром. Если говорить начистоту, неграм с Сантьягу, пусть они люди и темные, характера не занимать. Вот так проходили допросы на суде. И чем сильнее били и оскорбляли арестованных мятежников, тем больше они замыкались в себе и становились только тверже духом. Ни один не выдал товарищей, ни один не разомкнул губ, ведь слово не воробей, вылетит — не поймает. Судья все допытывался, не замыслили ли они заговора против правительства, не поступали ли к ним приказы откуда-нибудь извне, но они словно воды в рот набрали. Они несогласные — вот и весь сказ. Знаете, дело происходило во время войны в Анголе и Гвинее-Бисау, правительство тогда любого местного жителя подозревало в заговоре. Их судили. Одних суд оправдал, других приговорил к наказанию: кого выслать на отдаленные острова или в метрополию, кого посадить в тюрьму. Отца Витора сослали на поселение на остров Маю. Боже милостивый, что это за остров! Только камни да дикие козы. Но у каждого, как говорится, своя судьба. И судьба наша в руках божьих. Однако господь может ниспослать тебе райское блаженство, а может упечь и в преисподнюю, словно самого закоренелого злодея. Витор был свидетелем ареста отца, и до сих пор он еще пытается разобраться во всей этой истории. Он часто вспоминает об отце, говорит, будто тот постоянно стоит у него перед глазами, он снова и снова видит, как его, избитого, окровавленного, тащат в дом. И теперь Витор только и думает о том, как бы с ним повидаться. Прямо свихнулся парень. Новая его причуда. А вдруг отец уже умер? Нет, Витор добром не кончит. Как-то утром заявляет: «Матушка Жожа, сегодня мне приснился отец. Он вошел ко мне в комнату и долго говорил со мной». — «Ты уверен, что это был отец, Витор?» — «Да, уверен. Он был весь в крови. Нельсон, сказал он, приезжай на Острова Зеленого Мыса. Мы восстали». Нет, нег, Витор добром не кончит. Он тоже бунтарь, как и его отец.

Ну посоветуйте, что мне делать? Как распутать этот клубок? Мать Витора давно уже умерла, братья и сестры уехали в Дакар, о них никто ничего не знает, известно лишь, что один брат работает в Сенегале диктором на радио. И вот что я ему сказала: «Выбрось ты эти глупости из головы. И думать забудь о поездке на Острова! На кой тебе шут дался этот Сантьягу? Хочешь вечно ходить голодным и спать ложиться на пустой желудок? А он заладил свое: «Хочу вернуться, все равно мне тут осточертело!» Надо этому парню прочистить мозги. Видно, навели на него порчу. Жили бы мы сейчас на Саосенте, я бы давно сводила его на спиритический сеанс. Там бы его вмиг вылечили, а здесь прямо не знаю, как быть. Только прочистить мозги ему необходимо». Не подлежит сомнению, что умственная тренировка, прочистка мозгов так же необходима для ума, как гигиена для тела, и потому христианский рационализм рекомендует ее всем людям, чтобы с помощью дисциплинированного, сознательного, размеренного образа жизни они обрели духовное и физическое равновесие.

Но вот весь кускус съеден. Гости очень его расхваливали. «А мне он что-то пришелся не по вкусу», — в простоте душевной призналась Валентина. «Да куда же лучше, голубушка?! Честное слово, я давно такого не пробовала». Валентина довольна сегодняшним вечером. Она устроила праздник главным образом в память о матери, которая покинула этот мир. Говоря откровенно, и няя Жожя, и дона Жужу скорее подруги ее матери, они знают Валентину с пеленок. Тетушка Жожя превосходно помнит тот день, когда родилась Валентина. «Душечка моя, это словно вчера было!» Дона Франсискинья, правда, не сохранила в памяти дня рождения Валентины, зато помнит ее крестины. «Так явственно, так отчетливо, будто все происходило вчера, доченька. Крещение было великолепное. Множество народа собралось в церкви святой Катарины. Присутствующих при обряде угощали кашупой, на всех хватило, наелись до отвала. А потом целую ночь напролет плясали батукке. Все были очень довольны. Никогда еще на Сантьягу не было такого батукке. — И сама она, Франсискинья, видела нечто подобное только в Мозамбике. — Теперь батукке у нас запретили. У меня на родине его исполняли совсем по-другому. — И дона Франсискинья предалась воспоминаниям о минувших днях. —

Матушка Валентины была женщина добрая и рассудительная, любила помогать бедным, у нее прямо слабость была какая-то ко всем неудачникам, ко всем бедным и несчастным. Она обожала хорошо одеваться, знаете, многие платья выписывала из Парижа. Бывало, выйдет вечером погулять — не женщина, а картинка! Однако она не заносилась, не было в ней высокомерия». Гости чувствуют себя счастливыми, все собираются расходиться по домам. «Не хотите ли посидеть еще немного?» — «Доченька, время спать ложиться». — «Нья Жожа, вы собираетесь на Зеленый Мыс, на нашу родину, доброго вам пути. И сердечный привет всем родным и знакомым». — «Спасибо, доченька. Твой вечер удался на славу». Жожа уходит последней. Я смотрю на нее и думаю о том, что в обществе нья Жожи часы летят, как минуты.

Вот она уходит, чуть-чуть вразвалочку, болтая и жестикулируя, беззаботная, довольная жизнью тетушка Жожа. Она направляется к остановке трамвая, что идет в сторону Аквариума Васко да Гамы. Подходит трамвай, она взбирается на подножку, протискивается в вагон и отправляется в путешествие через весь город. Прощай, Жожа! В скором времени она уедет на Острова Зеленого Мыса. Нья Жожа явится там во всем своем блеске и великолепии. Старые друзья встретят ее с распростертыми объятиями — зеленомысцы народ гостеприимный. Жожа заведет новые знакомства, ведь теперь она не кто-нибудь, она мать доктора Роландо, и это придает ей вес. Теперь ее будут звать «дона Жожа», а не просто «нья Жожа», в кармане у нее чековая книжка, деньги всегда имеют свою ценность, в любой части света, и нья Жожа хорошо это знает. Для старинных подруг и для родственников она привезет из Лиссабона подарки и будет коротать вечера в гостях то у одной, то у другой приятельницы, будет рассказывать им о далекой стране, куда ей посчастливилось попасть. Сейчас нья Жожа хорошо ее знает и будет рассказывать только чистую правду. Каждую минуту в воображении тетушки Жожи рождаются новые фантазии, и ни одно событие у ее друзей на Сан-Висенти — печальное или радостное — не обходится без нее, ведь ее всюду приглашают: на праздники, на вечера, на пикники, двери клуба Гремие гостеприимно распахнуты перед доной Жожей, и она заглядывает сюда иногда сыграть партию-другую в карты. Вот она снует по городу, как чел-

нок — то туда, то сюда, пробегает свой родной Минделу из конца в конец; может быть, ей даже удастся выкроить время и заскочить на соседний остров Сан-Николау, а то и на Браву, ведь это совсем близко, рукой подать, сейчас туда уж, конечно, летает самолет, а раньше об этом нечего было и мечтать: ленивый, медлительный парусник был единственным средством сообщения между островами, слава богу, эта пора безвозвратно канула в вечность. Наконец, довольная жизнью и собой, тетушка Жожа возвращается в Лиссабон, и, когда сходит на берег, о, когда она сходит на берег в этом милом, прекрасном Лиссабоне, то-то радости у родных. Жожа возвращается домой на пароходе «Мануэл Алфредо», вообще-то не все ли равно, какой это пароход — «Мануэл Алфредо», «Рита Мария» или «Ана Мафалда», а может, еще какой-нибудь пароход колониальной компании, например, «Кванза» или «Мануэл де Мело». На пристани в Алкантаре тетушку Жожу встречает толпа соотечественников — люди самого различного происхождения и социального положения, многие даже не знакомы, никогда друг друга и в глаза не видели, одни пришли, чтобы встретить тетушку Жожу, другие — ее товарищей по странствию, да, именно ради них, не стоит тут обольщаться на свой счет. Тетушка Жожа путешествовала со всеми удобствами — в каюте второго класса, а многие из этих несчастных ехали вниз, третьим классом, почти что в трюме, и им приходилось мириться с запахами судовой страпни, зловонием трюма, краски, машинного масла, ветоши и снастей, приходилось мириться с морской болезнью, с постоянной тошнотой, с отсутствием удобств, с оравой голодранцев. Тетушка Жожа прекрасно знает, какое это счастье — плыть на пароходе, она сама лежала в лежку, когда впервые плыла в Лиссабон, ей тогда жизнь была не мила, и она поклялась, что никогда больше не поедет в таких условиях, а раз поклялась, надо держать слово. К счастью, все это уже позади. Едва тетушка Жожа сошла на берег, ее встретили земляки, она была счастлива, что добралась до Португалии, — ведь она столько рассказов слышала об этой стране. На пристани стоит такой гвалт, что кажется, будто это шумит дождь. Какие же они все шумливые, суматошные, эти зеленомысцы, все они шутники, насмешники, зубоскалы, задиры, болтуны, крикуны, отчаянный народ, кровь так и кипит у них в жилах, на улице они как у себя

дома, в лавках — как у себя дома, в кафе — тоже, автобусы они штурмуют с бою, вот что значит негритянская кровь. «Бразильцы ведут себя точно так же», — поспешно убеждает себя тетушка Жожа. Зеленомысцы всюду чувствуют себя привольно — так, по крайней мере, про них говорят. Они орут что есть мочи, суетятся, особенно мелкая сошка. О, землякам тетушки Жожи палец в рот не клади, они шутить не любят, она сама как-то обратила на это внимание: «Знаете, креолы немного взбалмошный народ». И вот на пристани, когда тетушка Жожа сходит с парохода «Мануэл Алфредо», навстречу ей бросаются подружки: «Здравствуй, Жожа! Какая ты стала красивая, как уверенно держишься!» А она думает про себя: «Жаль только, что кожа у меня чуточку потемнела на солнце». И все-таки она счастлива, что после двух месяцев отсутствия снова вдыхает воздух Лиссабона, счастлива, что снова сюда вернулась. Она обнимает приятельниц, то одну, то другую, а они наперебой расспрашивают тетушку Жожу, засыпают ее вопросами: «Как поживает мой племянник Тониньо?», «А как тетушка Кандинья?», «А нью такой-то?» Крики, возгласы изумления, комментарии, бессвязная болтовня, прерываемая смехом, восклицания: «Ого! Ну и ну! Да что вы говорите? Милая, сколько лет, сколько зим! Ах ты, боже мой! Нет-нет, ни за что не поверю, что так было». Все наверху блаженства — и встречающие, и те, что сошли с парохода, — и за какой-то час другой на пристани собралось столько народу, что чуть было не остановилось уличное движение. Опоздавшие со всех ног мчатся к причалу — они только что узнали, что прибыл «Мануэл Алфредо», и не хотят упустить возможности присутствовать при встрече, они всегда рады повидать земляков. Для всех зеленомысцев, живущих на чужбине, когда бросает якорь или снимается с якоря «Мануэл Алфредо» или любой другой пароход, делающий остановку в порту Сан-Висенти, — это всегда событие. Тетушка Жожа и сама не раз ходила на пристань в Алкантаре, чтобы посмотреть, как прибывает или отчаливает «Мануэл Алфредо». Об этом обычно сообщают в газетах, тетушке Жоже звонит приятельница: «Ты слыхала, завтра утром на пристани в Алкантаре собираются наши, «Мануэл Алфредо» приходит!» — И она спешит на пристань не потому, что ждет родственников или посылку с Сан-Висенти, не в этом дело — всех в этот час гавань притяги-

вают точно магнитом. Когда прибывает пароход с далекой родины, каждый, кто сойдет на берег, тебе товарищ, а все встречающие — словно монолитный архипелаг, образованный множеством островков, — ведь зеленомысцы обосновались в Лиссабоне всюду: в центральных кварталах и пригородах — Кампо-де-Оурике, Алмиранте Рейс, Эстрела, Сан-Бенто, Лапа. После дружеских объятий и вручения посылок, а у каждого пассажира их не меньше дюжины («Держи, это от тетушки Антонии, держи, это от матушки, держи, это донна Консейсао, жена ньо Тиши, посылает нье Токе, что живет в Келюзе»), сообщаются новости — в спешке, в суматохе, разумеется, самые важные новости, потом их целыми днями будут пересказывать, этого запаса надолго хватит, ведь с виду ничем не примечательная жизнь островитян может ввести в заблуждение непосвященных — она очень насыщена. После сердечной встречи с земляками в порту тетушка Жожа направляется домой, а там ее тут же начинают осаждать подруги, они только и ждут подходящего момента, чтобы явиться с визитом, — ведь каждой Жожа привезла какой-нибудь подарок — коробку с мылом, плитку шоколада, жители Островов славятся своей щедростью. Потом тетушке Жоже предстоит нанести ответные визиты в квартал Сан-Бенто, в районы Эстрела, Кампо-де-Оурике, ну, а в Кампо-де-Оурике стоит только попасть, обратно уж не вырвешься — там большая колония зеленомысцев. Тетушка Жожа отправляется на площадь Алмиранте Рейс, затем на Посо-де-Биспо, колесит по Лиссабону из конца в конец — где только нет твоих земляков. Но эти визиты для тетушки Жожи — удовольствие. Наконец-то она отдыхает от суматошной жизни, вечера целиком принадлежат ей, и она наслаждается словно перенесенным в Лиссабон размеренным ритмом жизни зеленомысцев — когда время не гонится за человеком и человек не гоняется за временем, а живет себе припеваючи, в покое и довольстве — так беззаботная змейка греется по утрам на солнышке. В моем доме тетушку Жожу ждет плотный полдник с кускусом или без него, но обязательно с чашечкой кофе или чая с молоком, а потом еще пирожные, пирожки, сладости, фрукты, иной раз — стаканчик грога или браги, а то и наливки или настойки, а главное — ее ждет душевная беседа. Сначала немного вялая, она вскоре становится оживленной, даже чуточку шумной, подруги

обмениваются новостями о знакомых, о земляках, что скитаются по белу свету, вспоминают обычаи своей далекой родины, слышатся смех и шутки, порой довольно язвительные, хотя вообще-то зеленомысцы народ не злой. Приятельницы с презрением отзываются о «голландцах» и «голландках», то есть о соотечественниках, переселившихся в Голландию — новую землю обетованную. Несчастливые люди, эти креолы, с первого дня существования Островов Зеленого Мыса им приходится в поисках куска хлеба бежать с негостеприимного архипелага, покидать родину-мачеху, в надежде обрести свое место в жизни. С давних времен мечтавшие о желанном, но недостижимом счастье зеленомысцы, которые плавали на китобойных судах, работали на плантациях Сан-Томе и Анголы, сочинили уйму легенд о капитанах, кораблекрушениях и русалках, о странствиях и героях. Но сейчас все почему-то устремились в Европу, многие осели в Голландии, где их используют главным образом на тяжелой работе — они прислуживают в гостиницах или грузят уголь в порту, задыхаются в душных трюмах — тяжкий труд выпадает на долю эмигрантов, этих пасынков человеческого общества. В Роттердаме, где, как говорят, у людей денег куры не клюют, «сорок пять зеленомысцев, нелегально перебравшихся в Голландию, были арестованы голландскими властями и отправлены в Португалию» (Франс Пресс), да, это случилось в Роттердаме, где у людей денег куры не клюют и где уроженцы далеких Островов Зеленого Мыса танцуют морну и коладейру, стряпают кашу, пытаются таким способом заглушить горькую тоску по родине. А тем временем земляки на Островах безжалостно издеваются над эмигрантами-«голландцами», над их женами, которые остались на Сан-Висенти или уехали в Португалию, — ведь ни для кого не секрет, встречаются еще такие отчаянные женщины, выросшие в нищем квартале Монте-де-Сосегу. Они покинули родину и отправились в Лиссабон в поисках легкого заработка и теперь скрывают свое прошлое и выдают себя за образованных. В Амадоре, пригороде португальской столицы, полно зеленомысцев. Они держатся высокомерно и не упускают случая похвастаться своими успехами и достижениями, приобретают замашки больших начальников. Но тетюшка Жожа не желает знаться с этими выскочками, у нее другой круг знакомств, она идет в гости к одной подруге, потом к дру-

гой, в одном доме пообедает, в другом поужинает. «Жожа, оставайся ужинать, право, голубушка, оставайся!» Почему бы и нет? А поздно вечером ее отвезут домой на машине. Тетушка Жожа каждый день получает приглашения на какой-нибудь праздник или вечеринку, и за этими нескончаемыми пирушками и сама не замечает, как бежит время. Так пролетают дни — в покое и довольстве, и часто ей кажется, будто она вовсе и не уезжала с Сан-Висенти, в самом деле, она словно привезла с собой частицу родной земли, да, зеленомысцы привозят с собой частицу родины, куда бы ни забросила их судьба, они всюду сохраняют свои обычаи и образ жизни. «Интересно, — думает тетушка Жожа, — согласится ли Витор уехать со мной на Острова?» Она чувствует, как юноша все больше от нее отдаляется, он теперь днюет и ночует у своих друзей, отмечает вместе с ними праздники, да, Витор стал в последнее время совсем другим, он изменился до неузнаваемости, и началась эта перемена не вчера и не сегодня, она давно ее почувствовала, хотя причина этого ей пока еще не ясна. Ну что ж, у Витора свои друзья, появятся еще и новые знакомые. Пока она будет блаженствовать на Островах, он обретет здесь новых товарищей и, наверное, станет приглашать их в дом, они будут устраивать вечеринки. Будут говорить и на серьезные темы — о родине, о судьбе своего народа, о литературе. Витор, который собирается посещать лекции и коллоквиумы в Доме студентов, безусловно, познакомится там со многими африканцами — и, как знать, может, они будут собираться у него не только для того, чтобы повеселиться, но и для иных занятий, не исключено, что для дел опасных. Опасных? Да, опасных для тебя, Жожа, опасных для людей твоего возраста, потому что усталость и апатия одолели вас. Что же касается восемнадцатилетних, им такие вещи не кажутся опасными. И когда ты вернешься с Островов Зеленого Мыса, ты найдешь Витора действительно совсем другим — он почувствует себя в своей стихии, подгоняемый попутным ветром надежды, он отправится в первое свое кругосветное плавание. Конечно, он все еще мальчишка, озорной мальчишка, который пожирает глазами девочек и не теряет ни при каких обстоятельствах, но, когда дело касается вещей серьезных, он тоже становится серьезным. И если ты снова захочешь взять его в ежовые рукавицы, тебе это не удастся. Витор паренек рассудительный, однако теперь он

уже взрослый, самостоятельный человек, и он деликатно даст это понять матушке Жоже. Острая боль пронзит сердце Жожи: и ничего-то она больше не знает, ничего не может угадать, не может понять, какой перелом произошел в характере Витора. Если бы она только знала, что все это сулит ей в будущем, какими серьезными осложнениями и неприятностями грозит! Да, Жожа, жизнь твоего Нельсона очень усложнилась и запуталась, только тебе он никогда об этом не скажет, — не захочет лишний раз тебя волновать. И вот однажды вечером, когда тетушка Жожа вернется из гостей (она была у своей старой подруги Бии Лоренсо из Эстрелы, той самой, у которой дочка исполняет морны, ее пение даже записали на пластинку, она в составе зеленомысского ансамбля уже выступала в Голландии, Северной Америке, Луанде, Бисау, Лоренсу-Маркише и в других местах, разумеется, получив субсидию, как теперь это принято, ведь морны сейчас — это прямо-таки золотая жила для их исполнителей, а если вспомнить времена Фернандо Кейжаса, лет двадцать назад, когда разрешалось петь только на португальском языке, кого тогда в Лиссабоне интересовали морны? И кому тогда пришло бы в голову посылать уроженцев архипелага Зеленого Мыса за границу? Теперь же многое изменилось, все поют морны, все поют коладейры!), так вот, когда вечером тетушка Жожа вернулась от ньи Бии Лоренсо, Витора не оказалось дома, судя по всему, он ушел несколько часов назад. Но куда? И тут она увидела записку, что он оставил, и глаза ее расширились от ужаса и наполнились слезами. Господи боже, за что? О, каким непонятным стал этот мир! Она стояла в комнате, держа в руке записку Витора, и предрассветная мгла окутывала ее.

Она была одна со своим несчастьем. Город погружен в тишину, огромный город, которому срочно нужна любовь, как сказал поэт Даниэл Филипе, уроженец Островов Зеленого Мыса. Ты о таком слыхала? Он с Боавишты, заброшенного островка, который теперь, говорят, начнет развиваться за счет иностранных капиталовложений — ведь немцы вложили туда немалые деньги, так по крайней мере утверждает сын тетушки Жожи, Роландо. И не только немцы сделали капиталовложения, но и японцы, американцы, бельгийцы, французы, южноафриканцы, родезийцы, шведы и малайзийцы.

Тетушка Жожа молча стояла, сжимая в руке записку, клочок бумаги, на котором было написано всего несколько слов, строчки расплывались у нее перед глазами, и она с трудом разбирала слова, хотя почерк у Витора четкий, почти каллиграфический. В отчаянии она снова и снова перечитывала записку: *«Матушка Жожа, не беспокойся обо мне. Когда-нибудь я пришлю тебе весточку. Благодарю за все, что ты для меня сделала. Целую. Нельсон»*. Только тут она вспомнила, что сегодня, встав с постели, забыла опрыскать комнату святой водой, дабы изгнать злых духов. Она тихо проплакала до самого рассвета. Сердце подсказывало ей, что Витор уехал на Острова, чтобы повидаться с отцом, а ведь ньо Тоя до Розарио, может, давно и на свете нет, может быть, он умер в тюрьме или еще раньше, когда его избивали в отделении полиции. А вдруг Витор убежал в Северную Америку или в Бразилию в поисках лучшей жизни, как этот паренек по имени Шикиньо из романа Балтазара Лопеса *. Нет, что-то не верится, чтобы у Нельсона было тяготение к американцам, ведь он всегда называл их расистами и империалистами, говорил, что они развязали преступную войну в Корее и во Вьетнаме и что когда-нибудь их ждет еще один Нюрнбергский процесс, нет, здесь что-то не то, здесь кроется что-то другое. В последнее время Витор Мануэл говорил дома только по-креольски, выучил назубок названия независимых стран Африки, их столиц, имена глав правительств, изучал их экономику и политику — это все неспроста. Да, непокорность у Витора в крови. Он чертыхался, когда читал в газетах о выходках расистов, приходил в ярость, когда видел по телевидению, как расправляется с демонстрантами североамериканская полиция, у себя в комнате повесил на стену фотографии лидеров движения за права негров. Так что же приключилось с Нельсоном? Она пыталась понять, что произошло, и боялась ошибиться, обмануть самое себя... Нет, конечно, она давно уже замечала за ним кое-какие вещи. У теперешних мальчишек вообще мозги набекрень. Но кто в этом виноват? Кто должен за это ответить? Нет, она не ошибается в своих предположениях, достаточно вспомнить о товарищах, с которыми он встречался, о тех книгах, какие он читал,

---

* Имеется в виду роман известного писателя Островов Зеленого Мыса Балтазара Лопеса — «Шикиньо» (1947).

о взглядах и убеждениях, какие он высказывал в последнее время... Витор часто являлся домой поздно ночью, входил в комнату на цыпочках, чтобы не разбудить ее, и поскорей забирался в постель. Она-то думала, что он развлекался с друзьями, а тут, оказывается, совсем иное. Можно вспомнить и другие случаи, вот, к примеру, он однажды сказал: «Матушка Жожа, наша родина — Острова Зеленого Мыса». Тогда ей это казалось пустяками, не стоящими внимания, и лишь теперь она по-настоящему поняла, что за всем этим кроется. Мало-помалу она пришла к выводу, что Витор уехал на Острова, чтобы принять участие в национально-освободительной борьбе своего народа. «Да, когда этот парень открыл для себя поэму Габриэла Мариано «Капитан голода», он готов был слушать ее день и ночь и все расспрашивал меня, кто был этот Капитан, чем занимался, присутствовала ли я при нападении на продовольственные склады ньо Себастьяна Куньи и довелось ли мне когда-нибудь говорить с ньо Онтоне Омброзе. Нельсон постоянно твердил мне, дай бог памяти, как бы не соврать: «Матушка Жожа, ньо Омброзе был патриотом», а я еще возражала ему. «Ты ведь толком ничего не знаешь об этих событиях, как же ты можешь судить, был он патриотом или нет? О таких вещах не тебе судить! Я, например, знала лишь, что он наш брат, зеленомысец, что он стал во главе толпы изголодавшихся людей, это я сама видела, ну и, конечно, полиция струхнула, когда перед толпой восставших неожиданно появился ньо Омброзе с огромным черным знаменем в руках — знаменем голода — и заявил, что от трудов праведных не наживешь богатства и если кто и сумел его нажить, значит, он обворовывал бедняков, — это его доподлинные слова, я их сама слыхала. Однако Нельсон продолжал упорно расспрашивать меня о подробностях, он хотел знать все, как было, он приносил домой груды книг, сочинял стихи, читал запоем, целыми днями не выходя из комнаты, а то вдруг исчезал куда-то. Он интересовался далеко не одной историей капитана Амброзио, он собирал сведения о мятеже, возникшем на острове Сантьягу в районе Рибейра-Бранка, о мятеже, во главе которого встала Мария да Фонте, повстанцы называли ее своей королевой».

Тетушка Жожа примирилась со своей судьбой. А что ей еще оставалось?

«Матушка Жожа, я говорю тебе честно и открыто, я должен был предоставить ему убежище, не мог же я подвести товарища, выдать друга. Давай поразмыслим на досуге: мы с тобой тоже оказались вовлеченными в борьбу, а раз так, я должен раскрыть тебе тайну, да-да, ты ведь и сама уже обо всем догадалась, Витор не мог поступить иначе».

Проходил день за днем, тетушка Жожа ни о чем не рассказывала ни Роландо, ни своим подругам. Но вот однажды, когда одна из подруг сообщила ей: «Жожа, ты только себе представь, говорят, такой-то уехал на родину, и другой тоже, и третий, и еще один, и еще...» — она окончательно поняла, что произошло с ее воспитанником. Дона Жужу успокаивала ее: «Ну что ты, Жожа, давно пора смириться с тем, что произошло. Посмотри вокруг — мир не стоит на месте, подумай лучше о себе, ведь и тебе, может быть, грозит опасность». На какое-то время тетушка Жожа и вправду вроде бы успокаивается, начинает рассуждать спокойно, и все-таки, сколько она себя ни уговаривает, она не в силах вновь обрести утраченное душевное равновесие. Да, видно, господь бог с самого нашего рождения определяет нам судьбу и, уж если кому не захочет дать счастья, так оно и будет. Долгие дни тетушка Жожа, убитая горем, сидит одна в своей уютной квартирке, лишь дона Жужу навещает ее, как всегда, приветливая, добрая и участливая. Она пытается увести Жужу из дому, заставить ее выйти на улицу, но та во власти одной, всепоглощающей идеи: вот-вот вернется Витор или придет от него весточка. Теперь Жожа жадно слушает все передачи по радио, о которых прежде и понятия не имела, они ее раньше просто не интересовали. В полные тревожной тишины ночные часы она ловит передачи на коротких волнах, ждет, выглядывает в окно... «Боже мой, какая пустота в душе! Где-то сейчас мой Витор?» Его приятель как-то сказал: «У каждого своя судьба, и Нельсон не мог поступить иначе, нья Жожа». В любом из нас каждый день и каждый час что-то понемногу отмирает... Но вот однажды ей удалось поймать на какой-то волне крамольную передачу. Она слушала, прикинув ухом к приемнику, жадно ловя слова, которые доносились до нее, несмотря на помехи. «Что им, сукиным детям, неймется!» Теперь она не отрываясь сидит у транзистора, не замечая, как летит время, слушает вести о событиях, о каких прежде

и не подозревала. Дни, недели, месяцы выстраиваются в длинный ряд, а от Нельсона по-прежнему нет вестей, и ее беспокойство растет и словно опутывает ее с головы до ног. Верить в чудо — бессмысленно, но и пасовать перед трудностями она не привыкла. Может быть, Витор в конце концов все-таки даст о себе знать, нельзя предполагать заранее, что может случиться, подсказывает ей сердце.

Тетушка Жожа похудела, осунулась, потухшие глаза полны печали. Когда она просыпается по утрам, все тело ломит, словно накануне ее били палкой. Знакомые удивляются: «Как ты переменялась, Жожа. Где твоя бывшая жизнерадостность?» Но тетушка Жожа из породы твердых людей, из тех, что, упав, тут же поднимаются на ноги. «Нет, дальше так продолжаться не может, надо начать новую жизнь!» И... словно впереди забрезжил луч света, он разгорается все ярче, ярче, и наконец он охватил ее всю, точно ливень, пролившийся над иссохшей землей.

Тетушка Жожа поглощена новым увлечением, оно необходимо ей как воздух. Она делится своим замыслом с одной, с другой подругой, только пока это секрет. Все стараются ее подбодрить: «Да, подружка, это как раз то, чего здесь, в Лиссабоне, не хватает нам, уроженцам Островов Зеленого Мыса, ведь наша жизнь здесь словно мясо без маниоки».

Итак, тетушка Жожа решила, что спиритические сеансы были бы для нее спасением, и эта мечта настолько завладела ее сердцем, что она отважилась написать письмо в Бразилию, в спиритический центр. Она теперь не расстается с книгой о христианском рационализме и в конце концов решается: была не была. Огонек надежды, затеплившийся в ее душе, служит ей и таким же отчаявшимся, как она сама, путеводной звездой. Жожа вспомнила о своем былом увлечении спиритизмом. Она посоветовалась сначала с близкими подругами — пока еще не время раскрыть свою тайну, лучше сперва сообщить немногим, а там видно будет. Если все пойдет на лад и если господу будет угодно, людей на сеанс соберется достаточно.

Утром в день сеанса тетушка Жожа проснулась счастливая и едва дождалась вечера. С приближением вечера она чувствовала, как ею овладевает волнение. Мужайся, Жожа, ты должна быть уверена, что все пройдет удачно! И вот в десять часов вечера она уселась за стол — в платье из черного крепа, с изящным кружевным воротничком,

красиво причесанная, вокруг нее собралось еще человек десять. Тетушка Жожа начинает сеанс, ее голос крепнет, душа ее сейчас полна любви к людям и веры в грядущие перемены, и каждой участнице спиритического сеанса передается флюиды исходящей от нее силы. Все склонились над столом, в сладостном полузабытии, взывая к Верховной звезде.

«Великий очаг! Созидательная сила!

Мы знаем, что управляющие Вселенной законы естественны и неизменны и им подчинено все. Мы знаем и то, что дух просветляется и достигает наивысшего развития с помощью изучения, рассуждения и страдания, проистекающего от борьбы с дурными привычками и несовершенствами».

И вот жизнь уже не похожа на тупик, откуда нет выхода, солнце выглянуло из-за туч, море играет под его лучами.

«Великий очаг! Жизнь Вселенной!

Мы обращаем сейчас свои мысли к Верховным силам, дабы свет озарил наши души и нам стали ясны наши заблуждения, дабы мы отрешились от них и зло перестало бы нас тиранить».

О, эти необузданные, неистовые силы! Благодаря им на человека нисходят откровения — одни приносят ему добро, другие могут свести в могилу. Со временем в городе начинают распространяться слухи о спиритических сеансах тетушки Жожи. Сначала о них говорят потихоньку, соблюдая осторожность... потом все смелее. Так к горящей свече, предназначенной осветить путь людям, тянутся в поисках исцеления недужные, тянутся в поисках утешения обиженные и угнетенные, тянутся жаждущие любви и справедливости, наконец, тянутся просто любопытные.

В дни сеансов в гостиной у Жожи собирается столько людей, что не хватает места для всех страждущих, ищущих истину, и тетушка Жожа чувствует себя совершенно счастливой. Лишь тоска по Витору нет-нет да и кольнет ее сердце. Как было бы чудесно, если б неожиданно на улице, на каком-нибудь перекрестке удалось услышать что-нибудь о нем! Если бы хоть какую-то весточку принесла одна из этих радиопередач, которые она все еще продолжает ловить в эфире! Во всяком случае, тетушка Жожа обрела свой путь. Земля вращается, да, все идет как положено! Правда, порой выдаются у нее и тяжелые

дни — дни дурных предчувствий, словно кто-то насылает на нее порчу, и она ощущает веяние какой-то враждебной силы. На все, разумеется, воля божья. Однако, когда бог на тебя прогневадается... но чем она, Жожка, его прогневила? И мысленно она обращается к прошлому, ей никогда от него не освободиться...

Но послушай же, тетушка Жожка, будь осторожна, ведь может статься, кому-то покажется подозрительным, что у приемной матери паренька, неизвестно куда уехавшего, собирается столько народу... недаром говорится: дыма без огня не бывает! Ты и сама это знаешь. Если на тебя поступит донос в полицию, полицейские не выпустят тебя из своих когтей, они вцепятся в человека, точно обезьяна в корзинку с миндалем. Мы живем, Жожка, в мире безумия, в мире страданий и боли, а тебе-то и в самом деле выпала на долю нелегкая судьба...

Однажды вечером, когда тетушка Жожка сидела у себя дома, довольная и счастливая, считая, что душа ее чиста перед богом и перед людьми, к ней ворвались молодчики из полиции. Она хотела крикнуть, но не смогла, хотела протестовать, но язык ей не повиновался, хотела заплакать, но глаза остались сухими. Они перерыли все в доме вверх дном, забрали с собой письма и бумаги, и... предъявили ей ордер на арест.

РАССКАЗЫ

Terra trazida

Lisboa, 1972

Перевод **О. Сергеева**
Редактор **А. Файнгар**

Филип Рыбья Голова

Ну и наглец этот Фелизардо. Один из тех, кто думает, что жизнь — это сплошное развлечение. Он знал Сан-Висенти, как знают его только бездельники и бродяги. Да еще, может быть, поэты.

Ночью он появлялся в пивных, гулял по пляжу, блуждал в компании гуляк, гитаристов, любителей грога, появлялся на всех праздниках в Рибейра-Бота, в Монте-де-Сосегу — бог знает где еще. Какие секреты могла таить для него ночная жизнь Сан-Висенти? Все держались с ним запросто. Везде его ждала кашупа, грог, приятная беседа, дружеское застолье.

Даже после той вечеринки, на которой была чуть не вся капитания* и где пьяный субъект назвал его Фажардо** вместо Фелизардо, его престиж не упал.

Случилось это давно, в кафе Шиадо. Дело было к вечеру. Мы сидели, вспоминая о тех годах службы на острове, когда мы утратили многие из наших иллюзий и похоронили столько надежд. Надежд, воспоминания о которых сохранились до сегодняшнего дня.

Мы говорили о девушках, о нашей высадке на остров, о больших и малых событиях прошлого, и эти сентиментальные воспоминания снова сближали нас. Потом Фелизардо извинился и стал прощаться, объяснив, что ему надо в министерство — уладить какое-то дело с документами, и пообещал, что мы скоро увидимся.

Через несколько дней мы встретились в том же кафе: я, Фелизардо и не помню, кто еще. И снова в тихом кафе потянулась длинная череда воспоминаний. Именно тогда, в разгар беседы, Фелизардо, улыбаясь, спросил меня:

— Ты помнишь Филипа Рыбью Голову?

По правде говоря, я не имел ни малейшего представления о том, кто такой Филип Рыбья Голова. Но побоялся, что здесь какой-то подвох, и решил уйти от прямого ответа:

---

* Капитания — административно-территориальная единица в бывших португальских колониях.

** Фажардо — жулик, мошенник (*portug.*).

— Смутно.

Ответив подобным образом, я совершил кощунство.

— Как? Ты хочешь сказать, что не помнишь Филипа? Да помнишь ты его, конечно. У него было что-то вроде парикмахерской возле рынка, на углу. Вспомнил? Да знаешь ты его.

Что мне было делать? Я почти согласился. И Фелизардо стал описывать мне Филипа Рыбью Голову с энтузиазмом, который объясним лишь тогда, когда мы глубоко переживаем то, о чем или о ком мы говорим. В Мозамбике, откуда недавно приехал этот повеса, он оставил множество друзей, но им, конечно, было далеко до сан-висентских поэтов, бездельников, любителей грога и джина с тоником.

Мы еще поболтали и распрощались.

Случилось так, что через несколько дней, может чуть больше, точно уже не помню, у меня в гостях был Жулио Дуарте, и я сам упомянул о Филипе Рыбьей Голове. Я хотел дать ему понять, что знаю жизнь Минделу до тонкостей (действительности это, конечно, не соответствовало). Я надеялся, что он расскажет об этом странном человеке, занимавшем мое воображение. Был ли виной тому рассказ старого приятеля Фелизардо? Я сам не понимал, чем меня так заинтересовал Филип Рыбья Голова.

— Дуарте, ты помнишь Филипа Рыбью Голову?

— Как не помнить! У него была парикмахерская возле рынка. Почему его прозвали «Рыбья Голова»? Не знаю. Это пошло еще со школы на Боавишта, на его родине. Он был человек необыкновенный.

Так говорил Жулио Дуарте, уроженец Зеленого Мыса. Но я как-то не очень ему доверял. Филип этот ускользал от меня. Видимо, он обладал живым умом, производившим впечатление на людей не слишком взыскательных. Но Жулио Дуарте говорил о нем в другом тоне, несколько иначе, чем мой приятель Фелизардо.

Ясно лишь то, что вспоминали о нем всегда с некоторым удивлением.

Ну как тебе сказать? Понимаешь, этот Филип Рыбья Голова был неспособен побрить человека как следует, с начала и до конца. Бритье для него существовало так, между прочим, как предлог почесать языком. Говорил он

о политике (не очень часто), о музыке (его конек), при первой же возможности честил почем зря Бразилию, постепенно подводя разговор к своей великой страсти. Сейчас увидишь, что это было.

Странный субъект этот Филип Рыбья Голова. Парикмахер — не парикмахер. Лицо клиента намыливал с дьявольской медлительностью, не спеша проводил бритвой по точильному камню, несколько раз пробовал на ладони, потом дважды проводил по левой стороне лица (он всегда начинал бритье слева), и на этом дело застопоривалось. Сколько бы клиент ни высказывал нетерпение, беседа входила в свое русло, устанавливался контакт и... на этом бритье кончалось — Филип Рыбья Голова был человеком настроения.

— Заметьте, что я неграмотный. И признаю, что я неграмотный. Но сказал это не я. Это сказал Фламмарион.

Фламмарион, да, ни больше ни меньше. В устах Филипа Фламмарион был все и ничто. Внимая его тирадам, никто не понимал до конца, что к чему. Иногда, цитируя какого-нибудь автора, он подбегал к полке, вынимал том, листал и провозглашал:

— Здесь! — Читал отрывок и заключал: — Видите, здесь все написано. Я ничего не придумываю.

И еще спиритизм. Филип Рыбья Голова был спиритом по убеждению. Каждую неделю он посещал собрания у нью Луиса Мендонсы в старом сарае, где собирались музыканты Солины. Духов иногда вызывал падре Антонио Виейра.

Он любил поговорить о Гаго Коутиньо, о Сакадуре Кабрале. Он знал их с того момента, как они прибыли на Сан-Висенти.

— Я помню это время, как сейчас. Но заметьте, заметьте, мой дорогой друг, Сакадура Кабрал не был великим мессией. Отнюдь нет, сеньор. Другое дело — Гаго Коутиньо. Этот — да, но не Сакадура. Скажу больше: Сакадура был заурядным спиритом. Таким, как я или любой другой, — простым смертным. А Гаго — нет. Гаго Коутиньо был мессией, существом неземным, парящим духом. Он был над всеми. Его голубые миндалевидные глаза, скорее индийские, чем европейские или африканские, неподвижно устремлялись на вас, как бы впитывая в себя ваше лицо.

Клиент слушал, иногда удивляясь его уму, но чаще нетерпеливо ожидая, когда же он возьмется за бритве, о котором Филип Рыбья Голова забывал совершенно.

Никто никогда не мог ясно понять, что Филип Рыбья Голова подразумевал под «предвидением», этим, без сомнения, внушительным словом. Когда речь заходила о спиритах, он редко договаривал до конца, хотя любил порассуждать о Гаго Коутиньо, священнике Антонио Виейре и других бразильцах.

Он подходил к полке, выбирал следующую книгу и с книгой в руках доказывал то, что говорил. Да, он малограмотный, но ничего не выдумывает.

Так что видите, парикмахерская Филипа была местом необыкновенным. Инструменты, миски для воды, пудра, мыло — все это сваливалось как попало на полках вместе со всевозможными книгами, бумагами, записными книжками в немыслимом беспорядке.

А как же бритве? И клиент? Его бросали на произвол судьбы. Мыло высыхало, лицо оставалось выбритым наполовину. А клиент ждал и слушал. С удивлением? С удовольствием? Со скукой? С нетерпением?

Лицо намазывалось заново, снова точилась бритва.

Что и говорить, Филип Рыбья Голова был парикмахером из ряда вон выходящим. Клиентами его тоже были люди не случайные, а определенного толка.

В эту захлавленную комнату с жестким деревянным креслом, запыленными полками, грязным полом, на котором валялись клочки бумаги, окурки, приходили музыканты; люди, поколесившие по миру; люди с учеными степенями; литераторы или просто любители стихов и народной музыки. Заходили и люди из метрополии, особенно военные. Филип — парикмахер, спирт, краснотел — всем этим очень гордился, и когда ему попадался человек свой, близкий по духу, способный продать дьяволу за бутылку грога из Санту-Антана, интересовавшийся астральными материями высшего и низшего порядка, музыкой, то в парикмахерской начиналась дружеская беседа.

— Какие деньги, сеньор доктор? Вы шутите? — сказал он однажды доктору Монтейро. — Деньги — презренный металл. — И процитировал от начала до конца стихи Жоао де Деуса.

В тот же день ближе к вечеру в парикмахерской впервые появился некий человек. Он знать не знал, кто такой Филип Рыбья Голова. Вы не можете представить себе радость Филипа, когда он увидел этого человека в своей парикмахерской. К нему приходили литераторы, просто образованные люди, сочинители моря, гитаристы, морские волки, капитаны разных судов из самых разных земель — люди большой мудрости и опыта, служащие, процветающие торговцы, люди с определенным положением, престижем. Да, сеньор, я говорю без всякого преувеличения. Но с кем из этих посетителей можно было сравнить, кого можно было поставить рядом с человеком, только что вошедшим в парикмахерскую Филипа? По крайней мере в глазах Филипа Рыбьей Головы никто из них не имел такого ореола.

Ну так вот. Друг перед другом стоят два человека: Филип и некий посетитель.

И вдруг парикмахер начинает делать вещи, которых не делал испокон веков. Он вытирает пыль с кресла. Приводит в порядок мебель и инструменты. Намыливает лицо клиента с ловкостью профессионала, знающего свое дело. Старательно точит бритву, а чтобы стереть с нее пену, берет не клочок газеты, а специальную бумагу, хранившуюся для особых случаев.

А когда он берется за бритву, то начинает водить ею по лицу клиента так, будто ласкает редкостную птицу. В парикмахерской царит полная тишина. Филип Рыбья Голова несколько раз пытался вставить словечко, но клиент был полностью погружен в чтение какой-то английской книги, забыв о парикмахерской, о ее хозяине, забыв обо всем и едва отдавая себе отчет в том, что его бреют. Вскоре он оторвался от книги и увидел, что парикмахер такой высокий и худой, что похож на голодающего. Вытянутая голова, плоское, как будто вырезанное ножом, лицо. Тонкий, правильной формы нос облагораживал его. Выражение, которое могло означать как интеллект, так и слабоумие. Таково было первое впечатление. Клиент чувствовал осторожное прикосновение бритвы, мягко скользившей по лицу, молчание вечера, когда все затихало, устав от палящего зноя. Он бросил взгляд на улицу, чихнул и посмотрел на Филипа. Какое старание, какая осторожность в том, как он намыливает лицо, проводит по нему бритвой, натягивает кожу, дезинфицирует

и вытирает полотенцем. Старается изо всех сил. По простоте ли душевной? Или из желания компенсировать убожество этой парикмахерской, походившей больше на сарай?

Занятный парикмахер, заключил клиент, закрывая книгу, и впервые обратился к Филипу:

— Вы местный, с Сан-Висенти?

Филип блаженствовал.

— Моя родина Боавишта, сеньор доктор, но на Сан-Висенти я с малых лет.

— Женаты?

— Похоже на то.

— Есть дети?

— Трое, сеньор доктор.

— Вы живете этим?

— Уже двадцать лет.

Он снова осушает ему лицо полотенцем, не то чтобы очень новым, но чистым.

— Все?

Парикмахер, сопровождая свои слова улыбкой (симпатия? смирение? профессионализм? — клиент не знает), отвечает:

— Все, сеньор доктор. — И берет щетку. — Мой дом всегда к вашим услугам.

Посетитель смотрит на него внимательнее: довольно симпатичен, но с каким-то странным выражением.

— Для меня это большая честь. У меня простой, бедный дом, но он всегда к вашим услугам.

Да, такое впечатление, что он голодает.

— А вы никогда не думали эмигрировать в Америку?

— Сеньор доктор, эта земля дана мне богом. Здесь я родился, здесь и умру.

Филип Рыбья Голова чистил его пиджак и деликатно улыбался.

О, сколько бы он отдал за то, чтобы в эту минуту сюда пришли ньо Жоао Лусио, сквернослов Эваристо, ньо Педриньо, ньо Жинго Маркес, шумный Тута, ньо Амансио, Пеппи из Шао-де-Алекрим. Как бы ему хотелось в этот незабываемый для него момент увидеть их всех здесь! Чтобы они посмотрели собственными глазами, кто к нему пришел в этот вечер, кто был у него, кто говорил с ним с глазу на глаз.

Мужчина вынул кошелек, извлек из него банкноту

и протянул парикмахеру. Филип отказался. Посетитель недоумевающе посмотрел на него.

— Большое спасибо, сеньор доктор. Уже уплачено.

Человек продолжал удивленно рассматривать его, держа банкноту в протянутой руке.

— Вы извините меня. Филип душ Сантуш — (это его полное имя) — никогда не смог бы взять ни единого тостана у сеньора доктора. Никогда. Вы не знаете Филипа Рыбью Голову, потому что я обычный человек, как любой другой. Но зато я вас знаю. Да и кто на Островах вас не знает?

Филип душ Сантуш хотел этим сказать, что он знает о его делах.

Через кабинет доктора проходили люди гражданские и военные, сотни, тысячи больных, у многих из них были все признаки хронического голода. И всем он героически помогал. И когда смерть забирала кого-нибудь — а каждый день она забирала не просто кого-нибудь, а многих, — он не колебался. В свидетельстве о смерти, нарушая все официальные инструкции, он называл болезнь ее настоящим именем: хронический голод. Он появился на этой забытой богом земле, как чудо. В короткое время его имя из конца в конец облетело весь архипелаг.

— Сеньор доктор, вы высший дух.

Врач посмотрел на него с изумлением и произнес:

— Простите, я должен заплатить. Иначе это пойдет вразрез с моими убеждениями.

— И с моими тоже, сеньор, если я приму от вас хоть один реал. Если бы Филип душ Сантуш совсем уж потерял совесть...

Ну что ж, убеждения, достойные уважения. Делать было нечего, доктор подчинился. Он был смущен и хотел уже прощаться, но Филип жаждал ему кое-что сказать и, когда увидел, что тот уходит, осмелился:

— Сеньор доктор, еще немножечко, пожалуйста. Вы не обидитесь?

— Никким образом.

— Моя слабость.

Он взял из угла комнаты гитару и, прижав ее к груди, объявил:

— Я хочу сыграть для сеньора доктора одну морну. Я знаю, вы любите наши морны.

Говоря это, он перебирал струны гитары. Врач, сидя

на табуретке, слушал одну морну, две, слушал еще и еще, с волнением, которое проникает до глубины души и которое возникает, лишь когда встречаешь человека на первый взгляд совсем чужого и вдруг понимаешь, что вы братья.

История ньо Висенте

— Знаете, сеньор доктор, хоть Лела и был негодяем, я никогда его не забуду. Говорят, он очень плох. Но этому подлецу всегда везло. Сейчас я вам расскажу, как все произошло.

Вы ведь знаете, дождя у нас не было уже два года. На Санту-Антане ни единая дождевка не упала. Просто беда. И жена голодная, и дети — у всех животы подвело; каждый день кто-нибудь умирал от голода. Старший мой отправился на английском пароходе на юг; а второй — на Сонсенте, собирается на Сан-Томе. Тута, десятилетний малец, ушел в Паул да и умер по дороге. Остались я, жена и пятнадцатимесячная дочка. От слабости все на ногах не держались. Работы взять негде, каждую минуту ждали, что дочка помрет. У матери не было ни вот столечко молока, и малютка уж почти не шевелилась.

Еды в доме не было по несколько дней. Иногда удавалось раздобыть кусочек сахарного тростника или чая из федагозы, и все. В сезон можно нарвать манго или папайю, а тогда все высохло. Хоть ложись и помирай.

Однажды пришел ко мне Томас Афонсо, человек ушлый, денежный, и говорит:

«Слушай, Томе Висенте, есть у меня одна работенка. Я знаю, ты человек смелый, справишься и с лодкой, и с баржой, и с парусником».

Это правда. Вы, может, не знаете, так я расскажу. Отец хотел, чтобы я поступил в лицей, и послал меня на Сонсент. Но мне быстро надоели учебники, и я вернулся на Санту-Антан. Стал моряком.

Так вот, стал меня Томас уговаривать. Через несколько дней, говорит, надо доставить контрабанду. Я молчал и думал о своем. Потом спросил, что за контрабанда. Он сказал — грог и добавил, что хорошо заплатит, если я доведу грог до Сан-Висенти. Он нанимал лодку, а все остальное ложилось на меня. Вы знаете, сеньор доктор, что для доставки грога надо иметь специальное разре-

шение правительства, да еще платить таможенный сбор. Поэтому перевозят грог без разрешения, и контрабанда дает немалые денежки. Опасно, конечно: и поймать могут, и товар отнять; несколько наших утонуло в канале или, может, их акула сожрала, точно не известно.

Я все думал о своей голодной семье и в конце концов согласился. Сели мы в его лодку (я и еще пятеро), погрузили грог, немножко батата и тростника и с божьей помощью отправились на Сонсент. Прибыть туда мы рассчитывали с рассветом. Лодка качалась на волнах, и казалось, что мы совсем не продвигаемся. Я пытался подбодрить своих товарищей, но посреди дороги они совсем скисли, умоляли повернуть назад. Ужасно трусили. Но я не из пугливых и назад никогда не возвращаюсь, так им и сказал. Или, говорю, доберемся до Сонсента, или погибнем в море. Томе Висенте за свои тридцать два года на море еще никогда не отступал и сейчас не пойдет на такое унижение. Уж лучше быть съеденным акулой, чем вернуться с полпути в Порту-Нову. Никогда меня не называли трусом и не назовут. Они и замолчали: поняли, что я не какой-нибудь салага, а моряк. Дал я слово или не дал?

Но мое сердце забилося, когда я вдруг увидел накрывавшую нас огромную волну. Не то чтобы я стал рассказывать, но в голове у меня все перепуталось. Я вспомнил о парнях, которые погибли именно здесь, на пути из Сонсента к Санту-Антану. Да вы, наверное, помните — об этом много говорили. Ужасное несчастье. Один из них был мой друг — Армандо Роза. У него осталось пятеро детишек мал мала меньше и жена.

Смелый был человек. Когда-то ходил под парусом на китов в Бразилию. В тех краях так штормит, что иногда боишься за парусник, а люди ничего — выдерживают. Я с Жонзиньо Фарио дважды туда плывал. Капитан он отважный и мастер на все руки: такие люди встречаются только на Брава да на Боавишта.

Капитан всегда должен быть решительным, держать в руках команду и уметь приказывать так, чтобы матросы слушались.

Контрабандный грог решал судьбу моей семьи. Привезу грог — будет еда на несколько дней: на четыре, а может, и на пять. Ради этого я готов был пожертвовать всем.

Один мужественный человек стоит дюжины, прав я или не прав, сеньор доктор?

Я остервенело сражался с волнами, кричал что-то, как сумасшедший. Лодка, море, небо — все перемешалось и превратилось в бешеный черный вихрь, в середине которого, казалось, плясали черти.

Наша лодка сновала, как нагойя. Сеньор знает, что это такое? Это такой крошечный морской зверек, он все время шныряет: туда-сюда, туда-сюда.

Мы уже дошли до середины канала, когда Луис, сын ньо Рейса, совершенно обессиливший, бросил весла и закричал, перекрывая вой ветра:

«Я не могу больше!»

Весла взял ньо Браз, а я встал у руля. Все работали на пределе, и Браз поднимал весла, выбиваясь из последних сил. Море походило на взбесившегося зверя. Лодку швыряло то вверх, то вниз, как банановую кожуру. Огромные валы поднимались и, казалось, хотели нас проглотить. Куда мы двигались? Вперед? Назад? Я ничего не понимал.

Перевернись лодка — мы бы вряд ли выплыли: разве что акулы не дали бы потонуть. Да и кто доплывет до берега в такой шторм? Спасти нас могло только чудо.

В эту минуту огромный вал обрушился на нас, и лодка резко накренилась. Все побросали весла, судорожно хватаясь за борта лодки. И тут послышался крик: кто-то упал в море. Потом лодка выпрямилась, но ничего не было видно. Кто упал? Оказалось — Лела Мораис.

Мы долго сидели молча. На месте Лелы мог оказаться любой. Вокруг все было черно и мрачно. Наше суденышко металось по волнам, как кожа банана. Только господь бог мог прийти нам на помощь.

Ветер начал стихать. Внезапно перед нами показалось что-то большое. Скала! Я сразу понял: это островок Пассарус. Мы были спасены. Обогнув островок, мы с удвоенной силой налегли на весла и взяли курс на Минделу.

Море понемногу успокаивалось, и мы без особого труда вошли в залив, усталые и промокшие до нитки. Вдохнули родной запах Сонсента — запах земли.

Грог мы все же довели. Я сказал товарищам, что теперь мы заслужили отдых и еду. В четыре часа утра

выгрузились в Шао-де-Алекрим, и таможенники нас не застывали.

Иногда пройдешь опасные места без сучка без задоринки, а потом раз! — и на ровном месте попался. Когда имеешь дело с контрабандой, нужен глаз да глаз.

Один из наших шел впереди, смотрел за дорогой. Я был просто счастлив и постепенно приходил в себя после пережитого. Я думал о том, как завтра куплю на Сонсенте еду и лекарства для дочурки, лежавшей дома со вздутым животом. Я был без ума от моей девочки, все говорили, что она как две капли воды похожа на отца. У меня в доме когда все сыты, то и веселы.

Да, простите, я отвлекся, сеньор адвокат.

Мы шли с контрабандой на спине по направлению к Матиота, и вдруг впереди что-то мелькнуло. Мы замерли, как воры, пойманные на месте преступления.

Несколько охранников возвращались навеселе из города. Они нас не заметили. Ньо Браз снова начал насвистывать морну, которой донимал нас целый день. Я велел ему замолчать, потому что всякое могло случиться.

Мы внимательно следили за знаками, которые подавал шедший впереди.

«Ну, кажется, довели грог в целости и сохранности», — сказал я Бразу.

«Похоже, что так».

Только он это произнес, как из кустов вышли двое и приказали остановиться. Мои товарищи моментально бросили поклажу и понеслись во всю прыть. Исчез и тот, что показывал дорогу. Перед охранниками оказались только я и ньо Браз.

«Вы арестованы!»

Сеньор доктор, услышав это, я чуть не потерял сознание. Я встал на колени, умолял, чтобы не забирали мой грог и не сажали меня в тюрьму. Я рассказал обо всех своих несчастьях; о выжженных солнцем полях Санту-Антана, о людях, умирающих от голода, о несчастных детях и жене. Одного из охранников я знал: его звали Лела Энрикес. Когда-то мы с ним ходили под одним парусом. Но он сказал, что ничего сам не решает, хотя, думаю, он мог бы помочь, потому что второй таможенник стоял вдалеке и разговаривал с ньо Бразом. Стал я Лелу просить:

«Лела, если меня посадят, я погиб. Ты ведь меня знаешь: вместе работали, ели, спали и выпивали иногда. Неужели ты заберешь мою контрабанду? Ты знаешь, что я не вор. Отпусти нас с Бразом».

А Лела уперся, как ишак:

«Порядок есть порядок».

Я говорю:

«Лела, неужели у тебя хватит совести меня посадить? В такой голод отнять у меня единственную надежду? В тяжелые времена люди должны помогать друг другу, быть братьями. Если бедняк не поможет бедняку, то кто же поможет?»

И я посмотрел на него таким умоляющим взглядом, что камень бы прослезился, а он хоть бы что. Я ему говорю, что по совести он не должен забирать мой товар, что в нем единственное мое спасение, а потом уже разозлился и спрашиваю:

«Что же ты за человек такой?»

А он свое:

«Заберу твой грог и тебя вместе с ним. Правительство мне за это платит».

Когда он мне это выложил, со своим гнусным португальским произношением, я больше не слушал. Бросился на него, повалил на землю, сел верхом, и бил, бил — с остервенением, с яростью, уже не понимая, что делаю и кто лежит подо мной: человек или взбесившийся зверь.

Я бил, бил его по животу, по голове, по всему телу, и знаете, сеньор доктор, я его даже укусил от ненависти. Потом я почувствовал удар в голову и очнулся только в тюрьме.

Поверьте, сеньор, все было именно так, святой истинный крест.

— Вы сожалеете о том, что сделали?

— О чем? Что Лелу побил? Если вы мне друг, сеньор доктор, то не задавайте таких вопросов.

— Почему?

— Сами знаете. Лела вел себя как последняя сволочь — такому не спускают. Скажу больше: попадись он мне сейчас, я бы ему снова показал, почем фунт лиха, да еще бы добавил.

— Вы знаете, что он очень плох?

— Говорят, что так.

— Это вас не беспокоит?

— Я уже сказал. Лела знаете кто? Дрянь самая последняя. А жизнь наша в руках божьих.

Вскоре появился полицейский и отвел Томе в камеру. Адвокат ушел.

Воскресенье у друзей

«Как-то раз...»

По островам архипелага еще ходит одна история о событиях на Санту-Антане. Она выдержала испытание временем, приобрела юмористическую окраску, как и многие другие устные рассказы, создавшие островитянам славу удалых парней.

«Встретились однажды в суде свидетель и судья...»

Так начинают эту историю в доме моего друга Жулио Ферро на Мато-Инглез, в окрестностях Минделу, в той его части, где иногда попадаются островки свежей зелени на голой, выжженной солнцем земле.

Я хорошо помню воскресный вечер в разгар бабьего лета. Дом в трех километрах от города, на склоне горы, защищенном от ветров. Вид, открывавшийся оттуда, успокаивал тебя, уставшего от палящего зноя. Вдалеке на голой равнине по соседству с городом ярким пятном выделялись кокосовые пальмы в Рибейра-Жулиао; чуть дальше можно было разглядеть мачты грузовых судов, стоявших на якоре в Порто-Гранди. Слева, окутанная туманами, поднималась гора Кара, справа вырисовывались смутные очертания Королевского форта.

После долгого застолья, где с избытком хватало и кашуны, и банана-машу*, тянуло посидеть на веранде, поболтать о житейских мелочах, подставляя лицо благодатному, прохладному вечернему ветерку, расслабить уставшее тело, забыть дневные заботы. Мы трое могли себе позволить посидеть на террасе, попить кофе и посплетничать. Я, Жулио Ферро и его жена, няя Арманда, женщина довольно красивая, с глазами как у индианки, вкрадчивым тонким голоском, независимым нравом и острым язычком.

— Знаете, вся моя семья с Санту-Антана. Только я

---

* Банана-машу — блюдо национальной кухни.

родилась на Фогу. Народ на Санту-Антане отчаянный и очень гордый. Однажды... — Так начался ее рассказ.

В один прекрасный день доктор Эстевао де Соуза, новоиспеченный судья, приехавший на Санту-Антан из Лиссабона, приступил к исполнению обязанностей в суде в Понта-ду-Сол. И сразу решил навести порядок в городе. Надо вам сказать, что он был на редкость самоуверен, чего местные жители не терпят. К тому же он был тверд, как ступка для риса, и бегал за каждой юбкой, ни одну не пропустит: ни молоденькую девушку, ни замужнюю сеньору.

У нас ведь люди какие — за португальцем все примечают. А коль ты от людей чего-то требуешь, покажи сначала сам пример, ведь так? Всех возмущали суровые приговоры, обрекавшие несчастных на долгую ссылку на далеком Сан-Томе. Судья же твердо верил, что именно так он наведет порядок... И не замечал, а если и замечал, то не обращал внимания на то, какое впечатление производил на окружающих. На улице его мало заботили косые взгляды прохожих и приглушенные проклятья, несшиеся ему вслед: «Бешеный пес!»

Я тем временем прихлебывал кофе, поданный старой нянькой Кустодией. А няя Арманда, которая родилась не на Санту-Антане, как я уже говорил, хотя вся ее семья оттуда, продолжала рассказ, одновременно расправляясь со своей порцией камоки*.

— О людях с Санту-Антана ходят легенды. Таких отчаянных свет не видывал. Как-то вечером задумали: они пойти на картофельное поле, принадлежавшее некоему Армандо Серра, и Армандо не осталось ни единой картофелины, это уж точно. Так вот они себя ведут. Правда, Серра этого вполне заслуживал. Жестокий человек, все соки из людей выжимал. Говорили, что это он убил на своей земле Антонэ, сына ньи Розарии из Порту-Нову. Вот и получил по заслугам. Большую часть того, что имел, он добыл подлостью и обманом. Так что с него еще причиталось.

Жулио Ферро раскачивался на кресле-качалке, а его жена продолжала развивать свою мысль, старательно подражая континентальному произношению. У нее оставался чуть заметный креольский акцент, от которого она

---

* Камока — блюдо национальной кухни.

никак не могла избавиться, но он придавал ее речи своеобразную окраску.

— Дело передали в суд. Среди свидетелей вызвали и Тон Дадойю, который за словом в карман не полезет, — личность известная. В суде негде было яблоку упасть. Когда секретарь суда открыл дверь в помещение, где ждали свидетели, и вызвал Тон Дадойю, любопытство присутствующих достигло высшего накала.

«Тон Дадойя!»

Свидетель с независимым видом вошел в зал суда и занял свое место. Доктор Эстевао де Соуза начал с вопроса: собирается ли свидетель говорить суду правду? Дадойя слегка кивнул головой.

Вместо того чтобы членораздельно ответить сеньору судье, крестьянин лишь кивнул головой — это была дерзость.

Тон Дадойя — лет тридцати, а может, и сорока, с изборожденным морщинами лицом, высохшим телом, в белых штанах и рубашке, с обычной палкой из апельсинного дерева в руке — не сводил глаз с судьи.

По залу пронесся встревоженный ропот, и судья призвал к тишине. Потом повернулся к свидетелю:

«Вы не у себя дома, а в суде. Поэтому отвечайте на все мои вопросы ясно, вслух, с должным уважением к суду. В противном случае вы ответите за последствия. — И добавил: — Отвечайте, а не кивайте головой. Понятно? Клянетесь говорить суду правду и только правду?»

Тон Дадойя, пристально глядя на судью, ответил на смеси креольского с португальским:

«Сеньор доктор судья, сделайте одолжение говорить громче, не разбираю я всех этих шу-шу. — И без лишних церемоний уточнил: — Не слышать мне».

Доктор Эстевао, не веря своим ушам, уставился на крестьянина. Что это: умышленное оскорбление или неотесанность?

«Вы только что оскорбили суд. Если вы не извинитесь, я вас арестую».

Публика восторженно смотрела на свидетеля, бросающего дерзкий вызов судьбе.

«Не знаю, чего вы хотите».

Зал изумленно затих.

До самого конца судебное заседание шло очень напряженно. Приговор вынесли суровый — длительное тю-

ремное заключение. В число осужденных попал и Тон Дадойя.

Ясно, что подобный приговор, да еще с арестом свидетеля, окончательно скомпрометировал доктора Эстевао де Соуза в глазах местных жителей. Даже те, кто раньше защищал его, изменили свое мнение...

Нья Арманда взглянула на мужа, задремавшего в своем кресле и отдавшегося одному из удовольствий, доступных беззаботному и лишенному честолюбия человеку: мирному сну. Она пододвинула свое кресло так, чтобы сесть поближе к нему и ко мне, и велела служанке принести гребень. Продолжая свой неспешный рассказ, она плавными движениями проводила гребнем по волосам мужа.

Происходило все это, как уточнила нья Арманда Ферро, в столице острова Санту-Антан — Понта-ду-Сол, недалеко от побережья.

Пригородный поселок, без электрического освещения. Узкие улицы, мощенные булыжником, вымирали с наступлением темноты. В этом поселке в старом перестроенном доме, окруженном пальмами, с манговым деревом во дворе, жил известный вам доктор Эстевао де Соуза.

Однажды утром к нему в дверь постучали.

Было около двух часов, светало. На дорогах ни души. Рокот морских волн, отражаясь о скалы, отдавался эхом в горах, постепенно затихая в ночи.

Кому он мог понадобиться в столь ранний час? На всякий случай он спросил, кто там.

«Мы желаем вам добра, сеньор доктор», — услышал он в замочную скважину.

Судья приоткрыл дверь и увидел четыре фигуры.

«Погасите свет, доктор».

Он отступил в глубь коридора и попытался закрыть дверь.

«Слушай, доктор, не вздумай убегать. У нас к тебе дельце».

Человек сделал шаг вперед; в слабом свете блеснуло оружие.

«Что вам нужно?»

«Хотим тебе кое-что сказать, доктор».

Судья застыл у порога. Его оттолкнули от двери, одним ударом разбили фонарь и приказали ему идти за ними.

Выбора у судьи не было.

Дул слабый ветер, деревья глухо шелестели. У дороги в черных колеблющихся тенях деревьев притаился страх. Ни малейшего признака жизни.

Пленный хотел закричать, но ему заткнули рот и пригрозили связать, если он будет сопротивляться. Он попытался призвать неизвестных к благоразумию, но его резко подтолкнули по направлению к набережной.

Наконец подошли к морю — мрачному, бушующему, кишащему акулами. Судья мог кричать сколько угодно: в этом безлюдье пустынной ночи его бы никто не услышал...

Я еще чуть-чуть пододвинул свое кресло к креслу нья Арманды под предлогом того, чтобы лучше слышать и не разбудить ее мужа. Рассказчица, жестикулируя, темпераментно помогая рассказу быстрыми движениями точеных рук с тщательно ухоженными ногтями, переживала происходящее, волновалась за судьбу сеньора судьи, который в данный момент, потеряв последнюю надежду, вконец перепуганный, униженно взывал к богу.

Идущие едва различали друг друга. Подойдя к пристани, четверо конвойных шепотом, чтобы судья их не узнал, обменялись полдюжиной слов с двумя приятелями, ждавшими в лодке.

«Прыгай сюда, докторишка».

Только сейчас судья различил две шляпки, стоявшие у берега. Кричать не имело смысла. Он еще раз попытался их разжалобить, но цели не достиг.

«Давай-давай, мы спешим».

Его столкнули в лодку и втиснули между двумя гребцами. Четверо сели в другую лодку. Медленно, корма к корме, лодки заскользили по воде. Земля отдалялась, и очертания предметов, размытые предрассветными сумерками, теряли четкие контуры. Слышался только шум моря да скрип весел в уключинах. От страха сеньор судья чуть не потерял рассудок. Задыхаясь, он шептал молитвы и что-то бормотал. Тем временем мужчины вынули весла из уключин и ударили его по голове.

Придя в себя, Эстевао де Соуза обнаружил, что остался один в лодке посреди залива. Он хотел было взяться за весла, но увидел, что они исчезли.

— Понимаете, сеньор? — воскликнула нья Арманда, опуская руки на колени, вырисовывавшиеся двумя глад-

кими округлостями под легким голубым шелком платья; ее широко открытые глаза были полны сочувствия и ласки; грудь равномерно вздымалась. Слушая, я так близко склонился к ней, что чувствовал, как моего лица касается ее дыхание.

— Представляете, сеньор, бедняжка судья один посреди залива, и некому прийти на помощь.

И заключила, красивая и торжественная:

— Только бог мог спасти его, ведь сеньор судья был глубоко верующим.

Я окинул взглядом ее соблазнительное тело.

— Похитители, насмехаясь над судьей, достигли берега и, перекрывая шум волн, крикнули в темноту:

«Эй, ты, пес бешеный! Если пройдет буксир, может, он тебя и заберет. А нет, так пропадай, падаль».

Нья Арманда, совершенно, казалось, забыв о муже, дремавшем в кресле-качалке, трагическим голосом заканчивала свое повествование:

— И только тут сеньор судья узнал голос Тон Да-дойи.

Когда через несколько минут муж, пробудившись от сна, полуоткрыл глаза, мои руки лежали на коленях Арманды.

Вечерний чай у доны Эстер

Весь вечер она провела за детективом. Ей больше нравились приключения, но молодой человек из книжного магазина настойчиво советовал прочесть именно этот детектив, уверял, что книга прекрасная, автор блестящий и вообще это шедевр.

— Не сомневайтесь, дона Эстер, вы не прогадаете. Сюжет захватывающий. Вы знаете, конечно, этого автора?

Дона Эстер не отвечала. Беседа ей уже наскучила, да и с какой стати она будет отвечать под любопытными взглядами покупателей, с интересом следивших за их разговором и ждавших, к чему приведет навязчивость продавца.

— Как, вы не знаете? Не читали ни одной книги? И не видели книг этой серии? Ну, так вам представляется прекрасный случай. Попробуйте! Прочтете книгу, будете меня благодарить. Я абсолютно уверен. Этот автор пишет совсем не так, как все остальные.

Вошел старик поэт, раскланиваясь направо и налево.
— Вот как надо писать, чтобы читатель прочел не отрываясь, единым духом.

Ей уже порядком наскучили самоуверенные речи продаваца или, может, хозяина книжной лавки. Она привыкла к восхищенным, а не насмешливым взглядам окружающих. А молодой человек говорил и говорил: вкрадчиво, мягко, противно. И как ей было признаться перед всеми, что она никогда в глаза не видела ни одной книги этого автора (она закрыла книгу и посмотрела на обложку). Да, она слышала разговоры об этой книге, и она не думает, что книга плоха, просто она предпочла бы приключения.

«Ну и вот, Джон и Мэри Бартон договорились ехать в Бостон, чтобы там встретиться с друзьями и вместе провести week-end*».

Week-end? Ах, ее скудный школьный английский. Заметьте, читатель, что в оригинальном тексте вы не нашли бы слова «week-end», это личное изобретение усердного переводчика, который счел нужным фразу «...договорились ехать в Бостон, чтобы встретиться там с друзьями» перевести более пространно и добавить: «...и вместе провести week-end».

Week-end... Несчастный английский четвертого класса, где она осталась на второй год. То be, to have, a teacher, a table — дальше этого она не пошла.

Сейчас она располагала временем, чтобы выучить язык и, приехав в Кальябе, продемонстрировать своим подругам, как свободно она читает английские романы.

«Вы слышали? Эстер знает английский!»

Она поговорила об этом с мужем, он не возражал, сказал, что знания никогда не повредят.

Проблема решилась просто: теперь по вечерам она не гуляла, напудренная, надушенная, с ярко накрашенными губами. Ее жизнь изменилась, стала богаче; сознание того, что она учила английский язык, такой трудный, если заниматься им серьезно, наполняло ее гордостью.

Она старательно заучивала слова, занималась переводом. Вскоре она сделала большие успехи и уже сказа-

---

* Конец недели (англ.).

ла Арлетте с почты, знавшей английский, что скоро они будут переводить «An ideal husband»*.

Муж, узнав об этом, изумился, потому что английский был для него чем-то абсолютно непостижимым. А Эстер начала думать об Оскаре Уайльде, прославленном писателе, о котором ее приятельницы из Коимбры не могли и мечтать.

С гордостью выговаривая английские слова, она обратилась к мужу:

— Ребело, ты знаешь, что такое «An ideal husband»?

Если он и не знал, то не мог же он так сразу сдать ся. Жена произнесла слова, понятные только посвященным.

Английская речь всегда казалась ему потоком непонятных, запутанных, странных слов, приводивших его в замешательство. Он никогда не знал английского, бедняжка; сколько раз он прогуливал уроки, и его даже наказывали, потому что дона Эрминия в колледже Трайзуз-Монтес, толстая, нервная, раздражительная женщина, опровергавшая общее мнение о толстяках как людях спокойных, уравновешенных, жизнерадостных, всегда жалела его.

Английский был для него пыткой, приносил только неприятности, и как же он мог вот так, вдруг, без подготовки ответить жене? Он попросил ее повторить вопрос — пояснее, помедленнее.

— Подожди-ка, может быть, я пойму. «An» — это артикль.

Нерешительность мужа ее забавляла.

— An ideal husband.

Она старательно выговаривала каждый звук, и муж еще раз попытался перевести, проникнуть в смысл хотя бы приблизительно, чтобы не ударить в грязь лицом и доставить удовольствие жене, с такой радостью отдавшейся этой игре.

— Слушай, я переведу. «An» — это артикль. «Ideal» — это идеальный. Ну-ка, а «husband»? Что же такое «husband»?

Он не знал, но всеми силами старался понять.

— А-а, кажется, знаю. Или нет? Нет, дорогая, не помню, что ты хочешь, прошло столько лет.

---

* «Идеальный муж» (англ.).

— Ребело, это слово означает того, кем ты никогда не был.

И она улыбнулась, увидев на его лице удивленную, вопросительную гримасу.

— Того, кем я никогда не был?

— Именно.

Она снова улыбнулась и снова увидела, что муж интригован. Его лицо, бледное, усталое, преждевременно постаревшее, внезапно прояснилось: он понял, кто это, кем он никогда не был, здесь не могло быть ошибки. Он всегда вел примерную жизнь, на службе и вне службы, не украл ни единого тостана*, кому бы он ни принадлежал, так что если дело в этом, то у него нет ни малейшего сомнения:

— Вором.

Она с трудом сдерживала смех.

— Значит, будет: идеальный вор.

— Да, идеальный вор.

Она больше не могла сдерживаться, и смех прорвался неудержимыми раскатами. Все это имело для нее особенную прелесть, очарование, потому что было связано с переводом «An ideal husband» Оскара Уайльда, величайшего английского писателя, который в свое время выбивал сто из ста, который сидел в тюрьме, за что — ей со смешком поведала Арлетта, женщина одинокая и знавшая о мужчинах в тридцать раз больше, чем замужние женщины. Но это не сделало его менее великим. И вот сейчас она переводила «An ideal husband», а все благодаря той книге. Чья она была? Агаты Кристи? Да, благодаря детективу, купленному у хозяина книжной лавки, а точнее благодаря тому слову «week-end», которое усердный переводчик решил добавить от себя. А если еще точнее, то даже не благодаря детективу, автора которого она едва помнила. Настоящие причины лежали глубже: в изменении условий ее жизни, такой легкой здесь и очень отличавшейся от той, которую она вела на родине, где приходилось готовить еду для брата, отца, матери, племянницы, ходить на рынок, бесконечно стирать белье, гладить, убирать, везти на себе весь воз забот о полунищих родственниках — да что говорить об этой изматывающей борьбе за существование.

---

* Тостан — мелкая монета.

Она всегда благословляла решение Ребело переехать на Острова Зеленого Мыса. Он знал, что делал: еще до женитьбы говорил, что надо уезжать в Африку, только там он сможет заработать на жизнь. И действительно, после переезда ее жизнь изменилась к лучшему: что бы там ни говорили, теперь у них появились деньги, она избавилась от бесконечных мелких забот. Она могла это оценить после многих лет лишений и считала, что она это заслужила.

Но, боже мой, как летят годы: прошло пять лет, волосы ее поседели, шляпа с букетиком пестрых цветов вышла из моды, костюм современного покроя, из хорошей материи, сшитый у приличной портнихи в Коимбре, требовал замены. Она вспомнила, как сходила с корабля на эту африканскую землю, о которой знала из учебников географии и помнила, что острова делились на две группы: Наветренные и Подветренные. В тот поздний октябрьский вечер она шла так торжественно, что прохожие оборачивались ей вслед. Она шла под руку с мужем, который три месяца нетерпеливо ждал ее, и вид ее был настолько необычен, что какой-то субъект у двери аптеки Тейшейры сказал:

— О, эта женщина издалека.

Так начался новый этап в ее жизни: просторный дом с прислугой, деньги, о которых она и не мечтала, освобождение от бесконечных забот и хлопот: сегодня — гости, завтра — бал, день рождения, собрание в «Гремие», встречи со знакомыми в церкви или на пляже в Матиоте. Постепенно она становилась полноправным членом общества Минделу, жила спокойно и счастливо, радуясь открывшимся возможностям. Где ее муж мог бы получать такие деньги? В метрополии об этом и речи быть не могло. Недаром он так стремился в Африку.

Эти последние пять лет она прожила совсем неплохо. Правда, у нее осталась тайная неприязнь к местным жителям. Появилась эта неприязнь давно, со временем видоизменялась, теряла остроту, но подавлять ее она не считала нужным, да и с какой стати?

Достаточно того, что они черномазые, говорила она своей подруге Жульете Маркес, тоже белой, тоже из метрополии, хотя совсем непохожей на Эстер, но всегда соглашавшейся с ней из вежливости и нежелания спорить.

Все они здесь черные, пусть даже блондины, дети от смешанных браков, тоже мне раса!

— Дона Жульета, вы не были в Прае? Никогда?

Ее подруга не жила в столице и никогда ее не видела.

— А в чем дело, дон Эстер?

— Знаете, там нет такого смешения. Здесь куда ни пойдешь — на бал, в «Гремие», на любой праздник, — всюду одно и то же: эта ужасная мешанина.

Жульета, имевшая большой жизненный опыт, с готовностью поддержала беседу:

— В Африке черный — это одно, а белый — другое. Конечно, никто с ними не обращается плохо, просто черный — это черный, а белый — это белый. Каждый знает свое место, так и должно быть.

С этим Эстер не могла не согласиться.

— Может быть, в Прае не так уж и хорошо, но совсем иначе, чем здесь. И я должна вам сказать, что...

Приятельница оборвала ее на полуслове, стремясь сразу же поставить точки над «i»:

— Меня, дон Эстер, вы не увидите гуляющей вместе с ними в парке.

Первая не захотела упускать инициативу и откладывать на потом то, что она жаждала сказать сию минуту:

— Англичане — вот кто умеет дать им понять, где их место. На своих балах и праздниках, на пасху, на рождество, во время карнавала — они дают им развлекаться. Но стали бы они приглашать местных в свои прекрасные дома, где все самого высшего качества, роскошная мебель? Иногда, конечно, они приглашают кое-кого, но...

Эстер говорила с такой свободой и живостью, точно была чуточку навеселе, и в этот момент очень отлучалась от той Эстер, что приехала сюда пять лет назад и никогда не слышала о маджонге* и не умела тасовать карты. Она очень изменилась: стала прекрасно одеваться, любила хорошо поесть, научилась курить, сплетничать, жить на широкую ногу, но не упуская из виду мелочей.

Она целиком переняла привычки местного общества, рассуждала, как все они: о «Гремие», о приемах, о праздниках, приглашениях, о своих успехах в английском.

---

* Маджонг — китайская игра в кости.

Дона Жульета благосклонно слушала, лицо ее выражало полное довольство и уверенность в себе. Служанка убрала со стола, и они ковыряли в зубах зубочистками. Эстер открыла сумку, вынула шелковый платочек и стала жаловаться на жару и собственную полноту:

— И ведь это не от еды. Поверите, я ем совсем мало. Она вытерла шею надушенным платком, и ей стало как будто легче.— Здесь я очень тоскую. У нас там все было иначе, хотя, конечно, здесь столько возможностей.

Жульета согласилась:

— Людям всегда чего-нибудь не хватает. Я здесь около двух лет, а уже тянет обратно. Честное слово. Но муж хочет скопить побольше.

— Что ни говори, а нашу землю никогда не забудешь,— заключила Эстер.

Подруги стали вспоминать о прежних временах, о прежнем вымышленном достатке, скрывая, кем они были и кем тщетно пытались стать в той более чем скромной жизни; превозносили то, чего не было, то, чего никогда не делали.

Шепотом, как будто кто-то их мог подслушать, они с жаром обсуждали последние новости. Прежде всего, о Луизе Кейруш, жене кавалерийского капитана Кошты Пинты, которую застали с Альбертиной Понтеш, толстой старой девой, уроженкой Санту-Антана, привыкшей к свободным правам и не обращавшей ни малейшего внимания на мнение окружающих. Какой скандал!

— А как же капитан, Эстер?

— Что капитан? Он ведь под башмаком у жены. Да и потом, дона Жульета, зачем ему осложнять себе жизнь?

Они подошли к окну и увидели двух солдат, моментально скрывшихся в ближайшем переулке. Эти нахалы вышли из дома Касторины. Нравы падали на глазах; скоро они будут заниматься этим при свете дня. Количество солдат все увеличивалось, а благоразумие женщин все уменьшалось. Люди уже совершенно потеряли совесть, и их ничто не заботило.

Только вчера в пять часов дня лейтенант Мело прыгнул из окна спальни жены доктора Сеабра. А ведь эта лицемерка без молитвы за стол не садилась, каждую неделю причащалась и исповедовалась.

А скандал с капитаном Лусио, в шесть утра выходящим из дома Эльзы Мирано, у которой муж на Санту-

Антане? А сержант Абрантес, любовник Арминды и ее матери? Весь мир катится в пропасть. Они говорили все мягче, медленнее, довольные полным взаимопониманием...

В этот час город оживал. Дона Эстер, напудренная по старой привычке, со взбитыми светлыми волосами, в новом платье, благоухая французскими духами, стройная, как кедр (хотя некоторые говорили — «катившаяся, как мячик»), вышла на улицу.

Если бы не ее полнота, не изнуряющий лишний вес! Она пыталась худеть, но все безуспешно. Впрочем, в полноте есть своя прелесть, хотя многим мужчинам нравятся только стройные женщины. Но что делать. Проходить мимо сладостей, сделанных руками ньи Жины, знаменитой на Сан-Висенти кондитерши, выше ее сил.

Она не спеша, с чувством собственного достоинства шла по улицам Минделу. Время от времени встречный ветерок прижимал ее платье к ногам, обрисовывая пышные формы и разнося по воздуху живительный запах французских духов. Она срезала угол у фотоателье, пересекла улицу Скотланд-Бар, свернула на Бродвей, пересекла улицу Муниципалитета и вышла на ту, которая вела к Роша.

Скоро она подошла к дому номер двенадцать, толкнула дверь и поднялась по лестнице на второй этаж. Боже, наконец-то она снимет этот проклятый пояс. Время шло к обеду, скоро должен был вернуться муж. Служанка сказала, что ее никто не спрашивал.

Она открыла окно и стала обмахиваться великолепным веером из ароматного сандала, о котором она давно мечтала, он высушивал пот и давал ощущение прохлады в этом удушливом климате.

Она уже взялась за детективный роман, когда подбежала дочка со своими бесконечными вопросами. Нельзя же было ей не ответить — ребенок живо всем интересуется, такой уж возраст; интересуется буквально всем. Правда, иногда возникают недоразумения. Как, например, в тот раз, когда она спросила о беременной двоюродной сестре или, скажем, задала такой вопрос:

— Мама, а почему негры черные?

Этого только не хватало. Всегда эта Мирита говорит черт знает что, особенно когда отец дома. Умеет она пользоваться его слабостью, знает, что отец от нее без ума. И на все вопросы приходится отвечать.

— Ну, почему негры черные? Потому что не белые. А не белые, потому что бог так захотел.

Но дочь не удовлетворилась этим ответом. Ей хотелось выяснить все до конца.

— Они такие же, как мы, мама?

— Не совсем. Как для кого. Они черные, а мы белые. Это разные расы. Одна отличается от другой.— Может быть, она наконец удовлетворилась? Нет, с закономерностью пружины снова выскакивает вопрос:

— А что такое раса, мама?

— Люди бывают разные: есть черные, есть белые. Разные расы. Мы, например, белой расы, а негры черной. Понятно?

Никакого терпения не хватит с этим ребенком. Мать погладила ее по волосам, как бы желая успокоить и покончить со всеми вопросами. Но девочка не вняла ее немой просьбе и снова выпалила:

— Почему, мама?

— Ох, Мирита!

Эстер устало открыла книгу и сказала Мирите, чтобы она шла играть. Но девочка предпочла остаться и подумать обо всех этих запутанных вещах. Потом она встала и пошла на кухню — посмотреть, что делает служанка. Мирита была на редкость бойким ребенком.

В кого она пошла? Не в Ребело: тот уравновешенный, рассудительный; и не в нее: она очень сдержанна, хорошо владеет собой. Наверно, в тетюшку — веселую, шумливую, болтавшую без умолку, не заботившуюся о приличиях.

Тем временем Мирита стояла на кухне рядом со служанкой, изучая цвет ее кожи, волосы, губы, глядя на нее своими большими, любопытными голубыми глазами. Она решила, что, кроме цвета волос и кожи, все остальное — походка, жесты, черты лица — у нее такое же, как у всех. И она решила спросить, что думает об этом служанка.

— Андреа, ты знаешь, что такое раса?

Бедняжка не знала, и девочка решила ей объяснить:

— Расы есть белые и черные, ты — черной расы, я — белой, мы с тобой разные. Так мама сказала. Почему разные?

Сама Мирита была не очень уверена, что они разные. Вот и глаза у нее такие же голубые, хотя и маленькие.

Дона Эстер подошла к окну подышать вечерней про-

хладой. Приятный ветерок касался ее лица, пухлых рук, державших детективный роман, платья ее любимого ярко-голубого цвета с вышивкой из бисера. Она позвала Мириту.

— Ты куда, мама? К Арлетте?

— Да.— Она поцеловала дочь.

Едва она начала спускаться по лестнице, как Мирита окликнула ее:

— Мама!

— Что случилось?

— Арлетта — это та, которая тебе дает уроки?

— Да.

Уходя, она плотно закрыла дверь, чтобы покончить со всеми вопросами; иначе они продолжались бы бесконечно. И ведь с малых лет такая. В кого она пошла? Ясно — не в Ребело. Или в тетку, или в бабу — обе были вертушки.

Мирита думала о том, что ей никогда ничего как следует не объяснят, не скажут ясно и понятно, всегда какая-то путаница. И почему они так поступают? Неужели трудно объяснить все как следует? Или они нарочно? Но она их выведет на чистую воду.

— Папа, а мама ходит к Арлетте заниматься?

Ответ она прекрасно знала, мать ей уже говорила об этом, но ей захотелось узнать еще одну вещь, довольно сомнительную. Ей хотелось чем-нибудь уколоть этих взрослых, отомстить им. И она спросила отца не потому, что не знала, а просто чтобы поговорить о предмете, который разжигал ее любопытство.

Отец обожал дочь, и она умело этим пользовалась.

— Да, Мирита. А разве ты об этом не знала?

Мирита задумалась: говорить отцу или не говорить? Кое-что здесь ее смущало: мама ходила брать уроки у Арлетты, а Арлетта — мулатка...

С тех пор прошло много лет. Мирита пишет стихи, время от времени их печатают. Она сама себе хозяйка, делает, что хочет, и еще не потеряла надежды стать врачом, хотя мать против, а отец говорит, что для такой работы надо иметь огромное терпение и раньше они б не дали своего согласия.

Кто приедет в Кальлябе, увидит, что живут они спокойно и почти счастливо. Бог с ними.

Жоана

Услышав стук в дверь, Биа бросила мыть посуду, оставшуюся после обеда, и пошла посмотреть, кто это.

— Сеньора, это нья Жоана из Ломбо.

— Нья Жоана из Ломбо? Пусть войдет.

Жоана, тяжело ступая босыми ногами и опираясь на палку, вошла в комнату. Худая, густые седые волосы, иссохшее тело семидесятилетней женщины, прожившей нелегкую жизнь. Она стояла, озираясь по сторонам и обшаривая комнату беспокойными живыми глазами. Эта квартира обеспеченных людей ошеломила ее своим благополучием. Сгорбившаяся под тяжестью лет женщина повидала на своем веку немало богатых домов. Она путешествовала с прежними хозяевами, жила в достатке. Все было. Когда-то. В прошедшей молодости. А как переменялось все сейчас, боже мой! Лачуга, кое-как сложенная из старых досок и остатков жести, с земляным полом; старая циновка, расстеленная прямо на полу, кашупа, которую из жалости дает младший брат; случайные заработки, если нет разгрузки угля. Уж она-то знает, в какой роскоши могут жить люди. Она была счастлива. А сейчас впору идти с протянутой рукой. Она пожирает глазами комнату, отвлекаясь от собственных горестей.

Когда Биа сказала, что пришла нья Жоана, дона Жудит отдыхала, болтая с мужем о пустяках. Жудит исполнилось двадцать лет, и жизнь сулила ей только радости. Она поднялась с постели и пошла взглянуть на себя в зеркало.

— Там одна женщина, я ее не знаю,— сказала она мужу.

— Денег, наверное, просит?

— Может быть. Жалкая такая. Видно, нуждается.

Муж встал, снял японскую шелковую пижаму и надел английский костюм.

— Сеньора, вы уж простите, мне так неудобно. Не помните меня?

— Нет, не помню, нья Жоана. Да вы садитесь.

— Да, сеньора, ноги у меня теперь не те.

— Сюда, пожалуйста.

Старуха неловко села на краешек стула, правой рукой опираясь на палку.

— Знаете, я так обрадовалась, когда услышала, что вы замужем. Так обрадовалась! Ня Коншинья мне сказала: знаешь, дочка ньи Ниты вышла замуж. Я ведь знала сеньору вот такой маленькой. Столько раз на руках носила. Купала, гуляла. Господи, как бежит время.

— Летит, ня Жоана.

— Да-а, сеньо-о-ора. Я у ваших родителей много лет служила. Ваша матушка была так добра ко мне, да и ко всем. Век ее не забуду. Когда она умерла, я столько слез выплакала. Сеньо-о-ора очень похожа на нее. Лицо, и улыбка, и платье. Ну, прямо ваша матушка, которую боженька взял к себе. Так она добра была, так добра. Никогда людям не отказывала.

Жоана не позволила себе увлечься воспоминаниями.

— Потому я так и обрадовалась, узнав, что вы замужем за хорошим человеком. Вы ведь мне как дочь.

— Спасибо, Жоана. Ты так много сделала для нас.— Она хотела предложить вина, но передумала и сказала:— Выпьешь грога?

Дона Жудит извлекла из буфета бутылку грога, наполнила рюмку, достала тарелку с пирожными. Жоана выпила разом всю рюмку и церемонно откусила кусочек пирожного. Жудит вспомнила про кускус, оставшийся с вечера, и поставила его перед гостьей.

— Сеньо-о-ора, можно спросить? Когда вы на континент собираетесь?

— Скоро, ня Жоана. Муж уедет месяца через три, и я за ним.

Старая женщина улыбнулась своим мыслям. Она вдруг ясно увидела себя молодой цветущей девушкой. Она служила у англичан Миллеров на Сан-Висенти. Потом Ливерпуль, Лондон. Счастливые годы, когда она служила у важных господ. Новые туфли, фартучек, отделанный кружевом, накладка в волосах.

— Да-а, сеньо-о-ора, мне это не в диковинку. Лиссабон я знаю как свои пять пальцев. Чего только я не видела, и Лондон, и Италию. Везде побывала. Лиссабон — город избалованный, огромный. Наши Острова в нем целиком уместятся. Красивый город, вам понравится. Золотое было времечко! Жаль, ушло.

— Прошлого не вернешь, ня Жоана. Ничего не делаешь.

— Вы правы, сеньо-о-ора. А знаете, я ведь служила у больших людей, у англичан. Хозяин компанией управлял. Они меня в Англию и взяли. Холодная страна. В Лиссабоне потеплее, а все равно без теплой шерстяной одежды не обойтись. Со здешней зимой не сравнить.

Лицо ее оживилось. Она радовалась возможности поделиться с кем-то своим опытом.

— Вам понравится. Здесь какая жизнь? Все одно и то же. Море и море до самой смерти. Не уедешь — так и жизни не узнаешь. Все лучшее в большом мире. Только там умеют жить.

Нья Жоана допила остатки грога, вытерла губы и поставила рюмку на поднос. Похвалила грег со сдержанностью знатока. Потом, соблюдая приличия, оставив мизинец, взяла ломтик кускуса и с наслаждением откусила. Дона Жудит с грустью подумала, что, должно быть, Жоана давно не пробовала кускуса.

Вспоминая о дальних странах, о прежних хозяевах, о молодости и счастье, она почти забыла о своей нищете и невзгодах.

Ломбо, жалкая лачуга, нестерпимая жара, плачущая племянница на руках. Предчувствие смерти, медленной, но неотвратимой, в одну из бесконечных тоскливых ночей или одиноких вечеров, когда после захода солнца по острову блуждают таинственные тени, возникшие из темных морских глубин и застывшие над Ломбо, над рекой, над холмом Сосегу, как тени умерших.

Жоана устала. Много раз она видела себя в деревянном ящике, кое-как сколоченном руками бедняков Минделу. Видела свои похороны, двух-трех человек у гроба. Без священника, без молитв. Или еще хуже: ее завернут в кусок материи и положат в общую могилу. Эти мысли заставляли ее каждый раз содрогаться от ужаса. Как же без священника? Но где взять деньги на отпевание? Ее ждет ужасный конец. Судьба есть судьба. Она устала. Оставалось только молиться.

Раньше у нее были клиенты. Тогда она жила на Фонте-Конего — в тихом месте, куда могли спокойно ходить приличные люди. А потом нья Жоана и нья Нуна всех потеряли. Жоана узнала голод. Хорошо, если удавалось поесть раз в день. Часто приходилось довольствоваться чашкой кофе и куском черствого хлеба. И то благодаря братцу Артуру.

Только Жоана знала, чего стоило пройти расстояние от Ломбо до центра города за десять минут с небольшим. Ее ноги не гнулись, тело сопротивлялось малейшему движению.

В доме доны Жудит, благодаря грогу, пирожному и кускусу, приятным воспоминаниям о лучших годах, благодаря внимательной слушательнице, которую она в былые дни носила на руках, баловала, укладывала спать, Жоана забыла о старости, о болезнях, о смерти, подстерегающей ее в Ломбо. Она со знанием дела давала советы.

— Сеньо-о-ора, когда поедете в Лиссабон, прислугу берите не старую, но и не очень молодую. Старая работает плохо. А с молодой всегда что-нибудь. То загуляет, то молодой человек у нее — не до работы.

Дона Жудит внимательно слушала.

— И еще сеньо-о-ора. Будьте осторожны, выбирайте девушку серьезную, не воровку. Которую спокойно можно в доме оставить. Ворующая прислуга — это несчастье. Поверьте, я уж знаю. Я в жизни всякое повидала. Девушки с Сонсенте никуда не годятся. В Лиссабоне надо быть очень внимательной. Город огромный, потеряетесь и не заметите.

Тем временем хозяин дома курил в соседней комнате, старательно выпуская кольцами дым изо рта и от нечего делать прислушиваясь к рассказу Жоаны. Он с нетерпением ждал, когда же она скажет о цели своего прихода.

Нья Жоана, однако, продолжала давать советы, как будто речь шла о ее собственной дочери. Говорила о холоде, о морских путешествиях. Не упускала ничего.

— Не забудьте, сеньо-о-ора. Обязательно возьмите с собой лимон или апельсин. Тошнота — ужасная вещь. Просто ужасная. Она вас изматывает. Аппетит пропадает, и сил совсем не остается. Так что возьмите лимон и сосите все время.

Наконец Жоана собралась уходить. Дона Жудит заинтересовалась, как она живет, как ее брат. Что могла ответить несчастная женщина? — Все идет как угодно богу. — И встала. — Ну, сеньо-о-ора, я пойду. Я так рада, что вы замужем и счастливы. Вы мне как дочь. Хорошо, что вы в Лиссабон едете. Знаете, — она понизила голос, как будто собиралась поведать важную тайну, — здесь

всегда одно и то же. Это наша земля, мы ее, конечно, любим. Родина. Но она оторвана от мира. Настоящая жизнь только там — в Англии, в Бразилии, в Америке, в Лиссабоне. Лиссабон — совсем другое дело, сеньо-о-ора. Всего хорошего, вам и вашему мужу. Дай вам бог красивого сынка.

— Спасибо, Жоана, — улыбнулась Жудит. — Еще чашечку кофе?

Нья Жоана выпила еще чашечку кофе, съела немного кускуса.

— Извините меня сеньо-о-ора, будьте счастливы.

— Спасибо, Жоана, спасибо.

Подшли к двери. Наверное, она хотела попросить что-то и не решалась. Жудит помогла ей.

— Послушай, нья Жоана, скажи откровенно, тебе нужно что-нибудь?

— Нет, сеньо-о-ора. Большое спасибо. Ничего не нужно. Очень вам благодарна.

Дона Жудит завернула остатки кускуса, перевязала зеленой шелковой ленточкой и дала Жоане.

Старая женщина, опираясь на палку, сделанную из ветви апельсинового дерева, побрела домой.

Первый бал

— Мама, мне так хочется сегодня на бал в Зе-де-Канда!

— Ты еще мала, Белинья. Подрастешь, и будешь ходить на все балы Сонсента.

— Все идут — Биа де Танья, Шенша де Тойно. Одна я остаюсь. Почему, мама? Я ведь уж совсем взрослая. Посмотри.

И она так кокетливо повернулась на носках, что мать не смогла удержать улыбку. Как быстро растут дети! Дочь стала совсем взрослой, красивой девушкой: густые волосы, чистая светлая кожа, типичная уроженка Санту-Антана.

— Ну разреши, мама!

— Не говори глупостей. Тебе только четырнадцать. Тебе еще рано ходить на танцы.

— Ты бы видела, как я танцую. Любой танец — и самбу, и румбу, и морну, и даже тонгинью. Лучше мно-

гих взрослых девушек. Помнишь, как я танцевала на празднике ныи Луизиньи?

— Помню. Но ты пойми, Белинья, я хочу уберечь тебя от ошибок, от легкомыслия. Ты должна стать достойной дочерью Санту-Антана. Наш остров не чета распущенному Сонсенту. Наши женщины всегда славились примерным поведением. Я хочу уберечь тебя от неверного шага. Оступишься — не поднимешься. Знаешь таких девиц — сегодня с одним, завтра с другим?

— Mamочка, я все понимаю. Со мной пойдет Розинья ныи Аны, да ты ее знаешь, очень хорошая, воспитанная девушка. Отпустишь меня с ней, да?

Они сидели рядышком. Дочь взяла ее руку в свою, с силой сжала и начала тихонько всхлипывать.

На холме Сосегу, печальном и молчаливом, время точно остановилось. Уныло взирали на мир облепившие его лачуги с заплатами из жести, украденной на пристани у англичан.

Мужчины, сидевшие у дверей лачуг, лениво покуривали трубки в ожидании вечерней прохлады. В одно мгновение солнце скрылось в заливе. Этот предвечерний час навевал покой, а иногда порождал в душе бесконечную, тревожную тоску.

Время от времени на тропинке, ведущей вниз, переговариваясь, появлялись люди. Иногда тишину нарушал чей-нибудь окрик. И из этого покоя звенящей тишины возникала морна, как безысходный народный плач.

— Mamочка, милая, ну отпусти меня! Ну почему я такая несчастная?

Песня плыла по окрестностям, и простая, чистая мелодия брала за душу. Невозможно устоять перед морнами бродячего певца. Голос и гитара сливаются воедино; медленные, скользящие звуки завораживают, подчиняют себе, пробуждают неясные желания, мечты и уносятся вдаль, к горизонту.

В морнах Мошиньо, прославляющих жизнь со всеми ее страданиями, изливается тоска вечного пленника острова.

Ночь в Милделу тиха и прекрасна...

Мать вспомнила свою молодость. Ночи любви в Таррафале у Пшеничного Холма, на берегах Паула. Вспом-

нила танцевальные вечера минувших лет, и воспоминания захватили ее.

— Почему ты не пускаешь меня? Все считаешь меня ребенком? — молила Белинья.

Ну как противиться отчаянному желанию дочери? Как будто вернулась ее собственная юность и заговорила устами Белинья.

— Перестань плакать, хватит! Пущу я тебя на бал, пущу. Но помни: с парнями Сонсента держи ухо востро, это такие пройдохи! Поняла?

На землю опускались сумерки, неся с собой жажду, готовность, предвкушение осуществимых желаний.

В эти поздние часы сверкающей ночи начинался бал в Зе-де-Канда.

В небольшом танцевальном зале, освещенном единственной лампой, яблоку негде упасть. Воздух густой и маслянистый, насыщен запахом нефти, испарениями человеческих тел, кислым теплом, вызывающим головокружение.

Появились местные парни: служащие, студенты лицей, имевшие славу донжуанов, — сумасбродные головы, которые при желании перевели бы город на осадное положение.

Мигелим принимает к соблазнительному телу девушки, их лица сближаются.

— Белинья, тебе здесь нравится?

— Да.

Мигелим обнимает ее еще крепче, шепча:

— Белинья, мне надо тебе кое-что сказать, слышишь? Слышишь, Белинья?

Юноша, все теснее прижимаясь к ней, заставляет девушку отклоняться.

— Ты слышишь? Я без ума от тебя. Мне надо тебе кое-что сказать.

Самба, румба, в перерывах — чай. Раздаются чьи-то выкрики, кого-то зовут, слышатся глупые шутки. Отличный бал!

Сама атмосфера зала порождала безрассудные желания. В эту ночь каждому хотелось делать все что угодно.

— Эй, давайте все курить! Сигареты всем девушкам! Девушки предместий, привыкшие зарабатывать себе

на жизнь, курили, закинув ногу на ногу, жеманно держа сигарету двумя пальцами, желая показать, что они знают толк в сигаретах и умеют пускать дым через нос. Белинья тоже выкурила сигарету, которую ей предложил Мигелим. Ей понравилось. Она была в восторге от этого чувства единения, острых словечек, которыми перебрасывались танцующие.

Это был иной мир, так отличавшийся от работы, залива, угля, от погрузки мешков под палящим солнцем на пристани.

— Какая музыка! Вы слышите, какая музыка!

Тела соприкасаются. Мелькают пары.

— Давай, парень, давай! — слышится время от времени жаждающий и чувственный призыв.

— Еще одну морну! Шевелись!

Парни теснее прижимают к себе девушек, тела обвивают друг друга.

— Белинья, я без ума от тебя. Без ума, без ума, слышишь?

От Мигелима исходило какое-то обволакивающее, коварное обаяние. Как уйти от него? Она не в силах противиться. Как приятен этот юноша с крепкими руками, бронзовой кожей, крупными губами. Почему ей все время хочется быть рядом с ним?

— Белинья, я поцелую тебя. Прямо сейчас, в зале.

— Нет, нет, осторожно, — с тревогой сказала она, но не отстранилась.

— Белинья, я поцелую тебя.

И поцеловал. Девушка вздогнула. Какое бесстыдство!

Мигелим, надо сказать, был человеком опытным. Он разбирался в жизни, как люди, немало поколесившие по свету. Он чуть отстранился от нее и назвал голубкой. Белинья, сдерживая учащенное дыхание, чувствовала себя счастливой в объятиях этого парня.

— Белинья, я хочу тебе кое-что сказать. Скажу после этого танца.

— Ну, говори.

— Нет, это секрет. Давай выйдем отсюда, хорошо?

Девушка слушала нежные, возбуждающие слова и всеми силами старалась не поддаваться искушению. Ничего не получалось. Она чувствовала себя очарованной, опьяненной этим призывом, несшим гибель.

Танец кончился.

Парни, погруженные в приятную негу морны, захлопали в ладоши. Музыкантов вызывали на «бис».

Танцующие становились все ближе друг другу. Что это было? Музыка, которая вводила их в ласковый и греховный мир? Или что-то другое?

— Я поцелую тебя.

Зачем противиться? Зачем говорить, что все на них смотрят, что это неудобно? Зачем, если Мигелим так уверен в себе и лучше знает, как надо себя вести? Зачем, если все это так приятно, так безобидно? А может быть, это грех? Зачем сопротивляться и говорить «нет», когда звучит морна Мошиньо де Монте?

Мелодия внезапно оборвалась. На мгновение все замерли, медленно выходя из оцепенения.

— Пойдем, Белинья!

Куда? Нет, она не уйдет отсюда. Она не выйдет из зала. Только в буфет. Пусть Мигелим не настаивает.

— У меня есть для тебя секрет. Ты не пожалеешь.

Он ласково берет ее руки в свои.

— Ради всего святого, Белинья.

Нет, нет, она не уйдет отсюда. Она боится.

— Пойдем, Белинья. Я с ума схожу по тебе. Мне надо сказать тебе одну вещь.

Можно ли ему верить? Нет, пусть скажет здесь, только здесь, в буфете.

— Белинья, не будь глупенькой.

— Нет, нет, нет.

— Белинья, слушай. Слушай же.

Она хотела и не хотела — и пошла. Куда?

В ночи раздался звук расстроенной трубы, один такт негритянского танца, современного батуке. Ритм его проникал в самое сердце, был зовом африканской родины.

Светлая ночь сияла вокруг, как морна Белеза, которую на этой тропической земле играл сам Мошиньо де Монте.

— Белинья!

Мигелим обнял ее. Она внимала его словам, слабо пытаясь сопротивляться и отдаваясь сладостному зову.

Труба в апогее своего безумия заглушала слова девушки, приглушенные, покорные.

Их слышала только ночь.

Содержание

<i>Е. Ряузова. Предисловие</i>	5
ЧАС ОТПЛЫТИЯ. Повесть. Перевод Е. Ряузовой	13
ОРДЕР НА АРЕСТ. Повесть. Перевод Е. Ряузовой	131
РАССКАЗЫ. Перевод О. Сергеевой	239
Филип Рыбья Голова	241
История ньо Висенте	248
Воскресенье у друзей	253
Вечерний чай у доны Эстер	258
Жоана	268
Первый бал	272

МАНУЭЛ ФЕРРЕЙРА

Час отплытия

Составитель Елена Александровна Рязова

ИБ № 4820

**Редакторы: А. Корх, А. Михалев, А. Файнгар,
М. Финогенова**

Художник В. А. Класуц

Художественный редактор А. П. Купцов

Технический редактор О. Н. Черкасова

Корректор И. М. Лебедева

**Сдано в набор 1.12.1978 г. Подписано в печать
5.04.1979 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типо-
графская № 1. Условн. печ. л. 14,7. Уч.-изд.
л. 14,83. Тираж 30.000 экз. Заказ № 1168. Цена
1 руб. 80 коп. Изд. № 27957.**

**Издательство «Прогресс» Государственного ко-
митета СССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли.**

Москва, 119021, Zubovskiy bulvar, 17.

**Московская типография № 11 Союзполиграф-
прома Государственного комитета СССР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 113105, Москва, Нагатинская, 1.**

